

ШАРЛОТТА БРОНТЕ

Джейн Эйр

СЕДЬМАЯ КНИГА

Шарлотта Бронте Джейн Эйр

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6506786
Джейн Эйр: Седьмая книга;
ISBN 978-5-906-13704-3*

Аннотация

Викторианская Англия. После восьми лет, проведенных в пансионе для бедных девочек, сирота Джейн Эйр получает место гувернантки в Торнфилде – вотчине Эдварда Рочестера. Хозяин поместья редко навещает родные края, а в его отсутствие Джейн должна присматривать за восьмилетней Адель – воспитанницей загадочного аристократа. И вот однажды Рочестер возвращается. Так начинается одна из самых известных романтических историй в мире...

Содержание

Глава I	5
Глава II	9
Глава III	14
Глава IV	20
Глава V	30
Глава VI	39
Глава VII	44
Глава VIII	50
Глава IX	55
Глава X	60
Глава XI	67
Глава XII	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Шарлотта Бронте Джейн Эйр

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Глава I

День выдался не для прогулок. Правда, утром мы часок побродили среди голого кустарника в саду, но после обеда (а мисс Рид, когда в доме не было гостей, обедала рано) холодный зимний ветер нагнал такие мрачные тучи и принес такой пронизывающий дождь, что о прогулке и думать было нечего.

А я и рада была: мне никогда не нравилось подолгу гулять, к тому же в холод, да еще и к вечеру. Терпеть я этого не могла: придешь в сумерки, продрогшая, ноги заоченели, пальцы на руках не слушаются, а тут еще Бесси, наша няня, начинает выговаривать тебе, и так тоскливо становится на душе от ее поучений и от унижительного сознания собственной физической неполноценности перед Элизой, Джоном и Джорджианой Рид.

Эти самые Элиза, Джон и Джорджиана сейчас сгрудились в гостиной вокруг своей мамы. Та сидела, полуразвалясь, на софе возле камина и была вполне счастлива, видя возле себя свои сокровища (которые в данный момент не ругались между собой, и не плакали).

Меня она от своих чад отлучила. Она говаривала, будто сильно сожалеет, что буквально вынуждена держать меня подальше от своих детей, но, мол, это прекратится, как только Бесси скажет ей и она своими глазами заметит, что я во всю стараюсь приобщиться к более приемлемым и пристойным ребенку манерам, что я стала более открытой, естественной, искренней, а до той поры ей придется лишать меня обхождения, которого заслуживают только ласковые и милые детишки.

– А чего, Бесси говорит, я такого сделала? – как-то поинтересовалась я.

– Джейн, я не люблю, когда дети задают слишком много вопросов. К тому же совершенно недопустимо, чтобы дети разговаривали со взрослыми в такой вот манере. Иди, посиди где-нибудь и, пока не научишься разговаривать как надо, не подавай голоса.

К гостиной примыкала маленькая вторая столовая, где обычно завтракали, и я скользнула туда. В этой комнате стоял книжный шкаф, и я занялась поиском книжки, в которой было побольше картинок. Скоро я нашла такую, забралась с нею на подоконник и села там, подобрав под себя ноги по-турецки. Задернув красные шторы, я оказалась там в двойной изоляции – от комнаты и от улицы.

Складки красной драпировки закрывали меня справа, а по левую руку чистые стекла защищали меня, но не отделяли от противного ноябрьского дня. Перевертывая страницу, я поглядывала, что делается за окном холодным зимним днем. Вдали висела завеса из тумана и облаков, а под окном располагалась мокрая лужайка и потрепанные ветрами кусты. То и другое без устали поливал дождь под печальные завывания ветра.

И я возвращалась к книге – «Птицы Британии» Бьюика. Сам текст, вообще-то, меня мало занимал, но я, хоть и ребенок, не смогла пройти мимо некоторых страниц предисловия. Особенно тех, где рассказывалось о жизни морских птиц, о «голых скалах и одиноких утесах», на которых кроме птиц никто не обитает, о берегах Норвегии, вдоль которых от самой южной ее оконечности, мыса Линдеснес, или Нейз, и до мыса Нордкап море усеяно множеством островов:

Там разъяренный Ледовитый с ревом
Среди пустынных островов бушует,
Атлантика там буйствует во гневе,
Стараясь смыть с лица земли Гебриды.

Не остались для меня незамеченными и страницы о неуютных берегах Лапландии, Сибири, Шпицбергена, Новой Земли, Исландии, Гренландии, а также об «огромном пространстве арктической зоны, о тех затерянных суровых районах, которые служат хранилищами жгучего холода и снега, где ледяные массивы, сложившиеся за многие и многие века вечной зимы, громоздятся на альпийскую высоту, окружают полюс и служат источником самых суровых морозов». Об этих мертвенно-белых мирах у меня сложились свои собственные мысли, туманные, как и обо всем, о чем детский ум имеет самые отдаленные представления, но, как ни странно, я оказалась под их сильным впечатлением. Текст предисловия сопровождался обилием иллюстраций в виде виньеток, что усиливало зрительное восприятие написанного: я воочию видела одинокую скалу среди брызг и пены бушующих волн, разбитую лодку, выброшенную на пустынный берег, холодную и зловещую луну, взирающую через разрывы мрачных туч на гибнущий корабль.

Мне и теперь трудно выразить словами, до чего сильное впечатление произвела на меня картинка с изображением заброшенного кладбища. Я не могла оторвать глаз от надгробных камней с высеченными надписями, от старых ворот, от двух сиротливых деревьев на фоне полуразрушенной кладбищенской стены, от поднимающегося предвечернего месяца.

Два судна на ровной поверхности уставшего от бурь моря показались мне морскими призраками.

Дьявола, крадущего у вора краденое, я перевернула сразу: от таких картинок мне делалось страшно. И другую страницу сразу закрыла, на которой черное рогатое существо поглядывало издали на толпу, собравшуюся вокруг виселицы.

Каждая картинка о чем-то говорила, и часто это было недоступно моему еще ограниченному уму и неразвитым чувствам, но, тем не менее, крайне интересно – столь же интересно, как сказки, которые Бесси иногда рассказывала долгими зимними вечерами, если оказывалась в добром расположении духа. В такие минуты она придвигала свой гладильный столик поближе к камину в детской комнате и, пока разглаживала кружевные юбки миссис Рид или восстанавливала оборки на ее ночном чепчике, позволяла нам собираться вокруг нее и начинала утолять наше жадное любопытство любовными и приключенческими историями, почерпнутыми из старинных сказок и баллад или (как я с годами узнала) из «Памелы» и «Генриха, графа Морлендского».

С книгой Бьюика на коленях я чувствовала себя счастливой – по крайней мере, на свой лад счастливой. Я боялась одного: как бы не помешали. Но это случилось, и слишком скоро. Дверь в комнату открылась. Вошел Джон Рид.

– Эй, мадам Плакса! – крикнул было он, но тут же осекся: в комнате никого не было.

– Куда ее черти подевали?! – недовольно продолжал он орать. – Лиззи! Джорджи! – позвал он сестер. – Джоан нет здесь. Скажите мамочке, что она убежала на дождь, безмозглая тварь.

«Хорошо, что я задернула шторы», – подумала я, и мне всей душой захотелось, чтобы он не обнаружил моего укрытия. Впрочем, сам бы он никогда не догадался: Джон Рид не отличался ни наблюдательностью, ни сообразительностью. А вот Элиза, едва появившись в двери, сразу заявила:

– Она наверняка на подоконнике, Джек.

И я тут же вышла из-за штор, потому что мне стало жутко от мысли, что этот Джек вытащит меня оттуда силой.

– Что тебе нужно? – спросила я с внешним спокойствием, а в душе вся сжавшись от страха.

– Говори: «Что вам угодно, хозяин?» – потребовал он. – А угодно мне, чтобы ты подошла сюда.

Усевшись в кресло, он для убедительности жестом показал мне, чтобы я подошла и встала перед ним.

Джону Риду было четырнадцать лет, на четыре года больше, чем мне – мне исполнилось десять. Для своего возраста он был слишком крупным и рослым парнем с грубыми чертами бледной, болезненной, расплывшейся физиономии, чрезмерно большими ручищами и ножищами. За столом он вечно объедался, оттого у него и был такой желтушный вид, мутные и заплывшие глаза и обвисшие щеки. В данный момент ему вообще-то следовало быть в школе, но мамочка на месяц – другой забрала его домой «ввиду слабого здоровья». Мистер Майлс, учитель, говорил, что для парня было бы куда лучше, если бы он поменьше получал из дома пирогов и сладостей, но материнское сердце напрочь отвергало столь грубое толкование и склонялось к тому, что причиной бледности и желтизны мальчика являются учебные перегрузки и еще, пожалуй, тоска по дому.

Джон не питал особых чувств ни к матери, ни к сестрам, но вот в ненависть ко мне вкладывал всю душу. Он все время держал меня в страхе, издевался. Это проявлялось не два – три раза в неделю, не раз – другой за день – это длилось постоянно. Я боялась его каждым своим нервом, каждый мускул дрожал во мне, когда он приближался. Бывали моменты, когда я буквально теряла голову от ужаса, потому что у меня не было от него никакой защиты и некому было жаловаться. Прислуга не хотела вызывать неудовольствие молодого хозяина, а миссис Рид была слепа и глуха на этот счет: она словно не замечала, если он бил меня, и не слышала, если оскорблял, хотя он сплошь и рядом делал это у нее на глазах, но, впрочем, еще чаще – у нее за спиной.

Привычно послушная ему, я подошла. Он какое-то время строил мне рожи и высовывал язык насколько мог – как только он у него не отвалился. Я знала, что он вот-вот меня ударит, и, хотя и дрожала от страха, рассматривала эту кривляющуюся физиономию с задумчивым видом и с мыслью о том, до чего же он противный и страшный. Не знаю уж, прочел ли он эту мысль на моем лице, только вдруг внезапно и сильно, не говоря ни слова, он нанес мне удар. Я пошатнулась, но не упала, только на шаг-два отошла от кресла.

– Это тебе за твою наглость, с какой ты отвечала маме, – произнес он, – и за то, что спряталась под шторами, как змея, и за то, какими глазами ты только что смотрела на меня, крыса несчастная!

Привыкшая к оскорблениям и издевательствам Джона Рида, я никогда и не думала как-то отвечать ему, и сейчас я больше нацелилась на то, чтобы собраться и выдержать новый удар, который наверняка последует за оскорблением.

– Что ты делала там за шторами? – спросил он.

– Читала.

– А ну, покажи книгу!

Я вернулась к окну и принесла ему книгу.

– Не смей брать наши книги. Ты тут приживалка, мама говорит. У тебя ни гроша за душой, отец ничего тебе не оставил. Ты бы сейчас побиралась, а не жила в одном доме с детьми настоящего джентльмена и не ела бы ту же самую еду, какую мы едим, и не носила бы одежду, которую покупает тебе наша мама. Я научу тебя, как лазить по моим книжным шкафам. Это мои книги. И весь дом принадлежит мне... будет принадлежать через несколько лет. Иди и встань у двери. И не у зеркала и не у окна.

Я так и сделала, вначале не сообразив, что входит в его планы, но когда увидела, что он поднимает книгу, целясь в меня, и привстает, чтобы запустить ею, то инстинктивно метнулась в сторону, закричав от испуга. Но было поздно: тяжелая книга все-таки достала меня, попала мне в голову. Я упала, ударившись головой о дверь и сильно поцарапав голову. Я почувствовала сильную боль, из раны выступила кровь. Я, кажется, еще никогда не испытывала такого страха, страх подавил во мне все остальные чувства.

– Какой же ты подлый и злой! – воскликнула я. – Ты же настоящий убийца. Тебе бы за рабами присматривать, как в древнем Риме!

Я читала «Историю Рима» Голдсмита и составила собственное мнение о Нероне, Калигуле и других его жестоких правителях. У меня на досуге возникали и некоторые параллели, о которых вслух я раньше никогда не говорила.

– Что?! Что ты сказала?! – закричал он. – И это ты мне?! Элиза, Джорджия, вы слышали? Я все скажу маме. А пока что...

Он бросился на меня и схватил меня за волосы и за плечо. Однако, отчаяние придало мне силы. Для меня это был самый настоящий тиран и убийца, похуже древних. А тут я еще почувствовала, как капли крови упали мне на шею, ощутила сильную боль. И от этого страх на время покинул меня, на меня нашло ожесточение. Я сама не знала, что делают мои руки, но только он истошно заорал: «Крыса! Ой, крыса!» – а потом взвыл еще громче. Помощь у него была под рукой: сестрицы со всех ног бросились за миссис Рид, которая ушла наверх. И вот она явилась, сопровождаемая Бесс и своей камеристкой Эббот. Нас растащили. Раздались крики:

– Дорогой ты наш! Как эта фурия налетела на мастера Джона!

– Ой, я в жизни ничего подобного не видела!

И тут вмешалась миссис Рид:

– А ну-ка отведите ее в красную комнату и запирайте там!

Меня схватили и в четыре руки потащили на второй этаж.

Глава II

Я сопротивлялась изо всех сил, чего раньше со мной не случалось. Для Бесси и Эббот это оказалось еще одним поводом укрепиться в плохом мнении обо мне. Но в этот раз я действительно вышла из себя – или, как, пожалуй, сказали бы французы, была вне себя. Я отдавала себе полный отчет в том, что мой кратковременный бунт дорого обойдется мне, но, как любой восставший раб, готова была в отчаянии идти до конца.

– Держите же ее руку, мисс Эббот! Она же, как обезумевшая кошка.

– Как не стыдно! Как не стыдно! – шумела мисс Эббот. – Как же это можно, мисс Эйр, – ударить молодого господина, сына вашей благодетельницы! Ударить своего молодого хозяина!

– Хозяина?! Какой он мне хозяин?! Я что – служанка ему?

– Да нет, вы ниже, чем служанка, потому что вы даром едите чужой хлеб. Вот посидите здесь и подумайте о своем поведении, злюка этакая.

К этому времени меня уже втащили в комнату, которую указала миссис Рид, и грубо усадили на мягкий стул без спинки. Я взметнулась было, как пружина, но тут же меня схватили две пары рук.

– Раз вы не хотите сидеть смиренно, – заявила Бесси, – придется вас привязать. Мисс Эббот, дайте мне ваши подвязки, а то мои она сразу порвет.

Мисс Эббот отвернулась и готова была уже снять с толстой ноги подвязку, но эти приготовления и страх перед новым бесчестьем несколько поубавили мой боевой пыл.

– Не надо, не снимайте, – взмолилась я. – Я буду смиренно сидеть.

В доказательство своих слов я вцепилась в стул.

– Ну, смотрите у меня, – сказала Бесси и, когда убедилась, что я действительно сдаюсь, отпустила мое плечо. Они с мисс Эббот встали надо мной, скрестив руки на груди, мрачно и с подозрением разглядывая меня и, похоже, не веря, что у меня все в порядке с головой.

– С ней никогда такого не было, – наконец прервала молчание Бесси, поворачивая голову к Эбигейл. (Эббот – уменьшительное от Эбигейл).

– В ней это наверняка сидело, – ответила та. – Я часто говорю нашей миссис, что думаю об этом ребенке, и миссис соглашается со мной. Такая маленькая, а какая коварная. Первый раз вижу, чтобы девочка в таком возрасте была такой коварной.

Бесси ничего не ответила ей, но несколько мгновений спустя обратилась ко мне:

– Вам надо бы помнить, мисс, что вы живете под крылышком у миссис Рид, она и поит, и кормит вас. Ведь откажись она от вас, у вас другой дороги нет, как в приют.

Мне нечего было сказать в ответ: подобное было для меня не в новинку, такие слова или намеки сопровождали меня по всей моей жизни, сколько я себя помнила. Уколы насчет того, что я ем чужой хлеб, стали как бы постоянным припевом, звучащим в моих ушах. Воспринимала я их очень болезненно, но до конца понять их причин не могла. К Бесси присоединилась и мисс Эббот:

– И не думайте, что раз миссис позволяет вам расти и получать воспитание в обществе ее детей, то, стало быть, вы ровня обеим мисс Рид и мастеру Риду. Они вырастут и станут богатыми людьми, а у вас как ничего нет, так и не будет. Так что, лучше терпите и старайтесь заставить себя не ссориться с ними.

– Мы говорим вам все это для вашего же блага, – добавила Бесси уже спокойным тоном. – Старайтесь быть услужливой и приятной, тогда, может быть, вы уживетесь в этом доме. Если же вы будете давать волю своим чувствам и вести себя грубо, то миссис прогонит вас, это точно.

– Да еще и Бог накажет ее, – продолжала мисс Эббот. – Он может покарать ее смертью во время ее очередного безобразия, и попадет она совсем не на небеса. Ладно, Бесси, пойдемте отсюда. Не приведи Господь быть такой. Когда останетесь одна, мисс Эйр, молитесь. Если вы не покаетесь, кое-кто нехороший вот спустится по дымовой трубе и утащит вас, и тогда уже ничто вам не поможет.

Они ушли, закрыв и заперев дверь.

Это была квадратная комната, в которой никто не жил. Красную комнату использовали для ночлега разве что в тех редких ситуациях, когда вдруг случался наплыв гостей в Гейтсхед-холл, и тогда уж использовали все комнаты до последней. Между тем это было одно из самых просторных и величественных помещений в доме. В центре, словно шатер, стояла кровать, держащаяся на резных столбиках красного дерева и закрытая пологом из плотной алой ткани. Два больших окна с вечно опущенными шторами наполовину закрывала драпировка из точно такой же материи, как и полог. Пол застилал красный ковер, столик в изножье кровати был покрыт ярко – красной тканью. Стены обтягивала материя желтовато-коричневого цвета с розоватыми разводами. В комнате стояли стулья из старого темного полированного красного дерева. На фоне всего этого царства теней белым пятном выделялась гора перин и подушек на кровати, застеленная белоснежным пикейным покрывалом. Не меньше выделялось и мягкое кресло у изголовья кровати, тоже белоснежное, с подставкой для ног перед ним. По моим тогдашним представлениям, оно выглядело настоящим тронном.

В комнате было прохладно, поскольку топили здесь от случая к случаю, тихо, поскольку сюда не долетали голоса из детской и кухни, и торжественно, поскольку сюда редко кто заходил. По субботам сюда заглядывала служанка, чтобы смахнуть с окон и мебели накопившуюся за неделю пыль. Изредка сюда навевывалась и сама миссис Рид, чтобы проверить содержимое потайного ящичка в комод, где хранились кое-какие бумаги, ее шкапулка с драгоценностями и портрет – миниатюра покойного мужа. В этом ящичке и состояла тайна красной комнаты, он был тем самым заклинанием, отваживавшим от комнаты лишние глаза, хотя ее величественное убранство стоило того, чтобы на него посмотреть.

Мистер Рид умер девять лет назад. Именно в этой комнате остановилось его дыхание, здесь покоилось его тело, отсюда его унесли в последний путь. И с того дня комната стала словно мрачным святилищем, вход в которое заказан непосвященным.

Стул, к которому меня чуть было, не приковали Бесси и эта злюка мисс Эббот, стоял возле мраморного камина. Передо мной высилась кровать, справа стоял высокий темный комод, на лакированной поверхности которого смутно и причудливо играли отражения, а слева от меня находились затемненные окна. Между окнами помещалось огромное зеркало, которое повторяло величественную пустоту кровати и комнаты.

Я не была уверена, действительно ли дверь заперта, и решила встать и проверить. Увы, заперли. Более надежной тюрьмы не сыскать. Возвращаясь, я прошла мимо зеркала и невольно остановилась, чтобы заглянуть в его глубины. В этом иллюзорном провале все выглядело холоднее и темнее, чем в реальности. На меня уставилась какая-то странная, похожая на призрак, человеческая фигурка с бледным лицом. Руки ее выглядели светлыми пятнами на фоне темной глубины, а горящие глаза, полные страха, казались единственным, что шевелилось на этом неподвижном фоне. Мне сразу пришло в голову, что этот призрак напоминает мне крошечных духов вроде эльфов, про которых на ночь рассказывала Бесси, и которые выходят из заросших папоротником мрачных болот и являются перед поздними путниками. Я вернулась на место.

Меня охватили суеверные страхи, но им было рано праздновать победу: кровь моя еще не успокоилась, доблестный дух восставшего раба еще не угас во мне. Меня вдруг закружил поток воспоминаний и заставил на время забыть о безрадостном настоящем.

В моем взбудораженном мозгу, словно осадок в потревоженном роднике, сразу всплыло всё – и грубость и издевательства со стороны Джона Рида, и надменное безразличие его сестер, и антипатия его матери, и пристрастие прислуги. Ну почему я должна вечно страдать, вечно подвергаться побоям? Почему все только и делают, что обвиняют и осуждают меня? Почему я никому не нравлюсь? Почему, как бы ни старалась я заслужить уважение, всё без толку? Вот Элиза – уж какая упрямая, эгоистичная – а ее любят. А Джорджиана? Взбалмошная, противная, злобная, дерзкая – и все равно все к ней снисходительны. Людям нравятся ее розовые щечки и красивые золотистые кудряшки, на нее посмотрят – и прощают ей любые выходки. И Джон – что хочет, то и делает, и никто ни слова, не то чтобы наказать. А ведь он и шеи голубям сворачивает, и цыплят убивает, и собак натравливает на овец, обдирает без спроса виноград в парнике, обрывает там бутоны редчайших цветов. Мать он зовет «старухой», иногда издевается над цветом ее кожи, хотя у самого еще хуже. Мать он не слушается, а сколько раз рвал и мазал в грязи ее шелковые платья! И все равно он «мой дорогой мальчик». А я стараюсь изо всех сил, делаю все, что мне велят – но, то и дело слышу, что я и непослушная, и лентяйка, и обидчивая, и скрытная... И так с утра до ночи.

Голова у меня по-прежнему ныла от ударов и падения, сочилась кровь. Надо же, никто и не подумал даже слова сказать Джону за то, что он избил меня. А я лишь попробовала защитить себя – и все как один накинулись на меня.

«Какая несправедливость! Какая несправедливость!» – возмущался мой разум, которому эмоциональный подъем давал прилив энергии, не совсем своевременный, хотя и неустойчивый, а отсюда и решение насчет того, как бороться с несправедливостью, было соответствующим: бежать из дома, а если не получится – не есть, не пить и дать себе умереть.

Моя душа оцепенела и ожесточилась в этот мрачный день. В каком смятении был ум, какой дух бунтарства охватил мое сердце! Но я словно металась в потемках и не могла найти никакого просвета. Я никак не могла ответить на засевший во мне и не дававший покоя вопрос: почему я должна так страдать? И сейчас, по прошествии – я не скажу вам, скольких, – лет, я отчетливо помню свое тогдашнее настроение.

Да, это я вносила раздор в жизнь Гейтсхед – холла. Я не была ни на кого похожа в этом доме, у меня не было ничего общего ни с миссис Рид, ни с ее детьми, ни с ее прислугой. Если они не любили меня, то ведь и я не особенно любила их. Они не могли испытывать теплых чувств к существу, которое не питало ни к кому из них симпатий, существу чужеродному, ничуть не похожему на них, ни по темпераменту, ни по положению, ни по устремлениям, существу, неспособному услужить и угодить им, существу своенравному, в котором постоянно тлеют искры недовольства обитателями дома, презирающему их суждения. Будь я ребенком жизнерадостным, необычайных способностей, беззаботным, игривым, красивым, то и при той же зависимости и одиночестве я пользовалась бы гораздо большим расположением со стороны миссис Рид, ее дети относились бы ко мне более дружески, а прислуга не делала бы меня козлом отпущения.

В красной комнате начинало темнеть. Пошел пятый час, облачный день переходил в мрачные сумерки. Мне было слышно, как дождь продолжает барабанить в окно на лестнице, как завывает ветер в деревьях за домом. Потихоньку я стала коченеть, и мое мужество начало покидать меня. Вернулось обычное состояние приниженности, сомнения в себе, безысходного одиночества и уныния, и оно загасило во мне тлевшие угольки гнева. Вот все говорят, что я нехорошая. Что ж, может, так оно и есть. Разве не я только что решила уморить себя до смерти? А это ведь преступление. Да и готова ли я умереть? Неужели меня так манит перспектива оказаться в склепе под местной церковью? Кстати, мне говорили, что там покоится мистер Рид. Мои думы перекинулись на мистера Рида, и чем дальше, тем безрадостнее они становились.

Я не могла помнить мистера Рида, но знала, что это мой дядя – брат моей матери, что он взял меня к себе, после того как я осталась без родителей. Я знала: в последние минуты своей жизни он получил от миссис Рид обещание, что она будет относиться ко мне, как к своим собственным детям. Миссис Рид, видно, считает, что сдержала свое обещание. Она и сдержала его – я бы сказала, насколько это позволяла ей ее натура. Да и как она, действительно, могла любить чужака, человека не родственного ей и не связанного с ней, после смерти мужа, никакими узами? Куда более странным выглядело бы, если бы она твердо придерживалась обещания быть матерью чужому ребенку, к которому не испытывала любви. Каково ей видеть чужого ребенка, постоянно отирающегося возле ее родных детей?

И тут меня осенила еще одна мысль. Я не сомневалась – никогда не сомневалась, – что если бы мистер Рид был жив, то он хорошо относился бы ко мне. И я, глядя на белую кровать и тонушие во тьме стены и временами поглядывая, как околдованная, в тускло поблескивающее зеркало, начала вспоминать, что покойники, последнюю волю которых нарушили, испытывают муки в могилах, что они возвращаются на землю, чтобы наказать лжецов и отомстить за обиженных. И тут же подумала: а вдруг дух мистера Рида, угнетаемый обидами, которые наносят его племяннице, дочери его родной сестры, покинет свое убежище – в церковном склепе или где-то еще в мире усопших – и явится передо мной в этой самой комнате? Я вытерла слезы и перестала всхлипывать, опасаясь, как бы в ответ на громкое проявление горя не раздались слова утешения, произнесенные потусторонним голосом. А то еще из тьмы может выступить светящееся лицо и горестно склониться надо мной. Когда о таких вещах говоришь отвлеченно, то кажется, будто человек должен воспринимать их как утешение своим горестям, но от мысли, что такое может случиться со мной, меня бросило в дрожь. Я изо всех сил постаралась отогнать эту мысль и заглушить в себе дрожь. Стряхнув с глаз прядь волос, я подняла голову и отважно попыталась взглянуть во тьму комнаты. В этот момент на стене появилось световое пятнышко. Может, это лучик лунного света, проникший сквозь шторы окна? – спросила я себя. Нет, лунный свет стоит на месте, а это пятно шевелится. Пока я смотрела на него, оно все время перемещалось и остановилось, наконец, подрагивая, на потолке, прямо над моей головой. Теперь-то я могу предположить, что источником света был фонарь, который кто-то нес на улице. Но тогда, мысленно готовая столкнуться с любым ужасом, когда нервы были натянуты до предела, я восприняла перемещающееся световое пятнышко как предвестник появления пришельца с того света. Сердце тяжело застучало, в голову бросился жар. Вдруг до моих ушей долетел звук, который я восприняла как шум крыльев, а тут еще мне показалось, будто рядом со мной что-то появилось. Что-то давило, душило меня. Всякая выдержка покинула меня. Я бросилась к двери и в отчаянии стала дергать ее, пытаюсь открыть. В коридоре послышались торопливые шаги. Повернулся ключ, и дверь открылась. Вошли Бесси и Эббот.

– Мисс Эйр, вы не заболели? – поинтересовалась Бесси.

– Что вы так грохочете? Это же невозможно! – воскликнула Эббот.

– Выпустите меня отсюда! Пустите меня в детскую! – запричитала я.

– С чего это? Вы что, ушиблись? Или что-то померещилось? – требовательным голосом спросила Бесси.

– Ой, я увидела какой-то свет и подумала, что это привидение идет ко мне.

Я схватилась за руку Бесси, и она ее не отдернула.

– Да это она нарочно закричала, – недовольно заявила Эббот. – Да еще как закричала-то! Было бы с чего, ее еще можно было бы простить. А она так – чтобы мы прибежали сюда. Знаю я эти ее штучки.

– Что там происходит? – раздался властный голос. По коридору шла миссис Рид. Ленты ее чепца развевались, платье шумно шелестело. – Бесси и Эббот, мне кажется, я сказала вам, что Джейн Эйр будет сидеть в красной комнате, пока я сама не приду за ней.

– Мисс Джейн так кричала, мадам, – сказала в свое оправдание Бесси.

– Оставьте ее, – приказала миссис Рид. – А ты отпусти руку Бесси. И будь уверена: такие номера у тебя не пройдут. Терпеть не могу притворства, особенно в детях. Это просто мой долг доказать тебе, что своими фокусами ты ничего не добьешься. А сейчас ты посидишь здесь еще час, потом я тебя выпущу – да и то при условии, что ты будешь вести себя послушно и тихо.

– Тетя, ну пожалуйста, ну простите меня! Я больше не могу здесь... Ну, накажите меня еще как-нибудь! Хоть убейте, если я...

– Замолчи! Ты ведешь себя просто отвратительно.

Да, я у нее действительно вызывала отвращение. В ее глазах я была не по возрасту умелой притворщицей. Она искренне смотрела на меня как на средоточие низменных страстей, подлой души и опасного двуличия.

Бесси и Эббот уже ушли, а миссис Рид, которой надоело смотреть на мои страдания и слушать мои всхлипывания, вдруг, не говоря ни слова, резко втокнула меня в комнату и заперла за собой дверь. Послышались ее удаляющиеся шаги. Тут же со мной, я думаю, случилось что-то вроде обморока: у меня перед глазами опустился черный занавес, и дальше я ничего не помнила.

Глава III

Следующее, что я помню – это как я просыпаюсь с таким ощущением, словно всю ночь меня мучили кошмары, и вижу перед глазами ужасное красное зарево, перечеркнутое какими-то жирными черными полосами. И слышу голоса, доносящиеся словно из подземелья и заглушаемые шумом то ли ветра, то ли воды: волнение, растерянность и прежде всего всеподавляющее чувство страха плохо сказывались на моих способностях восприятия. Через какое-то время я поняла, что за мной ухаживают, что кто-то поднимает меня и сажает, подкладывает подушки и делает это с вниманием и нежностью, мне неизвестными. Моя голова опиралась то ли на подушку, то ли на чью-то руку, и мне стало хорошо и удобно.

Через пять минут рассеялись последние опасения: я знала, что нахожусь в своей кровати, а страшное зарево – всего – навсегда огонь в камине детской комнаты. Время было ночное, поскольку на столе горела свеча. Бесси стояла в ногах кровати с тазом в руках, а на стуле возле моей подушки сидел, склонившись надо мной, неизвестный мужчина.

Я почувствовала неизъяснимое облегчение, ощущение защищенности и уверенности оттого, что в комнате находится чужой человек, не принадлежащий к этому дому и не связанный с миссис Рид родственными узами. Отвернувшись от Бесси (хотя ее присутствие было мне гораздо менее неприятно, чем если бы на ее месте находилась, например, Эббот), я стала внимательно изучать лицо мужчины. Я знала его: это был мистер Ллойд, аптекарь. Миссис Рид иногда приглашала его, когда заболел кто-то из прислуги. Для себя и детей она вызывала врача.

– Ну, кто я, по-твоему? – спросил он меня.

Я назвала его и одновременно протянула руку. Он с улыбкой пожал мне руку и сказал:

– Ну вот, а теперь мы будем понемножку поправляться.

Потом он уложил меня и, обращаясь к Бесси, наказал ей, чтобы меня ночью ни в коем случае не беспокоили. Он дал ей еще кое-какие наставления, а затем известил ее, что завтра снова зайдет, и тут же ушел – к моей великой печали. Мне было так хорошо с ним, я ощущала себя под надежной защитой, пока он сидел у изголовья моей постели, а когда он закрыл за собой дверь, вся комната мигом погрузилась во мрак, а на душе у меня снова стало невыразимо тяжело от горечи и досады.

– Вам хочется спать, мисс? – довольно вежливым тоном спросила Бесси.

Мне не хотелось отвечать, так как я боялась, что следующей фразой станет грубость.

– Постараюсь заснуть.

– Вы хотите пить? Или поедите чего-нибудь?

– Нет, благодарю вас, Бесси.

– Тогда я, пожалуй, пойду посплю, а то уже время за полночь. Но если вам среди ночи что понадобится, кликните меня.

Удивительная вежливость! Я осмелела и спросила:

– Бесси, а что со мной было? Я заболела?

– Вы потеряли, по-моему, сознание в красной комнате. Это от плача. Но скоро вам станет лучше, будьте спокойны.

Бесси ушла в часть дома, предназначенную для прислуги и располагавшуюся рядом. И я услышала:

– Сара, приходи ко мне, давай спать вместе, а то я до смерти боюсь оставаться сегодня одна при этой бедняге. Умрет еще. С ней такой странный приступ приключился. Интересно, она действительно что-нибудь видела? А все-таки наша миссис была сегодня слишком строга с ней.

Пришла Сара. Они легли и с полчаса перешептывались, прежде чем заснуть. Я слышала их разговор отрывками, и из них смогла сделать вывод только о главной теме их беседы.

– Кто-то прошел мимо нее, весь в белом, и раз – исчез... А за ним собака – черная-черная... Вдруг в дверь трижды постучались... А над его могилой белый такой свет...

И так далее, пока, наконец, обе не заснули. Камин и свеча погасли. Я в эту ночь так и не сомкнула глаз: уши, глаза, мозг были напряжены от страха – страха, который могут испытывать только дети.

Случай в красной комнате закончился для меня без тяжелых, хронических заболеваний внутренних органов, но моя нервная система пережила такое потрясение, последствия которого я ощущаю по сей день. Да, миссис Рид, это вам я обязана ужасными душевными муками, но я должна простить вас, ибо вы сами не ведали, что творили: ведь дергая струны моего сердца, вы искренне верили, что вырываете с корнем мои дурные наклонности...

На следующий день к полудню я встала, оделась и, закутавшись в шаль, села у камина в детской комнате. Физически я чувствовала слабость и разбитость, но куда более сильным заболеванием стало для меня мое душевное состояние. Я могла тихо сидеть, не плакать, и вдруг ни с того, ни с сего у меня из глаз выбегала слеза, и не успевала я смахнуть ее со щеки, как наворачивалась новая. Но, думала я, надо радоваться, что никто из Ридов этого не видит: все они уехали покататься вместе с мамочкой в своем экипаже. Не было рядом и Эббот, она шила в соседней комнате, а Бесси, сновашая туда – сюда – то игрушки положит на место, то в ящиках наведет порядок, – нет-нет да и говорила мне, как бы, между прочим, что-нибудь ласковое. На короткое время для меня наступил настоящий рай: ведь я привыкла жить в обстановке бесконечных нареканий и придинок. Однако мои нервы находились в таком напряжении, что никакая тишина не могла их успокоить и никакая радость – приятно тронуть.

Бесси возилась некоторое время на кухне, а поднявшись наверх, принесла мне пирожное на ярко разрисованной фарфоровой тарелочке. Изображенная на ней райская птичка, гнездящаяся в венке из вьюнов и нераспустившихся роз, всегда вызывала во мне чувство восхищения. Я сколько раз просила, чтобы мне дали подержать ее в руках и как следует рассмотреть, но в ответ на мои просьбы мне говорили, что я недостойна такой чести. И вот эта драгоценная тарелка оказалась у меня на коленях и Бесси любезно предлагает отведать лежащее на ней выпеченное колечко. Напрасное одолжение! Как это часто бывает, то, в чем тебе долго отказывали, потом предлагают слишком поздно. У меня не было желания есть пирожное, а оперение птицы и краски цветов казались мне странно поблекшими. Тарелочку с пирожным я отставила в сторону.

Бесси спросила, не хочу ли я почитать книгу. При слове «книга» во мне что-то взыграло, и я попросила Бесси принести мне из библиотеки «Путешествия Гулливера». Эту книгу я читала и перечитывала, и всегда с удовольствием. Я считала, что там говорится о действительных событиях, и по этой причине нашла для себя эту книгу гораздо более глубокой и интересной, чем сказки: вдоволь наискавшись эльфов в природе – и под листиками, и под колокольчиками, и под грибами, и под плющом, увивающем старые каменные стены, – я не раз приходила к разочарывающему выводу, что все они покинули Англию и переселились в какие-нибудь первобытные места, где и леса более дикие и густые, и народу поменьше, тогда как лилипуты и великаны – это, как я считала, реально живущие на земле люди. И я не сомневалась, что в один прекрасный день я соберусь в дальнюю дорогу и увижу собственными глазами маленькие поля, дома и деревья, миниатюрных человечков, крошечных коров, овец и птиц страны лилипутов, а потом кукурузные поля высотой в наши леса, гигантских псов, чудовищных кошек, мужчин и женщин страны великанов высотой с башню. Однако когда моя любимая книга оказалась у меня в руках на этот раз и когда я стала перелистывать страницы, пытаясь найти в ее картинках то очарование, которое испытывала каждый раз

при соприкосновении с этой книгой, то все мне показалось мрачным и пугающим: великаны – отталкивающими чудищами, лилипуты – жалкими и страшными карликами, а Гулливер – одиноким и потерянным странником в самых неприятных и опасных краях земли. Я не выдержала и захлопнула книгу, и положила ее рядом с не отведанным пирожным.

Бесси тем временем закончила уборку в комнате, помыла руки и выдвинула ящичек комода. Там лежали яркие лоскуты шелка и атласа, из которых она стала мастерить чепчик для куклы Джорджианы. При этом она стала напевать, и в песне были такие слова:

...В дни бродячей нашей жизни,
Давным-давно.

Эту песню я слышала не раз, и всегда слушала ее с удовольствием, да и голос у Бесси был приятный – по крайней мере, на мой взгляд. Но в этот раз, хотя ее голос оставался таким же приятным, я услышала в мелодии песни неописуемую печаль. Иногда, увлеченная работой, она пела припев низким голосом и протяжно, и слова «давным-давно» звучали у нее так, словно она отпевала покойника. Она покончила с этой песней и перешла к другой, совсем уж печальной:

*Ты ноги натерла, все ноет безумно,
И горы окутывает темнота,
И долог твой путь в этой ночи безлунной.
Ну, кто пожалеет тебя, сирота!*

*Куда ты идешь? Что ты там потеряла?
Там камни да топи – глухие места.
Иль людям других твоих горестей мало?
Лишь ангелам жалко тебя, сирота.*

*Но ветер беззлобен, и звезды сияют,
И небо без туч, и дорога чиста —
Господь свою милость к тебе проявляет,
Господь благоволит тебе, сирота.*

*И если дорога ловушки расставит —
Заманит в трясину, сорвешься с моста, —
Отец наш небесный никак не оставит
Заботой своею тебя, сирота.*

*Ты в жизни не знала своей быстротечной,
Что значит свой кров и друзей доброта —
Но небо – вот дом, где покой будет вечным
И Бог – вечным другом твоим, сирота.*

– Ну-ну, не плачьте, мисс Джейн, – стала успокаивать меня Бесси, закончив пение. Она с таким же успехом могла сказать огню «не гори». Да разве могла она понять, какие боли терзали мою душу?

В то же утро снова зашел мистер Ллойд.

– Что, уже проснулись? – были его первые слова, как только он вошел в детскую. – Ну, няня, как она?

Бесси сказала, что очень хорошо.

– Тогда она выглядела бы повеселее. А ну, подойдите-ка ко мне, мисс Джейн. Ведь так вас зовут, не правда ли?

– Да, сэр, Джейн Эйр.

– Та-ак, вижу, вы плакали, мисс Джейн Эйр. Не могли бы вы сказать мне, в чем дело? У вас болит что-нибудь?

– Нет, сэр.

– А-а! Смею сказать, она плачет, потому что не смогла поехать на прогулку с миссис, – встряла Бесси.

– Да нет, не поэтому. Она слишком большая, чтобы плакать из-за такой ерунды.

Именно так я и думала. К тому же ложное обвинение задело мое самолюбие, поэтому у меня вырвалось:

– В жизни никогда не плакала из-за таких пустяков! Да я терпеть не могу эти поездки. А плачу, потому что я несчастна.

– Как не стыдно, мисс! – попыталась остановить меня Бесси.

Добрый мистер Ллойд растерялся. Я стояла перед ним, и он изучающе рассматривал меня. У него были маленькие серые глаза, не очень выразительные, однако сейчас я назвала бы их пронизательными. У него были крупные черты лица, но это не делало его некрасивым. Поизучав меня некоторое время, он произнес:

– Почему вы вчера плохо себя почувствовали?

– Она упала, – опять встряла Бесси.

– Упала! Как маленький ребенок? Что ж она, ходить не умеет, что ли? Девочке ведь лет восемь-девять, наверно?

– Меня ударили, вот я и упала, – выскочило у меня, поскольку снова унизили мою гордость. – Но мне не от этого стало плохо, – быстро пояснила я мистеру Ллойд, который в этот момент закладывал в нос щепотку табака.

Когда он убирал табакерку в карман, громко зазвенел колокольчик – прислугу созывали к обеду. Мистер Ллойд знал, что означает этот звонок, потому что сказал:

– Няня, это вам. Вы можете идти, а я тем временем тут лекцию прочту мисс Джейн.

Бесси скорее осталась бы, но она была обязана идти, так как в Гейтсхед-холле строго соблюдалась пунктуальность в приеме пищи.

– Значит, вы почувствовали себя плохо не оттого, что упали. Тогда отчего же? – продолжил разговор мистер Ллойд, после того как ушла Бесси.

– Меня заперли в комнате, где, как стемнеет, появляется привидение.

Мистер Ллойд одновременно улыбнулся и нахмурился.

– Привидение! Нет, вы все-таки малое дитя еще. Так вы боитесь привидений?

– Я боюсь появления духа мистера Рида. Он ведь умер в той комнате, он там лежал. В темное время туда по своей воле не заходят ни Бесси, ни кто другой. А меня заперли там, да еще одну, и даже свечки не оставили. Это такая жестокость, что я никогда ее не забуду.

– Да ну что вы! И из-за этого чувствовать себя такой несчастной? А сейчас, днем, вы испытываете страх?

– Нет, но опять настанет ночь, и к тому же... я несчастна, и очень, по другим причинам.

– По каким другим причинам? Вы можете назвать мне их?

Как мне хотелось дать полный ответ на его вопрос! Но как же трудно составить этот ответ! У детей есть чувства, но они неспособны, как следует разобраться в них, а если частично и разберутся, то только мысленно, а на словах передать результаты этой мыслительной работы не могут. Боясь, однако, лишиться этой первой и единственной возможности поделиться с кем-то своим горем и тем самым облегчить свои страдания, я после напряженной паузы сумела-таки найти слова хоть и для куцего, но правдивого ответа.

– Во-первых, у меня нет ни отца с матерью, ни братьев и сестер.

– Но у вас есть добрая тетя, двоюродные брат и сестры.

Я снова помолчала, а затем порывисто выпалила:

– Так это Джон Рид и ударил меня, а тетя заперла в красной комнате.

Мистер Ллойд снова достал свой нюхательный табак.

– А вам не кажется, что Гейтсхед – очень красивый дом? – спросил он. – Неужели вы не рады, что живете в таком прекрасном доме?

– Это ж не мой дом, сэр. Эббот говорит, что у прислуги и то больше права жить здесь, чем у меня.

– Ну, знаете ли! Но я не думаю, что вам очень хочется покинуть такое прекрасное место, это было бы неразумно.

– Если бы я могла куда-нибудь уехать отсюда, я бы с удовольствием. Но, пока я не стану взрослой, я не могу уехать из Гейтсхеда.

– Кто знает, может быть и можете. Вы состоите с миссис Рид в каких-нибудь родственных отношениях?

– Думаю, что нет, сэр.

– А по отцу у вас есть родственники?

– Не знаю. Я как-то спрашивала тетю, она говорит, что, может, и есть какие-нибудь оборванцы низкого происхождения по фамилии Эйр, но ей о них ничего не известно.

– А если есть таковые, вы поехали бы к ним?

Я задумалась. Бедность и взрослых удручает, а детей тем более. Дети не понимают, что человек может быть бедным и в то же время деятельным, работающим, что бедность может быть достойной. Для них бедность – это заношенная одежда, вечное недоедание, погасший очаг в доме, грубые манеры, грехи и пороки. Для меня бедность была синонимом падения.

– Нет, я не хотела бы пойти к беднякам, – наконец ответила я.

– Даже если бы они были добры к вам?

Я отрицательно покачала головой. Я не представляла себе, каким образом бедные люди могут выразить свою доброту. А потом надо будет еще привыкать говорить, как они, перенимать их манеры держать себя, придется остаться необразованной. Потом вырастешь – и станешь одной из тех женщин, которых я часто видела здесь в деревне: они вечно возятся с ребятишками да стирают белье. Нет, я не такая геройская, чтобы покупать свободу ценой падения в нижние слои общества.

– А ваши родственники – они что, так бедны? Они рабочие?

– Не могу сказать. Тетя говорит, что если они и существуют, то наверняка какие-нибудь нищие, и мне не пристало ходить побираться с ними.

– А в школу вы хотели бы пойти?

И снова я задумалась. Что я знала о школе? Почти ничего. Иногда Бесси рассказывала: мол, там молодых леди гоняют, как каторжных, так следят за осанкой, что заставляют корсеты на спине носить, и вообще делают из них настоящих леди. Джон Рид ненавидел свою школу, а учителя ругал всякими словами, но Джон Рид был мне не пример, рассказы же Бесси (она взяла их со слов молодых леди той семьи, в которой она работала перед тем, как прийти в Гейтсхед) насчет строгостей школьной дисциплины наводили на меня ужас, но, с другой стороны, в равной мере восторгали меня тем, чему там научились эти самые молодые леди из той семьи. Бесси любила рассказывать, какие красивые пейзажи и цветы они рисовали, какие песни пели и представления разыгрывали, какие кошельки вязали, к тому же и книги с французского языка умели переводить. Помимо того, школа означала полную перемену в жизни: это экскурсии и поездки, полное отрешение от Гейтсхеда, выход в новую жизнь.

– В школу я пошла бы, – вслух закончила я свои размышления.

– Что ж, хорошо! Ничего невозможного нет, – промолвил мистер Ллойд, вставая. – Да, надо менять обстановку, – добавил он себе под нос, – нервы никуда не годятся.

Вернулась Бесси, и в тот же момент послышался шум колес по гравиию.

– Ваша хозяйка, няня? – спросил мистер Ллойд. – Надо будет до ухода переговорить с ней.

Бесси пригласила его пройти в малую столовую, а сама ушла. Из последующих разговоров я поняла, что аптекарь попробовал посоветовать ей, чтобы меня направили в школу, и его советы были с готовностью услышаны, потому что, как сказала Эббот, болтая по этому поводу как-то вечером с Бесси – они что-то шили в детской, а я в это время, как они думали, спала: «Миссис так рада отделаться от этого надоедливой и зловредной дитятки, которое только и смотрит, чтобы напакостить кому-нибудь». Эббот, кажется, считала меня каким-то маленьким Гаем Фоксом. (Участник заговора в начале XVIII века с целью убийства короля).

В тот раз я одновременно впервые услышала из уст мисс Эббот, что мой отец был бедным священником и что моя мама вышла за него вопреки уговорам близких, которые считали отца не парой ей, и что дедушка Рид разгневался на нее за непослушание и не дал ей ни гроша, и что пожила она с папой год, а он во время поездки по бедным кварталам большого промышленного города, в котором находился его приход, заразился тифом и вскоре умер, а через месяц умерла и мама, которая заразилась от отца.

Бесси, прослушав рассказ, вздохнула и сказала:

– Бедная мисс Джейн! Все-таки жалко эту беднягу, Эббот.

– Да, – ответила Эббот. – Была бы она миленькой, хорошенькой девочкой, ей можно было бы посочувствовать, все-таки у нее никого нет на свете. Только кому это надо – жалеть эту маленькую жабу?

– Да, желающих мало, – согласилась Бесси. – Как ни говори, а была бы она красивой, как мисс Джорджиана, то вызывала бы больше сочувствия.

– Да, мисс Джорджиану я просто обожаю! – в восторге воскликнула Эббот. – Уж такая хорошенькая! Эти длинные кудряшки, голубенькие глазки, а уж личико такого цвета, словно на картинке! Знаешь, Бесси, сейчас бы уэльского зайчика (Горячие гренки с расплавленным сыром) неплохо.

– И с лучком. Все, пошли на кухню. – И они ушли.

Глава IV

Беседа с мистером Ллойдом и нечаянно подслушанный разговор Эббот с Бесси вдохнули в меня такую надежду, что мне захотелось поправиться. Желанные перемены казались близкими, и я тихо ожидала их. Они, однако, не торопились наступать. Проходили дни, недели, мое здоровье уже восстановилась до своего обычного состояния, но никаких сведений или намеков по предмету, который меня так интересовал, не поступало. Миссис Рид иногда пристальным и суровым взглядом посматривала на меня, но обращалась ко мне редко. После моего заболевания она провела еще более строгую линию раздела между мной и своими детьми. Она отвела мне маленький закуток, где я спала одна, ела я тоже в одиночестве, все время проводила в детской, хотя мои кухни с кузеном постоянно находились в гостиной. Но она не проронила ни единого намека насчет школы, и, тем не менее, я была инстинктивно уверена, что она недолго выдержит соседство со мной под одной крышей, потому что взгляд ее, обращенный на меня, как никогда раньше выражал непреодолимую, глубоко укоренившуюся в ней неприязнь.

Элиза и Джорджиана, действуя явно по указке, разговаривали со мной лишь в случае крайней необходимости. Джон всякий раз, как меня видел, показывал мне язык, а однажды попытался было пустить в ход руки, но во мне разыгрались старые эмоции, и я с гневом и отчаянной решимостью накинулась на него, так что он счел за лучшее ретироваться. Он сбежал, бормоча ругательства, и я слышала, как он жаловался, будто я разбила ему нос. Я действительно изо всех своих сил приложила кулаком по этой выдающейся детали его физиономии. Когда я поняла, что, то ли этот факт, то ли один мой вид приводят его в трепет, у меня, помню, появилось огромное желание развить достигнутое преимущество, но в первый же раз, когда я решилась на это, он быстренько подался к своей мамочке. Я услышала, как он бубнил, что, мол, «эта дрянь Джейн Эйр» накинулась на него, будто бешеная кошка. И тут его довольно резко перебили:

– Не говори при мне о ней, Джон. Я же не велела подходить к ней. Она не стоит того, чтобы ее замечать. Я не позволяю тебе и твоим сестрам водиться с ней.

И тут я перегнулась через перила и – сама не знаю, как это у меня вышло, – выкрикнула:

– Да это они недостойны, водиться со мной!

Миссис Рид была женщиной в теле, но, услышав столь неожиданное и дерзкое заявление, вихрем взлетела по лестнице, и меня словно смерчем подхватило и унесло в детскую. Там она меня швырнула на кровать и строжайшим тоном повелела мне не вставать с этого места и до конца дня держать язык за зубами.

– Вы знаете, что сказал бы вам дядя Рид, будь он жив? – почти невольно вырвалось у меня. Я говорю «почти невольно», потому что, казалось, язык отчеканивал слова без моего на то согласия: во мне говорило нечто неподконтрольное мне.

– И что же? – поинтересовалась еще не отдышавшаяся миссис Рид. Во взгляде ее обычно холодных и спокойных глаз мелькнуло нечто похожее на страх. Она выпустила мою руку и посмотрела на меня так, словно не могла понять, ребенок я или самый настоящий демон. И тут я высказалась:

– Дядя Рид теперь на небесах, и он всё видит – и что вы вытворяете, и мысли ваши. И мои папа и мама тоже видят. Они знают, как вы запираете меня на целый день и что вы хотите моей смерти.

Миссис Рид быстро собралась с духом: встряхнула меня что было мочи, надрала уши и исчезла, не сказав ни слова. Пробел восполнила Бесси: она битый час держала передо мной речь, в которой как дважды два доказала, что ни под какой другой крышей не сыскать

ребенка более испорченного и злого, чем я. И я почти поверила ей, так как сама понимала, что в моей груди бушуют только злые чувства.

Прошел ноябрь, за ним декабрь и половина января. Рождество и Новый Год в Гейтсхед-холле отпраздновали, как всегда, с размахом: дарили друг другу подарки, устраивали праздничные обеды и вечера. От всех этих удовольствий я была, разумеется, отлучена. Мои радости ограничивались ежедневным засвидетельствованием того, как Элиза и Джорджиана наряжались и спускались в гостиную в своих муслиновых платьях и ярко – красных кушаках и с тщательно завитыми волосами, а также слушанием доносившихся снизу звуков пианино и арфы, шагов лакеев, звона разносимых бокалов и фарфора и, когда открывалась и закрывалась дверь гостиной, появляющегося и исчезающего шума голосов гуляющей публики. Устав от этого занятия, я возвращалась в пустынную детскую: хотя там было и грустно, но зато я не чувствовала себя такой несчастной. По правде говоря, у меня не было ни малейшего желания оказаться на публике, поскольку при съезде гостей на меня редко обращали внимание. И я предпочла бы проводить те обеды и вечера не среди массы мужчин и женщин и под строгим взглядом миссис Рид, а в обществе Бесси, если бы та была добрее и пообщительнее со мной. Но Бесси, закончив одевать молодых леди, обычно перебиралась на более оживленную территорию – на кухню или в комнату экономки, прихватывая с собой, как правило, и свечи. И, пока догорал огонь в камине, я сидела с куклой на коленях и то и дело озиралась, нет ли в полутемной комнате кого-нибудь еще, похуже меня. А когда угли почти переставали давать свет, я торопливо раздевалась, стараясь как можно быстрее развязать узлы и тесемки на одежде, и искала убежища от холода и тьмы в кровати. В постель с собой я брала и куклу: у человеческого существа есть потребность любить, и за неимением лучшего объекта приложения чувств я пыталась найти радость в любви и заботе о своем кумире – выцветшем и потрепанном миниатюрном огородном пугале. До сих пор удивляюсь, с какой нелепой искренностью я ухаживала за этой маленькой игрушкой. Для меня кукла была почти живой и способной чувствовать. Я не могла уснуть, не укутав ее в свою ночную рубашку, и, когда я видела, что ей тепло и хорошо, то была сравнительно счастлива и считала, что и кукла счастлива.

Долгими казались часы, когда я ждала, пока разойдутся гости и раздадутся шаги Бесси на лестнице. Иногда она приходила за наперстком или ножницами, а то и приносила мне что-нибудь в качестве ужина – булочку или пирожок с сыром, – и тогда она присаживалась на край моей кровати, дожидаясь, пока я доем, а затем подтыкала вокруг меня одеяло и дважды целовала меня, и говорила: «Спокойной ночи, мисс Джейн». Такая ласковая Бесси казалась мне самым хорошим, самым добрым, самым чудесным существом на свете, и в такие мгновения я горячо желала, чтобы она всегда оставалась такой приятной и дружелюбной ко мне и чтобы она никогда не понукала меня, не ругала, не гоняла без нужды, что бывало слишком часто. Бесси Ли была, как я сейчас думаю, способной от природы женщиной, поскольку, за что бы она ни бралась, все делала прекрасно. И рассказчицей она была умелой – так, по крайней мере, я сужу по тем впечатлениям, которые остались у меня от ее сказок. И внешностью она обладала приятной, если мне не изменяет память на лицо и на фигуру. Насколько я помню, Бесси была худощавой, с черными волосами, темными глазами, очень красивыми чертами и чистой кожей лица. Но вот нрава она была неуравновешенного, вспыльчивого, а о принципах и справедливости вообще не имела никакого представления. Но и при всем этом я предпочитала ее прочим обитателям Гейтсхед-холла.

Произошло это пятнадцатого января около девяти часов утра. Бесси ушла вниз завтракать, моих кузин мама еще не успела собрать под крылышко, и Элиза находилась в детской, она прилаживала на себя шляпку и теплую верхнюю одежду, собираясь пойти покормить домашнюю птицу. Ей очень нравилось это занятие, но не меньше – продавать яйца экономке

и копить вырученные на этом деньги. Была в ней торговая жилка и страсть к накопительству. И дело не только в яйцах и курах. Садовнику она продавала цветочные луковицы, семена и рассаду и торговалась при этом весьма жестко. Садовник получил указания от миссис Рид покупать у юной леди все продукты ее личного хозяйства, которые та пожелает продать. А Элиза пожелала бы продать и собственные волосы, если бы могла извлечь из этого приличную прибыль. Что касается денег, то поначалу она прятала их по недоступным углам, складывая в старое тряпье или бумагу, но на один из этих тайников как-то наткнулась горничная, и Элиза, боясь в один прекрасный день лишиться своих сокровищ, согласилась передать их матери, причем под хороший ростовщический процент – то ли пятьдесят, то ли шестьдесят. Эти проценты она взимала с матери каждые три месяца, с дотошностью ведя свою бухгалтерию в маленькой книжечке.

Джорджиана сидела на высоком стуле перед своим зеркалом и делала прическу, вплетая в кудри искусственные цветы и старые перья, которые нашла на чердаке в каком-то ящике. Я убирала свою постель. Бесси строго наказала мне закончить работу до ее возвращения. В последнее время Бесси часто стала использовать меня вроде горничной по детской комнате: я подметала, протирала стулья и так далее. Застелив постель и сложив свою ночную рубашку, я подошла к окну, чтобы аккуратно сложить разбросанные по подоконнику книжки с картинками и мебель из кукольного домика, но меня остановил резкий окрик Джорджианы, которая сказала, чтобы я не трогала ее игрушки (а крошечные стульчики и зеркальца, тарелочки и чашечки принадлежали ей), и тогда от нечего делать я стала дыханием оттаивать покрытое морозными узорами стекло. Скоро мне удалось очистить кружок, через который стал виден двор, где от мороза все выглядело застывшим и окаменевшим.

Из окна мне были видны домик привратника и проезжая дорога. И только я расчистила кружок в серебристой вуали, покрывавшей стекла, ворота открылись, и во двор въехал экипаж. Я равнодушно наблюдала за ним. В Гейтсхед часто приезжали разные экипажи, но, ни один из них не привозил гостей, которые представляли бы интерес для меня. Экипаж остановился перед самым домом, громко зазвенел дверной звонок, посетителя впустили в дом. Поскольку все это, было лишено для меня какого бы то ни было интереса, мое праздное внимание переключилось на прилетевшего маленького голодного снегиря. Он с чириканьем сел в ветвях голый вишни прямо рядом с окном. На столе стояли остатки моего завтрака – хлеб и молоко. Раскрошив хлеб, я стала дергать за веревочку, чтобы приоткрыть окно и высыпать крошки на наружный подоконник, и тут в комнату вбежала Бесси.

– Мисс Джейн, быстро снимите передник. Чем вы там занимаетесь? Вы утром умылись?

Прежде чем ответить, я еще подергала окно, потому что мне очень хотелось покормить птичку. Наконец оно поддалось, и я высыпала крошки – часть на каменный подоконник, а часть на сук дерева. Закрыв окно, я ответила:

– Нет, Бесси, я только что закончила уборку.

– Горе сплошное с этим ребенком! Вот неряха! А что вы сейчас там делаете? Вся красная. Опять что-нибудь замышляли? Зачем вам понадобилось открывать окно?

Мне не пришлось давать объяснений, так как Бесси слишком торопилась, чтобы их выслушивать. Она живо потащила меня к умывальнику, бесцеремонно, но, к счастью, быстро, намылила мне лицо, смыла, вытерла грубым полотенцем, жесткой щеткой провела мне по волосам, сняла с меня передник, вывела на лестницу и велела спуститься в малую столовую, где, сказала она, меня ждут.

Мне хотелось спросить, кто меня там ждет, там ли миссис Рид, но Бесси уже растаяла, закрыв передо мной дверь в детскую. Я медленно спустилась. Уже прошло месяца три, как миссис Рид не вызывала меня к себе, как мое пребывание в доме ограничивалось стенами

детской, а большая и малая столовые и гостиная были для меня зоной, входить в которую мне стало страшно и неприятно.

В передней, перед дверью в гостиную, я остановилась, дрожа от испуга. В какое же запуганное существо превратилась я от этих несправедливых наказаний! Я и в детскую вернуться боялась, и в гостиную входить не решалась. Так я стояла минут десять, пока нетерпеливый звонок из малой столовой не вывел меня из состояния нерешительности. Что ж, надо так надо.

«Кому это я понадобилась? – спрашивала я себя, обеими руками пытаюсь открыть дверь, которая поначалу не поддавалась мне. – Кто же там может быть кроме моей тети? Мужчина или женщина?»

Наконец ручка поддалась и дверь открылась. Я вошла, сделала низкий реверанс и подняла глаза. О Боже, черный столб! Такой, по крайней мере, показалась мне с первого взгляда стоявшая посреди ковра прямая, худая, вся в черном фигура. Мрачное лицо в верхней части колонны казалось вырезанной из дерева маской.

Миссис Рид занимала привычное кресло у камина. Она сделала мне знак подойти, я повиновалась, и она представила меня каменному столпу словами:

– Вот эта девочка, по поводу которой я обращалась к вам.

Он, а это был мужчина, медленно повернул голову в сторону того места, где я стояла, и, изучив меня некоторое время взглядом своих серых пронизывающих глаз, поблескивавших из-за кустистых бровей, произнес низким голосом и очень официально:

– Мелкая девочка. Сколько же ей лет?

– Десять.

– Так много? – недоверчиво произнес он. Затем он предложил свой допрос миссис Рид еще в течение нескольких минут, а затем обратился ко мне:

– Как тебя зовут, девочка?

– Джейн Эйр, сэр.

Произнося эти слова, я подняла на него глаза. Мне джентльмен показался высоким – правда, я тогда была очень маленькой. Черты лица, да и весь его облик, были грубоватыми.

– Хорошо, Джейн Эйр. Ты хорошая девочка?

Утвердительно ответить на этот вопрос было трудно, так как весь окружающий меня мирок придерживался противоположного мнения, поэтому я предпочла промолчать. За меня ответила миссис Рид, энергично помотав головой, а затем добавив:

– Пожалуй, чем меньше об этом говорить, тем лучше, мистер Броклхерст.

– Очень жаль слышать это. Что ж, придется с ней поговорить. – Он изменил свое перпендикулярное положение и устроился в кресле напротив миссис Рид. – Подойди, – сказал он.

Я подошла к нему, и он поставил меня прямо перед собой. Теперь, когда наши лица были почти на одном уровне, я ужаснулась его виду. Ну и лицо! Какой же огромный у него нос! А рот! Зубы, как у лошади!

– Ничто не вызывает такой печали, как испорченный ребенок, – начал он, – особенно девочка. А ты знаешь, куда попадают грешники после смерти?

– Они попадают в ад, – ответила я как по заученному.

– А что такое ад? Ты можешь мне это объяснить?

– Это огромная яма, заполненная огнем.

– А тебе хотелось бы попасть в эту яму и вечно гореть в ней?

– Нет, сэр.

– И что надо делать, чтобы избежать этого?

Я мгновение поразмыслила, прежде чем ответить. С моим ответом не каждый согласился бы:

– Надо иметь хорошее здоровье и не умирать.

– А как это возможно? Каждый день умирают дети, и помладше тебя. Пару дней назад я сам хоронил милого пятилетнего ребенка, душа которого теперь на небесах. Есть опасения, что этого нельзя будет сказать о тебе, когда тебя призовут туда.

Не в силах развеять его сомнения, я лишь опустила глаза, уставившись на его огромные башмаки, и вздохнула, сожалея, что я в настоящий момент не за тридевять земель от него.

– Я надеюсь, что этот вздох – знак твоего искреннего раскаяния по поводу тех неприятностей, которые ты доставляла своей благодетельнице.

«Благодетельнице, благодетельнице, – возмутилась я в душе. – Все называют миссис Рид моей благодетельницей. Если это так, то благодеяние – нехорошая штука».

– Ты молишься по утрам и вечерам? – продолжал допрос мой инквизитор.

– Да, сэр.

– Ты читаешь Библию?

– Иногда.

– С удовольствием? Тебе нравится читать Библию?

– Мне нравится Откровение, книга Даниила, Бытие, книги Самуила, кое-что в Исходе, некоторые части книг Царей, Летописи, Иова, Ионы.

– А Псалтырь? Надеюсь, он тебе нравится?

– Нет, сэр.

– Нет? Это ужасно! А вот у меня есть один мальчик, он младше тебя, который знает наизусть шесть псалмов из Псалтыря. Когда его спрашиваешь, что он предпочел бы – съесть имбирный орех (вид печенья) или выучить стих из псалма, то он говорит: «Конечно, стих из псалма! Ведь псалмы поют ангелы, – говорит он. – Я хочу быть маленьким ангелом здесь на земле». И в награду за свое детское благочестие он получает два имбирных ореха.

– Псалмы неинтересные, – заметила я.

– Это лишний раз доказывает, что сердце у тебя настроено на грех, и ты должна молить Бога, чтобы он тебе поменял его – дал новое и чистое. Чтобы он забрал у тебя твое каменное и дал сердце из плоти.

У меня чуть не выскочил вопрос насчет того, на что похожа операция по замене сердца, но тут вмешалась миссис Рид и велела мне сесть. Далее она взяла ведение беседы в свои руки.

– Мистер Броклхерст, я полагаю, я сообщила вам в письме, которое послала три недели назад, что эта девочка лишена тех черт характера и достоинств, которые я хотела бы в ней видеть. Если вы ее примите в Ловудскую школу, то я была бы рада, когда бы вы попросили директора и учителей держать ее в строгости и, прежде всего, смотреть, чтобы в ней не проявлялась ее самая нездоровая черта – лживость. Я говорю об этом при тебе, Джейн, чтобы ты не пыталась обмануть мистера Броклхерста.

Да, не зря я боялась и не переваривала миссис Рид. Такого уж она нрава была, что она не могла не ужалить, да побольнее. Я никогда спокойно не чувствовала себя в ее присутствии. Как бы старательно ни выполняла я ее указания, как бы ни лезла из кожи, чтобы угодить ей, все мои старания она напрочь отвергала, да еще оплачивала высказываниями вроде только что услышанного. Обвинения, произнесенные в присутствии незнакомого человека, задели меня за самое сердце. Я смутно догадывалась, что она готовится лишить меня надежд на лучшее и в новой моей жизни, в которую мне приходится вступать по ее воле. Я чувствовала, хотя это и трудно было выразить словами, что она уже сеет семена недоверия и недоброжелательства ко мне на моей новой жизненной тропе. Я уже заметила, что в глазах мистера Броклхерста превращаюсь в притворщицу, упрямицу. Как этому помешать?

«Никак», – отвечала я сама себе, с трудом сдерживая себя, чтобы не расплакаться и торопливо вытирая непрошенные слезинки – бессильные свидетельницы моих переживаний.

– Мелкий обман и хитрость – это действительно большой грех в ребенке, – сказал мистер Броклхерст. – Это сродни злостной лжи, а все лжецы получают своё в горящем озере расплавленной серы. Да, за ней нужен глаз да глаз. Что ж, я поговорю с мисс Темпл и с учителями.

– Я пожелала бы, чтобы она получила воспитание, соответствующее ее перспективам в жизни, – продолжала «моя благодетельница». – Ее нужно сделать полезной и смиренной. Что касается каникул, то пусть она проводит их, с вашего позволения, в Ловудской школе.

– Ваши выводы, мадам, в высшей степени разумны, – поддержал ее мистер Броклхерст. – Смирение – это важная христианская добродетель, особенно необходимая воспитанникам Ловуда, и посему я слежу за тем, чтобы развитию этого качества в учащихся уделялось исключительное внимание. Я специально занимался вопросом о том, как лучше всего убить в них гордыню. И буквально позавчера я получил приятное подтверждение своих успехов. Моя вторая дочь, Огаста, приехала с мамой посмотреть школу и по возвращении домой воскликнула: «Ой, папочка, какие в Ловуде спокойные и простенькие девочки! Волосы зачесаны за уши, и эти длинные передники, и полотняные сумки – настоящие бедняцкие дети, – сказала она. – Они такими глазами смотрели на наши с мамой платья, будто никогда шелка не видели!»

– Вот так и надо, это я одобряю, – поддержала его в свою очередь миссис Рид. – Хоть всю Англию обыщи, а вряд ли найдешь школу лучше вашей, которая словно создана для таких детей, как Джейн Эйр. Сообразность, мой дорогой мистер Броклхерст, во всем должна быть сообразность.

– Сообразность, мадам, это важнейшая обязанность христианина. При организации Ловудской школы этот принцип соблюден во всем: самая обычная еда, простая одежда, незамысловатые удобства, труд – вот так живут в Ловуде.

– И правильно, сэр. Значит, я могу рассчитывать, что ребенка примут в Ловуд и будут воспитывать его в соответствии с его нынешним и будущим положением?

– Конечно, мадам. Мы поместим ее в этот питомник избранных, и я верю, она будет благодарна нам за эту бесценную привилегию, которая выпала ей, и подтвердит это на деле.

– Тогда я присылаю ее как можно быстрее, мистер Броклхерст, потому что, знаете ли, так хочется снять с души бремя ответственности за нее, которое становится слишком тяжелым.

– Конечно, конечно, мадам. А теперь разрешите пожелать вам доброго дня. В Броклхерст-холл я должен буду возвратиться в течение этой или следующей недели, ибо раньше мой добрый друг архидиакон меня не отпустит. А мисс Темпл я пошлю записочку, что к ней скоро приедет новая ученица, так что ее примут, никаких проблем не будет. Всего вам наилучшего.

– До свидания, мистер Броклхерст. Кланяйтесь от меня миссис и мисс Броклхерст, Огасте и Тодоре, мистеру Бротону Броклхерсту.

– Обязательно, мадам. Девочка, вот тебе книга, она называется «Наставник юности». Читай ее вместе с молитвами, особенно вот отсюда – «О внезапной и ужасной смерти Марты Г., непослушной девочки, погрязшей в обмане и лжи».

С этими словами мистер Броклхерст вручил мне тоненькую книжицу, потом позвонил, чтобы ему подали экипаж, и удалился.

Мы с миссис Рид остались одни. Она занялась своим шитьем, я молча наблюдала за ней. В то время миссис Рид было, я думаю, лет тридцать шесть – тридцать семь. Это была женщина крепко сбитая, широкоплечая, с сильными руками, невысокая и, хотя и в теле, но

не толстая. Она имела широковатое лицо с сильно утяжеленной нижней челюстью и выступающим подбородком, нос и губы были вполне правильные, из – под низких светлых бровей поблескивали безжалостные глаза. У нее была смуглая матовая кожа, волосы почти соломенные. Вся она дышала здоровьем, болезни проходили мимо нее.

Миссис Рид скрупулезно и с умом вела свое хозяйство, держала под своим контролем и дом, и сданную в аренду недвижимость. Ее дети лишь изредка выходили у нее из повиновения или подсмеивались над ней. Одевалась она хорошо, умела носить красивые наряды и подчеркивать их достоинства.

Сидя в нескольких шагах от ее кресла, я внимательно рассматривала ее фигуру, хотя все ее черты были мне давно знакомы. В руках я держала трактат о внезапной смерти лгуньи, на который было обращено мое особое внимание. Картина только что происшедшего, слова, которые миссис Рид сказала обо мне мистеру Брокхерсту, – все это было свежо, живо, не выходило из головы. Каждое произнесенное здесь слово отдавалось во мне той же болью, как тогда, когда я их слушала. Во мне закипала буря, требовавшая выхода.

В молчании прошло несколько минут. Наконец миссис Рид подняла глаза от работы. Глаза ее остановились на мне, руки перестали делать привычные движения.

– Выйди из комнаты и возвращайся в детскую, – приказным тоном произнесла она.

То ли мой взгляд, то ли вид, вероятно, оскорбили ее – это было слышно по еле сдерживаемому крайнему раздражению. Я встала, подошла к двери, но затем вернулась. Вначале я прошла через всю комнату к окну, затем подошла вплотную к ней.

Я должна ей все сказать. Меня столько времени топтали ногами, что я должна отплатить. Но как? Хватит ли мне сил, чтобы отомстить противнице? Я собралась с духом и начала с довольно простой фразы:

– Я не врушка. Если б я была ею, то сказала бы, что люблю вас, но я вам твердо говорю, что ненавижу вас, как никого в мире, кроме вашего сынка Джона. А эту книжку про лгунью вы можете дать своей дочери Джорджиане. Вот это врушка так врушка.

Руки миссис Рид по-прежнему лежали на ее работе в бездействии. Ее ледяные глаза излучали жгучий холод в мою сторону.

– Что ты еще скажешь? – спросила она таким тоном, каким обычно обращаются к взрослому человеку, а не ребенку.

Эти глаза, этот голос подняли во мне всю накопившуюся неприязнь к ней. Дрожа вся с головы до ног, охваченная неудержимым возбуждением, я снова бросилась в атаку:

– Я так рада, что вы мне никакая не родственница. Теперь, сколько живу, я никогда не назову вас тетей. Когда я вырасту, я ни разу не приеду повидать вас. А если меня кто спросит, как я отношусь к вам, я скажу, что при одном воспоминании о вас меня тошнит, и что вы относились ко мне по – настоящему жестоко.

– Как ты смеешь говорить такое, Джейн Эйр?

– Как я смею, миссис Рид? Как я смею? А так, что это правда! Вы думаете, у меня совсем нет чувств и мне вовсе не нужны ни любовь, ни доброта. Но я так жить не могу. Вы человек безжалостный. Я до могилы не забуду, как вы грубо пихали меня, как загоняли в красную комнату и запирали меня там. Мне было больно, страшно, я просила у вас прощения, снисхождения. И все это наказание я заслужила лишь тем, что ваш испорченный сынок ни с того ни с сего ударил меня, сбил с ног. Всем, кто будет меня спрашивать, я расскажу именно так. Люди думают, что вы добрая женщина, а вы на самом деле злая и жестокосердая. Это вы обманщица!

Я еще не успела закончить свою речь, а меня уже начало распирать от гордости, я обрела странное чувство свободы, триумфа, чего со мной никогда не было. Словно порвались сковывавшие меня цепи и я, наконец, вырвалась на свободу, которую и не чаяла уже увидеть. Это чувство не само по себе появилось: я увидела, что миссис Рид испугалась.

Работа сползла у нее с колен, она подняла к лицу руки, стала раскачиваться в кресле вперед-назад, и даже лицо ее скривилось, словно она готова была заплакать.

– Джейн, ты неправда. Что с тобой? Почему ты вся так дрожишь? Может, выпьешь воды?

– Нет, миссис Рид.

– Может быть, хочешь чего-нибудь еще, Джейн? Уверю тебя, я хочу быть твоим другом.

– Вы? Неправда. Вы тут наговорили мистеру Броклхерсту, что у меня и характер трудный, и лгуныя я. А я сделаю так, чтобы в Ловуде все знали, что вы из себя представляете, и что вы сделали.

– Джейн, ты не понимаешь некоторых вещей. Детей нужно поправлять, когда они делают что-то не так.

– Но во мне нет лживости! – взволнованно выкрикнула я, едва не сорвав голос.

– Но ты натура взрывная, Джейн, с этим ты должна согласиться. А теперь иди в детскую, дорогая, и полежи немного.

– Я вам не дорогая. И полежать я не хочу. Скорее отправьте меня в школу, миссис Рид, потому что мне ненавистно жить здесь.

– Надо будет действительно поскорее загнать тебя в школу, – вполголоса буркнула миссис Рид и, забрав свое рукоделие, резко встала и вышла.

Я осталась одна – как победитель на поле боя. Это была самая трудная из всех моих битв и моя первая победа! Некоторое время я стояла на том самом месте ковра, где до меня стоял мистер Броклхерст, и упивалась своим одиночеством победителя. Вначале я улыбалась во весь рот, душа моя пела, но эта буйная радость стала убывать во мне по мере успокоения пульса. Дети не должны ругаться со старшими, как это сделала я, им не пристало распускаться и давать волю своим эмоциям, как это сделала я, да еще не чувствовать после этого угрызений совести и холодной тяжести на душе. Вначале мое состояние души напоминало танец огня – яркого, живого, всепожирающего, а теперь – то черное и выгоревшее, что осталось от погасшего огня, когда получасовое размышление наедине с собой убедило меня в сумасбродстве моего поведения и в пакостности такого состояния, когда ты ненавидим и ненавидишь.

Привкус мести я ощутила впервые. Это показалось мне ароматным вином, приятным, когда его глотаешь, но потом получаешь во рту металлический, ржавый привкус, словно в вине присутствовал яд. Я охотно пошла бы сейчас и извинилась перед миссис Рид, но я частично знала из предшествующего опыта, а частично чувствовала инстинктивно, что в ответ на мое извинение она оттолкнет меня с удвоенным презрением, чем, в свою очередь, с еще большей силой возбудит во мне бурю.

Хотелось бы проявить себя в чем-то получше, чем перебранки, хотелось бы никогда не оказываться во власти такого несправедного чувства, как темная злость. Я взяла книгу арабских сказок, села и стала читать, но смысл написанного не доходил до меня, потому что его перебивали мои собственные мысли, хотя раньше я зачитывалась этой книгой. Я открыла застекленную дверь малой столовой и посмотрела на улицу. Было облачно, безветренно, и кусты стояли неподвижно. Жестокий мороз сковал землю. Я закрыла голову и руки подолом верхней юбки и вышла погулять в отдаленную часть сада, но мне не доставили удовольствия, ни тихие деревья, ни шишки, падавшие с сосен, ни бурые листья – напоминание об осени, которые ветры собрали в кучи, и теперь морозы скрепили их в одно целое. Я прислонилась к калитке и взглянула в пустое поле, где уже не паслись овцы, а трава была выщипана или пожухла. День выдался совсем серый, все небо было закрыто мутной пеленой. Падали редкие снежинки. Они собирались и не таяли на твердой дороге и на пашне. А я, несчастное создание, стояла и думала, повторяя то и дело про себя: «Что мне делать? Ну что мне делать?»

Внезапно я ясно услышала, что меня зовут:

– Мисс Джейн! Где вы?! Обедать!

Это была Бесси, ее голос не перепутаешь. Но я не пошевелинулась. И вот на тропинке раздались ее быстрые шаги.

– Вот ведь какая непослушная! Почему вы не отзываетесь, когда вас зовут?

На фоне тех мыслей, что бродили у меня в голове, появление Бесси было отрадным, хотя она, как обычно, держалась со мной достаточно строго. Но после моей стычки с миссис Рид и победы над ней я не настроена была обращать внимание на преходящий гнев прислуги. Более того, мне хотелось погреться в лучах, исходящих от этой молодой и жизнерадостной женщины. Я обняла ее и сказала:

– Ладно, Бесси, не ругайтесь.

Очевидно, Бесси увидела, что на моем лице нет обычного испуга, а мой жест показался ей, видимо, как никогда искренним, потому что она была тронута.

– Чудной вы ребенок, мисс Джейн, – произнесла она, глядя на меня сверху вниз. – Бродяжка, все одна да одна. Так вы, вроде, в школу собираетесь?

Я кивнула.

– И не жалко вам будет оставлять бедную Бесси?

– А какое Бесси дело до меня? Она только и знает, что ругает меня.

– Потому что вы странная какая-то, пугливая, стеснительная девочка. Надо быть посмелее.

– Зачем? Чтобы мне еще больше попадало?

– Глупости это! Конечно, вам здесь несладко. На прошлой неделе меня приходила проведать моя мама, и она сказала, что не хотела бы, чтобы ее ребенок оказался на вашем месте. А теперь пошли, у меня есть для вас хорошая новость.

– Не верится, Бесси.

– Как это «не верится»? Что вы на меня так печально смотрите? Значит, так: миссис и молодые леди с мастером Джоном уедут сегодня в гости, а я приглашаю вас на чай. Я попрошу, чтобы к чаю кухарка испекла для вас небольшой пирог. А потом вы мне поможете посмотреть ваши вещи, ведь мне скоро придется собирать вам дорожный сундучок. Миссис рассчитывает отправить вас из Гейтсхеда через день или два, вам нужно за это время отобрать, какие игрушки вы возьмете с собой.

– Бесси, пообещайте, что до отъезда вы не будете больше меня ругать.

– Хорошо, я обещаю. А вы помните, что вы очень хорошая девочка, и не бойтесь меня. И не вздрагивайте, если я вдруг скажу что-то резкое, это раздражает, и я могу добавить что-нибудь не то.

– Я больше не буду, мне кажется, бояться вас, Бесси, потому что к вам я привыкла, а мне скоро придется бояться совсем новых людей.

– Если вы будете бояться их, они вас невзлюбят.

– Как и вы, Бесси?

– Я не могу сказать, что невзлюбила вас, мисс. Наоборот, вы мне нравитесь больше всех здесь.

– По вам этого не скажешь.

– Ух, колючка какая! Вот вы и по-новому заговорили. Откуда у вас взялся этот наскок, храбрость?

– Ну как же, я же скоро уезжаю отсюда, к тому же... – Я собралась было рассказать о том, что у меня произошло с миссис Рид, но по здравом размышлении решила, что об этом лучше умолчать.

– И вы с радостью покидаете меня?

– Совсем нет, Бесси. А сейчас мне, пожалуй, по правде жалко расставаться с вами.

– «А сейчас!»! Да еще «пожалуй»! Надо же, как холодно моя маленькая леди говорит об этом! Боюсь, что если я попрошу вас сейчас поцеловать меня, то могу получить и отказ: вы скажете, что, мол, пожалуй нет.

– Еще как поцелую! Бесси, наклонитесь.

Бесси склонилась ко мне, мы обнялись. После этого я с легким сердцем последовала за нею в дом. Вся вторая половина дня прошла тихо и мирно, а вечером Бесси рассказывала мне свои самые интересные сказки и рассказы и спела мне самые красивые свои песни. Так что даже в моей жизни случались проблески солнечного света.

Глава V

Утром девятнадцатого января часы не успели пробить пять, как в мою каморку вошла Бесси со свечой и увидела, что я уже встала и почти оделась. Я встала за полчаса до ее прихода, умылась и оделась при свете месяца, который заглядывал ко мне через узкое окошко возле моей кровати. Я уезжала из Гейтсхеда в шесть часов утра дилижансом, который должен был проезжать мимо наших ворот. Помимо Бесси в доме еще никто не встал. Она уже затопила камин в детской и готовила на нем мне завтрак. У детей редко бывает аппетит, когда их мысли заняты дальней дорогой, и мне тоже не хотелось есть. Бесси, отчаявшись заставить меня выпить несколько ложек горячего молока с хлебом, который она выпекла для меня, завернула мне печенья и сунула в мою сумку. Потом она помогла мне справиться с моей длинной и широкой накидкой и шляпкой, закуталась сама в шаль, и мы покинули детскую комнату. Когда мы проходили мимо спальни миссис Рид, Бесси спросила меня:

– А вы не хотите попрощаться с миссис?

– Нет, Бесси. Вчера вечером, когда вы ужинали, она подошла к моей кровати и сказала, чтобы я ее утром не беспокоила. И ее чад тоже. Она сказала мне, чтобы я помнила, что она всегда была мне лучшим другом, и чтобы я говорила о ней в таком же духе, и чтобы испытывала к ней благодарность.

– И что вы сказали, мисс?

– Ничего не сказала. Натянула на голову одеяло и отвернулась к стене.

– Нехорошо это, мисс Джейн.

– Очень даже хорошо, Бесси. Ваша миссис была мне не другом, а врагом.

– Ой, мисс Джейн, не говорите так!

– Прощай, Гейтсхед! – выкрикнула я, когда мы прошли через переднюю и выходили на улицу.

Месяц спрятался, и наступила темнота. Бесси несла фонарь, и свет его плясал вначале на мокрых ступеньках, затем на посыпанной гравием дорожке, пропитавшейся влагой за время недавней оттепели. Зимнее утро выдалось сырое и холодное, у меня даже зубы застучали. В домике привратника горел свет. Когда мы пришли туда, жена его разводила огонь в печке. Возле двери стоял, перевязанный веревками, мой дорожный сундучок, который принесли сюда накануне вечером. До шести оставалось несколько минут, и, вскоре после того как часы показали шесть, отдаленный шум колес известил нас о приближении дилижанса. Я вышла на улицу и стала наблюдать, как во тьме быстро увеличивается его фонарь.

– Одна едет? – поинтересовалась женщина.

– Одна.

– Далеко ли?

– Полсотни миль будет.

– Ой, как далеко! И как это миссис Рид не боится отпускать ее одну в такую даль?

Дилижанс подъехал и остановился у ворот. Он был запряжен четырьмя лошадьми, сверху сидели пассажиры. Кучер и кондуктор громко поторавливали нас. Мой сундучок погрузили, и меня оторвали от Бесси, которую я обняла и целовала, целовала. Кондуктор помог мне взобраться.

– Вы уж там присмотрите за ней! – крикнула ему Бесси.

– Да-да, – ответил он.

Дверь захлопнули, раздался голос «поехали», и экипаж тронулся. Так я рассталась с Бесси и Гейтсхедом и отправилась в неизвестные и, как мне тогда казалось, заброшенные и таинственные места.

У меня почти ничего не осталось в памяти об этой поездке. Помню только, что день мне показался неестественно длинным и что было такое ощущение, словно мы отмерили сотни миль дороги. Мы проехали несколько больших и малых городов, а в одном, очень большом, у нас была стоянка. Лошадей выпрягли, а пассажиры разбрелись пообедать. Кондуктор отвел меня в гостиницу, чтобы я пообедала, но, поскольку аппетита у меня не было, он оставил меня в большом зале с двумя каминами по разным концам и свешивающимся с потолка канделябром, а также маленькой красной галереей вдоль одной из стен, где я увидела множество музыкальных инструментов. Я долго слонялась по залу, испытывая странное ощущение – будто кто-то вот-вот ворвется сюда и похитит меня. Я верила, что такие люди, которые похищают людей, существуют, про их дела я столько раз слышала из вечерних рассказов Бесси у камина. Наконец пришел мой ангел-хранитель, отвел и посадил меня в дилижанс, а сам занял свое привычное место, протрубил сигнал к отправлению, и мы запрыгали по каменной мостовой.

Пошла вторая половина сырого и туманного дня, стал приближаться вечер. Я поняла, что мы действительно далеко отъехали от Гейтсхеда: перестали попадаться населенные пункты, изменился и характер пейзажа. Со всех сторон на горизонте виднелись большие серые холмы. В сгущавшихся сумерках мы спустились в долину, где по обеим сторонам дороги стоял лес, отчего сразу сделалось темно. Когда нас окутала ночь и видимости совсем не стало, осталось лишь слушать завывания ветра в лесной чаще.

Убаюканная звуками ветра, я, наконец, задремала. Но сон длился недолго, я проснулась, почувствовав, что дилижанс остановился. Дверь дилижанса была открыта, и в проеме я увидела женскую фигуру. В свете фонарей я разглядела ее лицо и платье: похоже, это был кто-то из прислуги.

– Нет ли здесь девочки по имени Джейн Эйр? – спросила она.

– Да, – откликнулась я, и тут же мне помогли выйти, быстро сгрузили мой сундучок, и дилижанс тронулся в дальнейший путь.

От долгого сидения у меня занемело все тело, и мне стало не по себе от бесконечного шума и тряски. Собравшись с силами, я огляделась по сторонам. Несмотря на дождь, ветер и тьму, я различила-таки, хоть и смутно, стену перед собой, и открытую дверь. Я прошла через дверь вместе с моей новой провожатой, и та закрыла дверь на ключ. Впереди я увидела дом или дома – картинка расплывалась на расстоянии. Среди множества окон некоторые были освещены. Мы шли вперед по каменистой дорожке, то и дело, попадая в лужи, затем вошли в дом и двинулись по коридору. Приведя меня в комнату с затопленным камином, моя провожатая покинула меня.

Я стала греть над камином закоченевшие пальцы, затем осмотрелась вокруг. Свечи в комнате не было, но в редких вспышках огня в камине я увидела бумажные обои на стенах, ковер, занавески, полированную мебель из красного дерева. Это была передняя комната, не такая просторная или красивая, как гостиная в Гейтсхеде, но вполне уютная. Я заинтересовалась было висевшей на стене картиной, когда дверь открылась. Вошла женщина со свечой, за ней другая.

Первая была высокой, темноволосой, темноглазой, с бледным высоким лбом, ее фигуру частично скрывала шаль, держалась она строго и прямо.

– Разве можно посылать такую маленькую девочку одну? – произнесла она, ставя свечу на стол. С минуту она внимательно рассматривала меня, потом добавила: – Ее скорее нужно уложить спать, она выглядит очень усталой. Ты ведь устала? – спросила она меня, положив мне руку на плечо.

– Немножко, мадам.

– И проголодалась, конечно. Покормите ее каким-нибудь ужином, а потом уложите спать, мисс Миллер. Ты впервые уехала от родителей в школу, моя маленькая?

Я сказала ей, что у меня нет родителей. Она спросила, как давно умерли родители, сколько мне лет, как меня зовут, умею ли я читать, писать, шить хоть немного, а затем коснулась моей щеки указательным пальцем и произнесла:

– Я надеюсь, ты будешь хорошей девочкой, – после чего отпустила меня с мисс Миллер.

Той леди было, наверно, лет двадцать девять, а этой, что сопровождала меня сейчас, – на несколько лет меньше. Первая произвела на меня впечатление своим голосом, взглядом, внешностью. Мисс Миллер была попроще: с пышным румянцем, но со следами забот на лице, торопливая в походке и действиях, как это бывает с теми, у кого забот полон рот. Она была, похоже, помощницей учителя – впоследствии выяснилось, что я не ошиблась. Я шла вместе с ней из помещения в помещение, из коридора в коридор огромного и запутанного здания. Покинув первую часть здания, где царил всеобщая и немного гнетущая тишина, мы перешли в другую, и сразу послышалось жужжание множества голосов. Мы вошли в широкое и длинное помещение, по концам которого стояли два огромных сосновых или еловых стола, на каждом – по паре свеч, а на скамейках вокруг столов сидело множество воспитанниц в возрасте от девяти – десяти до двадцати лет. При тусклом свете свечей их число показалось мне несчетным, хотя на самом деле их там было не больше восьмидесяти. Все здесь носили одинаковую форму – коричневые шерстяные платья невзрачного покроя и длинные холщовые передники. Мы пришли в час работы над вечерними заданиями, и жужжание складывалось из того, что все тихо что-то повторяли, шепотом или вслух.

Мисс Миллер сделала мне знак сесть на скамейку возле двери, а сама, пройдя к противоположной стене, остановилась там и объявила:

– Старосты, соберите и сложите книги!

Сразу из-за разных столов встали четыре высокие воспитанницы и, обойдя столы, собрали и сложили в сторонке книги.

Мисс Миллер снова скомандовала:

– Старосты, принесите подносы с ужином!

Те же высокие девушки вышли и вернулись, неся в руках подносы, заставленные порциями какой-то еды. Посредине каждого подноса стоял кувшин с водой и кружка. Девушки раздавали тарелки, а каждый, кто хотел, наливал в кружку воды и тут же выпивал; кружка была одна на всех. Когда очередь дошла до меня, я выпила воды, потому что чувствовала жажду, а к пище не притронулась, так как волнение и усталость начисто лишили меня аппетита. Я, однако, заметила, что кормили овсяным пирогом, порезанным ломтиками.

Наконец ужин закончился, мисс Миллер прочитала молитву, и ученицы строем по двое в ряд покинули помещение и поднялись наверх. Обессиленной от усталости, мне было почти не до того, как выглядит спальная комната. Я только заметила, что она, как и все школьные помещения, очень длинная. В этот вечер мне предстояло спать в одной постели с мисс Миллер. Она помогла мне раздеться. Ложась в постель, я успела заметить длинный ряд коек, в которые быстро ложились по две воспитанницы. Через десять минут единственную свечу погасили, и в тишине и полной темноте я сразу заснула.

Ночь пролетела быстро. От усталости я спала так крепко, что не видела никаких снов. Я только раз проснулась среди ночи и услышала, как неистовствует ветер, хлещет дождь, и почувствовала, что мисс Миллер лежит совсем рядом. Когда я открыла глаза во второй раз, то услышала громкий звон колокольчика. Девочки повскакивали и уже одевались. За окном было еще темно, и в спальне зажгли несколько свечей. Я тоже встала, но с большой неохотой. В помещении было довольно холодно, и, одеваясь, я дрожала всем телом. Потом я умылась, подождав, когда освободиться какой-нибудь таз, что случилось далеко не сразу, поскольку имелось по одному тазу на шесть человек. Эти тазы стояли на стойке посреди комнаты. Снова зазвенел колокольчик. Все построились в ряд по два и в таком порядке спу-

стились вниз. Мы вошли во вчерашнее холодное и тускло освещенное помещение. Здесь мисс Миллер прочитала молитву, затем скомандовала:

– Построиться по классам!

На некоторое время воцарилась неразбериха, в течение которой мисс Миллер то и дело громко призывала соблюдать тишину и порядок. После того как кутерьма закончилась, образовались четыре полукруга перед четырьмя стульями, поставленными возле четырех столов. Все ученицы держали в руках книги, а на каждом из столов перед пустыми стульями лежало по большой книге – похоже, Библии. Несколько мгновений длилась пауза, наполненная тихим гулом голосов. Мисс Миллер переходила от класса к классу и шикала, требуя тишины.

Где-то вдаль прозвенел колокольчик, и тут же в помещение вошли три леди и сели на свои стулья. Мисс Миллер заняла четвертый стул, который находился поближе к двери и возле которого собрались самые младшие девочки. В этот младший класс поставили и меня, самой последней.

И учебный день начался. Вначале прочли краткую молитву, после нее – отрывки из Священного Писания, а там и целые главы из книг Библии, длилось это целый час. К концу этого часа на улице окончательно рассвело. В четвертый раз за утро прозвенел неутомимый колокольчик, и классы проследовали строем в другое помещение – завтракать. Как я обрадовалась возможности поесть, мне уже чуть ли не плохо становилось от голода: я ведь весь предыдущий день почти ничего не ела.

Столовая находилась в большом и мрачном помещении с низким потолком. На двух длинных столах стояли миски, от которых шел пар, но запах они издавали, к моему великому разочарованию, отнюдь не аппетитный. Когда запах яств дошел до обоняния тех, кому они предназначались, я прочла на лицах всеобщее недовольство. Во главе нашей процессии находились высокие девушки из первого, старшего, класса, и там я услышала недовольный шепот:

– Фу, противно! Опять каша пригорела!

– Тишина! – раздался голос, на сей раз не мисс Миллер, а одной из вышестоящих преподавательниц, маленькой, смуглой, изящно одетой, но несколько мрачной с виду. Она сидела во главе одного из столов, а леди, нравом пожизнерадостнее, председательствовала за другим. Напрасно я искала глазами ту, которая встретила меня прошлым вечером, ее нигде не было. Мисс Миллер сидела с торца нашего стола, а странного вида леди, похожая на иностранку и постарше других, – учительница французского языка, как я позже узнала, – заняла соответствующее место за четвертым столом. Прочли длинную молитву, спели псалом, затем служанка принесла чай для учителей, и трапеза началась.

Голодная как волк и обессиленная, я поначалу набросилась на еду и первые пару ложек проглотила, не обращая внимания на вкус. Но, утолив первый приступ голода, я поняла, что ем тошнотворное месиво. Есть пригоревшую овсянку – все равно, что гнилую картошку, тут и голод бессилен. Ложки двигались еле-еле. Девочки пробовали кашу и пытались проглотить, но скоро забросили это занятие. Завтрак закончился, но никто и не позавтракал. Мы воздали благодарность за то, чего не было, потом спели еще один псалом, встали и пошли на занятия. Я покидала столовую одной из последних и, проходя мимо столов, увидела, как одна из учительниц попробовала кашу, затем обвела взглядом других. Все лица выражали отвращение, а одна учительница, покрупнее других, прошептала:

– Отвратительная стряпня! Какой стыд!

Занятия возобновились через четверть часа, в течение которых в классной комнате стоял невообразимый гвалт. Видимо, это время выделялось для того, чтобы учащиеся могли вдоволь и во весь голос наговориться, и они во всю пользовались этой привилегией. Весь разговор вертелся вокруг завтрака, и все ругались и возмущались. Бедняги, это было их

единственным утешением! Мисс Миллер была сейчас единственной учительницей в классной комнате. Вокруг нее собралась группа старших школьниц, и по их лицам и жестике видно было, что разговор идет серьезный. Я услышала, как несколько раз называлась фамилия мистера Броклхерста. Мисс Миллер то и дело отрицательно качала головой, но не делала особых усилий сбить всеобщее возмущение: несомненно, она разделяла его.

Часы в комнате пробили девять. Мисс Миллер вышла в центр комнаты и громко командовала:

– Тишина! По местам!

Дисциплина взяла своё: через пять минут вавилонское столпотворение уступило место порядку, а невообразимый шум – тишине. Старшие по рангу учителя с пунктуальной точностью заняли свои места, но все, казалось, находилось в состоянии ожидания. Рассевшись по скамьям вдоль стен, все восемьдесят учениц сидели прямо и неподвижно. Странно выглядело это собрание. Волосы у всех были одинаково зачесаны назад, и ни единый локон не выбивался из этой прически. Все носили коричневые платья, закрытые, с узким воротом, облегавшем шею, холщовые сумки наподобие тех, какие носят в горах, и предназначенные для рукоделий. Все носили также шерстяные чулки и деревенские башмаки с медными пряжками. Около двадцати учениц выглядели уже взрослыми девушками или даже молодыми женщинами, и эти одежды совсем не вязались с их обликом и даже самым хорошеньким из них придавали нелепый вид.

Я внимательно рассматривала школьниц и иногда отвлекалась, переводя глаза на учителей, причем никто из них мне по большому счету не понравился. Крупная была немного грубоватой, темная – лютой, и не немного, иностранка – резкой и вычурной, а мисс Миллер – бедная мисс Миллер! – выглядела измотанной и задерганной на работе. И вдруг в один прекрасный момент, когда мои глаза перебежали с одного лица на другое, вся школа вдруг вскочила на ноги, словно вытолкнутая общей пружиной.

В чем дело? Никаких команд не было. Я ничего не могла понять. Пока я собиралась с мыслями, все сели. И поскольку все взгляды были устремлены в одну точку, то и мой взгляд устремился в общем направлении и наткнулся на женщину, которая принимала меня вчера вечером. Она стояла у одного из каминов и тяжелым взглядом, молча оглядывала ряды школьниц. К ней подошла мисс Миллер и, похоже, что-то спросила и, получив ответ, вернулась на место и командовала:

– Староста первого класса, принесите глобусы.

Пока исполнялось указание, упомянутая леди медленно двинулась в обход рядов. Думаю, что во мне сильно развит орган, ведающий почитанием, потому что я до сих пор помню, с каким благоговением мои глаза наблюдали за ее шагами. Теперь, при ярком дневном свете, я увидела, что она высокая, статная, светловолосая. Ее карие глаза светились благожелательным светом, а тонкие линии длинных ресниц оттеняли белизну ее высокого лба. У нее были очень темные каштановые волосы, на обоих висках они свисали мелкими колечками, что соответствовало моде того времени, так как тогда не носили ни лент, ни длинных локонов. Согласно все той же тогдашней моде, на ней было пурпурное шерстяное платье, отделанное на испанский манер черным бархатом. На поясе у нее блестели золотые часы, а часы тогда не были так распространены, как теперь. Для полноты образа пусть читатель добавит к ее портрету тонкие черты ясного, хотя и бледноватого, лица, царственную осанку и походку, и он получит – по крайней мере, в той мере, в какой это можно выразить словами – достаточно полное представление о внешности мисс Темпл – Марии Темпл, как я впоследствии узнала, увидев ее имя на молитвеннике, который мне как-то было доверено нести в церковь.

Директор Ловудской школы (именно ею и была эта леди) села возле двух глобусов, поставленных на один из столов, и начала урок географии для старшего класса. Млад-

шие классы разобрали другие учителя. Час занимались одними предметами, час – другими. Среди предметов были история, грамматика, чистописание, арифметика и прочие. С некоторыми ученицами старшего класса мисс Темпл занималась музыкой. За протяженностью уроков смотрели по часам, которые, в конце концов, пробили двенадцать. Директор поднялась со своего места и объявила:

– Я хочу сказать ученицам несколько слов.

После удара часов поднялся было шум, но при ее словах он сразу затих. Мисс Темпл предложила:

– Сегодня утром вам подали завтрак, который вы не смогли есть. Вы, должно быть, голодны. Я распорядилась, чтобы всем вам выдали хлеба с сыром.

Учителя удивленно посмотрели на нее.

– Ответственность я беру на себя, – добавила она в качестве ответа на удивленные взгляды и тут же покинула комнату.

Тут же принесли хлеб с сыром, что вызвало радость и оживление у школьников. После этого последовала команда: «В сад!» Я, как и все девочки, надела грубую соломенную шляпу с завязками и накидку из грубой ворсистой ткани и, увлекаемая общим потоком, вышла на свежий воздух.

Сад представлял собой обширную территорию, огороженную забором, достаточно высоким, чтобы за ним ничего не было видно. По одной стороне шла крытая веранда, между широкими дорожками располагались участки земли, разделенные на множество клумбочек, причем все они были распределены между воспитанницами – у каждой своя. Конечно, когда в цветах, они должны были выглядеть красиво, но теперь, в конце января, они представляли собой обычную для зимы картину – были покрыты изъеденной насекомыми и полусгнившей бурой листвой. Пока я разглядывала сад, у меня появилась дрожь: день выдался весьма неприветливый, совсем не для вылазок на природу. Вроде и дождь не шел, но в воздухе было темно от висевшей в нем мелкой водяной пыли. На земле стояли лужи от вчерашнего ливня. Девочки покрепче бегали, затеяв подвижные игры, а бледные да хлипкие сгруппировались в кучку на веранде, чтобы было потеплее. Среди этой дрожащей от пронизывающего холода массы то и дело раздавался глухой кашель.

Я пока еще ни с кем не разговаривала, да никто, как мне казалось, и не заметил моего появления. Я долго стояла в саду одна, но к изоляции и одиночеству я давно привыкла и воспринимала их как должное. Я прислонилась к стойке веранды, закуталась поплотнее в свою широкую мантию и, стараясь не замечать холода, покусывавшего меня снаружи, и неутоленного голода, терзавшего меня изнутри, предалась наблюдению и размышлениям. Мои размышления отличались неопределенностью и отрывочностью, ведь я пока еще не знала, где я очутилась. Гейтсхед и все мое прошлое, казалось, уплыли неизмеримо далеко, настоящее виделось мне смутным и непонятным, а будущее я вообще не могла себе представить. Я обвела глазами сад, наведший меня на сравнение с садом при женском монастыре, а затем подняла взгляд на дом – большое здание, одна половина которого казалась старой и серой, а другая – вполне новой. Новая часть, где находились классная и спальная комнаты, освещалась окнами со средниками и решетками, придававшими дому сходство с церковью. Над дверью в новое здание была прикреплена каменная доска с надписью:

Ловудское учреждение.

Эту часть реконструировала в..... году по Р.Х.

**Наоми Броклхерст из Броклхерст –
холла настоящего графства».**

**«Так да светит свет ваш пред людьми,
чтобы они видели ваши добрые дела и
прославляли Отца вашего Небесного. – Мф 5, 16.**

Я читала и перечитывала эти слова, чувствуя, что в них заключен очень важный смысл, но была не в силах уловить его. Я все еще пыталась разобраться в значении слова «учреждение» и связать первые слова со стихом из Священного Писания, когда кашель за моей спиной заставил меня обернуться. Я увидела девочку, сидящую на каменной скамье и склонившуюся над книгой. Похоже, она была захвачена ее содержанием. С того места, где я стояла, я смогла прочесть название – это был «Расселас». Название поразило меня своей странностью, а потому привлекло меня. Переворачивая страницу, она случайно подняла голову, и я спросила ее без предисловий:

– Интересная книга?

У меня уже созрело намерение попросить, чтобы она как-нибудь дала мне ее почитать.

– Мне – нравится, – просто ответила девочка после короткой паузы, в течение которой изучающе рассматривала меня.

– А о чем это? – продолжала я расспрашивать девочку, удивляясь, откуда у меня взялась эта смелость заговорить с незнакомкой, это было абсолютно противно моей натуре и привычкам. Но, я думаю, тот факт, что она читала книжку, затронул какую-то струнку в моей душе, и оттого в моей душе родилась симпатия к девочке: я ведь тоже любила читать, только я любила чтение на свой детский манер и не одолела бы и не поняла книги посерьезнее, с глубоким содержанием.

– На, посмотри, – ответила девочка, протягивая мне книгу.

Я так и сделала. Краткое ознакомление убедило меня, что содержание менее привлекательно, чем название. Для моего неразвитого вкуса «Расселас» показался скучным: ничего про эльфов и фей, про джиннов и духов. Вряд ли на этих страницах убористого текста есть что-то яркое, необычайное. Я вернула девочке книгу, она приняла ее спокойно и, не говоря ни слова, собралась снова с головой уйти в чтение книги, но я снова оторвала ее от этого занятия.

– Ты можешь сказать мне, что означает надпись над дверью? Что это такое – Ловудское учреждение? – спросила я.

– Это тот самый дом, куда ты приехала жить.

– А почему он называется «учреждение»? Он как-то отличается от других школ?

– Это отчасти благотворительная школа. Ты, я и все остальные – это дети, живущие благотворительностью. Я думаю, ты сирота. У тебя мама и папа умерли?

– Оба умерли, я их даже не помню.

– Ну и вот, все здешние девочки потеряли кого-то из родителей, а то и обоих, и эта школа называется воспитательным учреждением для сирот.

– И мы не платим никаких денег? Нас что, держат здесь даром?

– Платим, или наши родственники платят – по пятнадцать фунтов в год за каждого.

– Тогда где же тут благотворительность?

– Пятнадцать фунтов – это мало, чтобы содержать и учить нас, и разница поступает по подписке.

– А кто же эти желающие?

– Разные леди и джентльмены, которые считают это своим долгом. Они и из этих мест, и из Лондона.

– А кто это была – Наоми Броклхерст?

– Леди, которая построила новую часть здания, как там написано, и чей сын ведает тут всеми делами.

– Почему?

– Потому что он казначей и управляющий нашего заведения.

– Значит, этот дом не принадлежит этой высокой леди с часами, которая сказала принести нам хлеба с сыром?

– Кому? Мисс Темпл? Не-ет! Хорошо, если бы. Она за все отвечает перед мистером Броклхерстом. Мистер Броклхерст покупает нам всю еду и всю одежду.

– А он здесь живет?

– Нет, в двух милях отсюда, в большом таком доме.

– Он хороший человек?

– Он священник. Говорят, что он делает очень много добра.

– Ты сказала, что ту высокую леди зовут мисс Темпл?

– Да.

– А как зовут других учителей?

– Розовощекую зовут мисс Смит, она у нас по рукоделию, по кройке: мы ведь сами шьем себе платья, накидки и все остальное. Маленькая с черными волосами – это мисс Скэтчерд, она преподает историю и грамматику и ведет второй класс. Которая в шали, а сбоку кармашек для носового платка на желтой ленте – это мадам Пьерро, она из Франции, из города Лилля, преподает французский язык.

– А тебе нравятся учителя?

– Вполне.

– А маленькая черненькая? И эта мадам, как ее, я не могу произнести ее фамилию так, как ты?

– Мисс Скэтчерд. Она легко выходит из себя, ей лучше не давать повода. А мадам Пьерро – неплохой человек.

– А лучше всех мисс Темпл, да?

– Мисс Темпл очень добрая и очень умная. Она стоит над всеми, потому что знает куда больше их.

– Ты давно здесь?

– Два года.

– А ты сирота?

– У меня мама умерла.

– Тебе хорошо здесь?

– Ты задаешь слишком много вопросов. Для начала я и так уже ответила тебе достаточно, а теперь я хочу почитать.

Но тут прозвучал сигнал к обеду, и все вернулись в дом. Запах, который на сей раз заполнял столовую, вряд ли был аппетитнее того, что ласкал наше обоняние перед завтра-

ком. Обед подали в двух больших луженых котлах, из которых валил пар и распространялся отчетливый запах прогорклого жира. Выяснилось, что месиво состояло из рядовой картошки и мяса с душиком, его и разложили по тарелкам, и довольно щедро. Я съела, сколько могла, думая: неужели так будут кормить каждый день?

После обеда мы снова пошли в класс, и занятия, согласно плану, продолжились и длились до пяти часов.

Единственным примечательным событием дневной части занятий было удаление с урока истории девочки, с которой я разговаривала на веранде. Рассерженная мисс Скэтчерд поставила ее посреди комнаты. Это наказание показалось мне в высшей степени позорным, особенно для такой большой девочки – на вид ей было не меньше тринадцати. Я думала, что ей будет стыдно и это будет заметно по ее поведению, но, к моему удивлению, она не заплакала и не покраснела. Спокойно, хотя и с грустным лицом, она стояла под взглядами всех классов. «И откуда это у нее такое спокойствие, такая выдержка? – спрашивала я себя. – Будь я на ее месте, я бы мечтала сквозь землю провалиться. А она – она, похоже, думает не о том, что ее наказали, а о чем-то совсем постороннем, ее мысли где-то вдалеке. Слышала я о снах наяву. Так, может, это у нее и есть сейчас сон наяву? Взгляд уперся в пол, но я уверена, она его сейчас и не видит. Она совсем ушла в себя. Она видит воспоминания, по-моему, а не то, что сейчас происходит. Интересно, эта девочка хорошая или плохая?»

Вскоре после пяти часов нас снова покормили. На сей раз была маленькая кружка кофе и половинка ломтика черного хлеба. Я с удовольствием проглотила все это и смогла бы повторить, потому что во мне не утихло чувство голода. Потом мы полчаса отдыхали, затем занимались самостоятельно. Позже нам дали по стакану воды и кусочку овсяного кекса, далее была молитва, а там и сон. Так прошел мой первый день в Ловуде.

Глава VI

Следующее утро началось, как и накануне, с подъема и одевания, только на этот раз пришлось обойтись без церемонии умывания, поскольку вода в кувшинах подернулась льдом. Накануне вечером погода резко изменилась, подул сильный северо-восточный ветер, он со свистом врвался в зазоры окон спальни, вынудил нас всю ночь дрожать в постелях, а воду для умывания подморозил.

Еще не прошла и половина времени, отведенного на молитвы и чтение Библии, как я совершенно окоченела от холода. Наконец наступил завтрак. В это утро каша не подгорела. По качеству она была съедобной, а вот количество ее было мизерным. До чего же маленькой показалась мне моя порция! Я и две таких съела бы.

В этот день меня зачислили в четвертый класс и на меня навалились все соответствующие нагрузки и обязанности. Если до этого я была в Ловуде зрителем, то теперь становилась актером. Поначалу мне, почти непривычной учить наизусть, уроки показались и длинными, и трудными. Смущала меня и частая смена предметов. Но что мне понравилось, так это когда в три часа мисс Смит вложила мне в руки полоску тонкой ткани длиной в два ярда, дала иголку, наперсток и прочее и посадила меня в тихий угол классной комнаты, дав задание подбить ткань. Большинство в этот час также занимались рукоделием, но девочки одного класса стояли вокруг стула, на котором сидела мисс Скэтчерд, и читали вслух, а так как в классе было тихо, мы могли слышать, о чем шла речь на уроке, как отвечали ученицы, как мисс Скэтчерд ругала или хвалила их за ответы. Шел урок истории Англии. Среди учениц я увидела и мою знакомую по веранде. В начале урока она стояла во главе класса, но за какую-то ошибку в произношении или невниманье к построению фразы она была вдруг отодвинута в конец класса. Но этого мисс Скэтчерд оказалось мало, она все время обращала на девочку внимание, то и дело делала ей замечания:

– Бёрнз (очевидно, это была фамилия девочки, и всех учениц здесь звали по фамилиям, как мальчиков), что ты кособочишь ботинки, поставь ногу прямо!.. Бёрнз, что ты так выпячиваешь подбородок, подбери его!.. Бёрнз, ну сколько тебе надо говорить, чтобы ты выше держала голову?! Чтобы я больше этого не видела!..

И далее все в том же духе.

Главу дважды прочитали, потом книги захлопнули и стали проверять, кто, что и как запомнил. Урок был посвящен временам правления Карла I, мисс Скэтчерд задавала невыносимые вопросы о тоннаже судов и пошлинах на тоннаж, доходах казны от судоходства и так далее, и большинство плавало при ответе, но, как только очередь доходила до Бёрнз, следовал четкий ответ, словно для нее и не существовало никаких трудностей. По-видимому, ее память удерживала основной материал урока так, что она всегда готова была ответить на любой вопрос. Я все ждала, что мисс Скэтчерд похвалит ее за прилежание, но вместо этого та вдруг закричала на нее:

– Грязнуля, упрямая девчонка! Ты что, не могла утром под ногтями почистить?

Бёрнз не ответила ей, и это меня удивило.

«Неужели она не могла сказать, – подумала я, – что сегодня и умыться-то было нечем, что вода замерзла?»

Потом мое внимание было отвлечено от урока истории просьбой мисс Смит, которая подозвала меня и попросила подержать ей моток ниток. В течение перемотки она со мной время от времени разговаривала, спрашивала, ходила ли я раньше в школу, умею ли метить, вышивать, вязать и так далее. Пока мы не закончили перемотку ниток, я не имела возможности следить за действиями мисс Скэтчерд, а когда я вернулась на место, мисс Скэтчерд отдала какое-то приказание. Какое, я не расслышала, только Бёрнз немедленно встала,

вышла из класса и направилась в комнатушку, где хранились книги, а через полминуты вернулась, неся в руке пучок связанных с одного конца розг. С почтительным книксеном она передала эти жуткие орудия в руки мисс Скэтчерд. Потом она с предельным спокойствием сняла передник, хотя никто ей ничего не говорил, и учительница тут же нанесла ей пучком розг с дюжину хлестких ударов в район шеи. Бёрнз не уронила ни слезинки. На время этой процедуры я оторвалась от своего занятия, потому что пальцы дрожали от наполнявшего меня бессильного гнева, а у Бёрнз лицо ничуть не изменило своего привычного выражения грустной задумчивости.

– Вот упрямая девица! – шумела мисс Скэтчерд. – Ну как еще бороться с твоей неряшливостью? Уноси розги.

Бёрнз послушно выполнила указание. Когда она выходила из комнатушки, я с близкого расстояния увидела, что она успела сунуть в карман носовой платок, а на ее впалой щеке был след от слезы.

Вечерний час для игр я считала самой приятной частью распорядка дня в Ловуде. В пять часов мы получали кусок хлеба с кофе, и это хоть и не утоляло голод, но прибавляло сил. Долгое напряжение учебного дня спадало. В классе становилось потеплее, чем утром – камин топились чуть ярче, таким образом, немного сэкономили на свечах, которые пока еще не зажигали. Играл красный свет каминов, раздавался шум голосов и громкий смех, разрешенные в это время, и мы испытывали желанное чувство свободы.

Вечером того же дня, когда мисс Скэтчерд наказала розгами воспитанницу Бёрнз, я бродила по классному помещению среди столов и людей, как обычно одна, но одиночества не испытывала. Проходя мимо окон, я время от времени приоткрывала шторы и поглядывала на улицу. Валил снег, ветер наметал его на нижнюю часть окон, частично закрывая их. Прикладывая ухо к стеклу, я различала сквозь веселый шум в комнате заунывные завывания ветра за окном.

По всей вероятности, если бы я уехала из хорошего дома и от добрых родителей, то в этот час я особенно сильно переживала бы разлуку – так печальны были завывания ветра, и так саднило бы на душе от тьмы и хаоса за окном. А в данной ситуации мною наоборот овладело необъяснимое лихорадочное возбуждение, и мне захотелось, чтобы ветер завыл зверем, а мгла обратилась в полную тьму.

Перелезая через скамейки и подлезая под столами, я пробралась к одному из каминов и там увидела Бёрнз. Она стояла на коленях возле высокой каминной решетки, сосредоточенная, молчаливая, отрешенная от всего происходящего вокруг. При тусклом свете углей она читала книгу.

– Это «Расселас»? – спросила я, подойдя сзади.

– Да, – ответила она. – Сейчас дочитываю.

И через пять минут она ее захлопнула. Это меня обрадовало.

«Теперь я смогу, может быть, разговорить ее», – подумала я и села рядом с нею на пол.

– Твоя фамилия Бёрнз. А имя?

– Хелен.

– Ты издалека приехала сюда?

– Издалека, с севера, это возле Шотландии.

– А вернешься туда когда-нибудь?

– Надеюсь. Про будущее загадывать трудно.

– Ты, должно быть, хотела бы уехать из Ловуда.

– Нет, зачем?! Меня послали в Ловуд, чтобы я получила здесь образование. Какой же смысл уезжать отсюда, не достигнув цели?

– Эта учительница, мисс Скэтчерд, она очень жестока с тобой.

– Жестока? Вовсе нет. Она просто строга со мной. Ей не нравятся мои промашки и недостатки.

– Будь я на твоём месте, я её возненавидела бы. И оказала бы ей сопротивление. Если бы она меня ударила розгами, я вырвала бы их у неё из рук и сломала бы у неё под носом.

– Скорее всего, ничего такого ты не сделала бы. А если бы сделала, то мистер Броклхерст исключил бы тебя из школы. Представляешь, какое горе это было бы для твоих родственников? Куда лучше терпеливо снести боль, которую чувствуешь только ты, и никто другой, чем совершать поспешные поступки, недобрые последствия которых распространятся на всех твоих близких. К тому же Библия учит нас платить добром за зло.

– Но ведь это такой позор – когда тебя бьют розгами, заставляют стоять посреди комнаты, в которой полно людей. А ты ведь большая девочка. Я младше тебя, и то не смогла бы снести этого.

– Должна была бы снести, это твой долг. Это проявление слабости и глупости – говорить, что не можешь снести то, что тебе суждено снести самой судьбой.

Я слушала её и не могла понять этой философии непротivления. Ещё меньше я понимала или разделяла её терпимость в отношении своей мучительницы. Но я чувствовала, что Хелен Бёрнс видит вещи в совсем другом свете, невидимом моему глазу. Я допускала, что она права, а я нет, но глубоко копаться в этом мне не хотелось, я решила, что время рассудит.

– Вот ты говоришь, Хелен, что у тебя есть недостатки. Какие? Мне ты кажешься очень хорошей.

– Я тебе скажу, а ты не суди о человеке по внешнему впечатлению. Я, как говорит мисс Скэтчерд, неряшлива. Я не слежу за своими вещами, я безалаберная, пренебрегаю установленными правилами, читаю книги, вместо того чтобы учить уроки. Я неорганизованная, я иногда говорю, как и ты, что не выношу этой вечной жизни по правилам. А мисс Скэтчерд это раздражает, потому что она по своей природе аккуратная, пунктуальная, обстоятельная.

– И ещё грубая и жестокая, – добавила я, но Хелен промолчала, не приняв моего дополнения. Я спросила: – А мисс Темпл так же сурова с тобой, как мисс Скэтчерд?

При упоминании мисс Темпл легкая улыбка промелькнула на грустном лице Хелен.

– Мисс Темпл – это сама доброта. Она не может быть суровой даже с какой-нибудь самой плохой девочкой в школе, она испытывает от этого боль. Она видит мои недостатки и мягко указывает мне на них, а если я делаю что-то заслуживающее похвалы, тут уж она не скупится. Вот тебе доказательство моей испорченности: даже её тактичные, умные замечания не могут повлиять на меня, и я снова допускаю те же промахи. И даже её похвалы, которыми я очень дорожу, не помогают мне стать аккуратной и внимательной.

– Странно, это же так просто, – сказала я.

– Для тебя – несомненно. Я смотрела на тебя во время занятий. Ты такая внимательная, твои мысли, по-моему, никогда не блуждают где-то вдали, когда мисс Миллер объясняет урок или спрашивает тебя. А я мыслями вечно где-то далеко – далеко. Когда мне нужно слушать мисс Скэтчерд и старательно запоминать, что она рассказывает, я часто вообще перестаю слышать даже её голос. Я словно засыпаю и вижу сны. Иногда мне кажется, что я в Нортумберленде, а звуки, которые я слышу вокруг, это журчание ручейка, бегущего через Дипден, рядом с нашим домом, и, когда приходит черед отвечать, я словно просыпаюсь и из-за этого воображаемого ручья ничего не могу сказать, потому что все пропустила мимо ушей.

– Днём ты сегодня отвечала очень хорошо.

– Просто случайно. Тема, о которой шла речь, заинтересовала меня. На том уроке, вместо того чтобы думать о моем Дипдене, я задавалась вопросом, как это человек, который желает сделать добро, совершает столько несправедливостей и безрассудства, как это делал иногда Карл Первый. Я ещё думала, как жаль, что такой цельный и честный человек

замкнулся на борьбе за права короны и ничего не видел дальше этого. Если бы он смог заглянуть вперед, понять, что называется, дух века! Однако я люблю Карла, почитаю его, и мне жалко его, жалко, что его убили. А его враги – негодяи, потому что они пролили кровь. Они не имели права идти на кровопролитие. И как они смели убить его!

Сейчас Хелен беседовала практически сама с собой: я ведь не могла, как следует понять, о чем она рассуждает, потому что почти ничего не знала о предмете, про который она говорила. И я решила приопустить ее на свой уровень.

– А когда преподает мисс Темпл, твои мысли тоже бродят вдали?

– Нет, конечно, не часто. Потому что мисс Темпл, как правило, говорит о чем-то новом, более интересном для меня, чем мои собственные мысли. Мне нравится ее язык, а то, что она сообщает, словно рассчитано на меня.

– Значит, на уроках мисс Темпл ты хорошо ведешь себя?

– Да, но это само собой получается. То есть, я не делаю никаких усилий над собой, я просто поступаю так, как мне нравится, а нравится мне – слушать ее. Вот так быть хорошей – не велика заслуга.

– А я считаю, это хорошее дело: ты добра с теми, кто добр с тобой. По мне, так и должно быть. А если люди будут добры и покорны с теми, кто жесток и несправедлив, то злые люди добьются, что все будет по-ихнему. Они ничего не будут бояться, никогда не изменятся к лучшему и будут становиться все хуже и хуже. Когда тебя ударят ни за что, ты должен ответить, и как следует, я уверена в этом. Да так, чтобы у того человека навсегда отпало желание бить тебя или кого-то.

– Ты изменишь свое мнение, я надеюсь, когда подрастешь, а сейчас ты пока маленькая девочка, которая мало чего знает.

– Но я это чувствую, Хелен. Нужно ненавидеть тех, кто упорно ненавидит тебя, несмотря на то, что ты стараешься угодить им. Нужно оказывать сопротивление тем, кто незаслуженно обижает тебя. Это так же естественно, как любить тех, кто любит тебя, или принимать наказание, когда ты этого заслуживаешь.

– Такой философии придерживаются язычники и дикие племена, а христиане и цивилизованные народы ее не признают.

– Как это? Не понимаю.

– Ненависть не победить насилем. И не месть лучше всего лечит раны.

– А что же?

– Почитай Новый Завет и обрати внимание, что говорит Христос и как он поступает. И возьми его слово себе за правило, а его поведение – себе в пример.

– А что он там говорит?

– Любите ваших врагов, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас.

– Значит, тогда я должна любить миссис Рид, которую не могу любить, и благословлять Джона, что невозможно.

Хелен попросила меня пояснить, о чем я говорю, и я как могла, изложила ей повесть своих страданий и переживаний. Придя в возбуждение, я говорила в резких выражениях, так, как я чувствовала, ничего не утаивая и не прихорашивая.

Хелен спокойно дослушала меня до конца. Я ожидала, что она сразу выразит свое отношение к услышанному, но она ничего не сказала.

– Так что, – нетерпеливо спросила я, – миссис Рид разве не бессердечная и злая?

– Она была недобра к тебе, конечно. Это потому, что ей не нравился твой склад характера, как мой не нравится мисс Скэтчерд. Но до каких подробностей ты помнишь все, что она сделала и сказала тебе! Какие же глубокие следы оставила ее несправедливость в твоём сердце! Когда ко мне относятся плохо, в моей душе это не оставляет следов. Если бы ты

постаралась выкинуть из памяти эти жестокости и свои связанные с этим эмоции, разве не стало бы тебе легче? Жизнь мне кажется слишком короткой, чтобы тратить ее на то, чтобы лелеять в себе враждебность и злобу или считать недостатки других. Мы все до одного обременены в этом мире недостатками, иначе и быть не может. Но скоро, я верю, настанет время, когда мы освободимся от них, освободившись от наших грешных тел. И когда грехи упадут с нас вместе с брэнной плотской оболочкой, то останется лишь душевная искра, – неосызаемая основа света и мысли, чистая, как тогда, когда Создатель только вдохнул ее в свое создание. Однажды придя, она уйдет. И, возможно, соединится с существами более высокими, чем человек. А может, пройдет через все небесные ступени и из бледной человеческой души превратится в яркого серафима. Наверняка ей не придется испытать противоположный путь и выродиться из человеческой в дьявольскую. Нет, я в это не верю. Я придерживаюсь другого убеждения. Ему никто меня не обучал, и я редко говорю о нем. Но я нахожу в нем удовлетворение и твердо придерживаюсь его. Оно дает надежду всем. Согласно ему, вечность – это покой, это огромный дом для всех, а не страх и преисподняя. К тому же это убеждение дает мне возможность провести четкое различие, скажем, между преступником и преступлением. Я могу искренне простить первого, но с негодованием отвергну второе. Мое убеждение помогает мне тем, что месть никогда не овладевает моим сердцем, унижение не наносит мне глубоких шрамов, несправедливость никогда не подавляет меня. Я живу в спокойствии и гляжу вперед.

В конце последней фразы голова Хелен, и без того обычно опущенная, склонилась еще ниже. По ней было видно, что ей не хочется больше разговаривать со мной, а поскорее остаться со своими собственными мыслями. Но ей не дали времени на размышления: пришла староста, крупная грубая девица, и выкрикнула с сильным кемберлендским акцентом:

– Хелен, если ты немедленно не пойдешь и не уберешь в своем ящике и не сложишь свои рукоделия, я немедленно скажу мисс Скэтчерд, пусть придет, посмотрит.

Хелен вздохнула, потревоженная в своих грезах, и встала, подчинившись старосте без слов и промедления.

Глава VII

Первые три месяца в Ловуде показались мне целым веком, и век был отнюдь не золотым. Я с трудом привыкала к новым правилам и неприятным нагрузкам. Боязнь не справиться с этими трудностями угнетала меня больше, чем физические лишения, хотя и их хватало.

Весь январь, февраль и часть марта лежал глубокий снег, и после его таяния дороги стали почти непроходимыми, поэтому мы носа не высовывали за пределы стен сада, если не считать хождения в церковь. Но в границах сада мы по часу каждый день проводили на открытом воздухе. Наша одежда плохо защищала нас от сильного холода. Перчаток у нас не было, а потому вечно мерзли руки. Сапожек мы тоже не имели, снег попадал в башмаки и таял, и я помню, как по вечерам ноги горели огнем, и как это раздражение ничего не давало делать. А по утрам приходилось переносить пытку, натягивая на опухшие и потрескавшиеся ноги грубые башмаки. Угнетало и недоедание. Мы росли, и у нас был зверский аппетит, а кормили нас так, что этого вряд ли хватило бы, чтобы поддерживать жизнь даже в чухлом больном. Вследствие недостаточного питания получил развитие один вид злоупотребления, от которого страдали младшие ученики: мучимые голодом старшие школьницы уговаривали младших или угрозами заставляли их делиться своими порциями. Мне много раз приходилось свой кусочек серого хлеба, который выдавали в пять часов, делить между двумя претендентками на него, а половину кофе отдавать третьей. После этого я проглатывала остаток кофе – вместе со слезами, тайком выкатывавшимися из глаз от неутоленного голода.

Особенно тоскливыми были этой зимой воскресенья. Нам приходилось идти за две мили в Броклбридж, в местную церковь, где пастором был наш попечитель. Мы уже из школы выходили озябшие, в церковь приходили замерзшие, а во время утренней службы превращались в сосульки. Предстояла еще одна служба, и из-за большого расстояния мы на обед не возвращались, а между службами нам выдавали холодное мясо с хлебом – такие же мизерные порции, как и во время обычных обедов.

После окончания дневной службы мы шли домой. На открытой холмистой местности на нас набрасывался холодный ветер, дувший с севера, со стороны заснеженных гор, и обжигал нам лица.

Помню, как мисс Темпл легким и быстрым шагом обходила наши понурые ряды, как облегла ее фигуру и трепетала на морозном ветру ее клетчатая накидка, как она ободряла нас своим словом и примером, поддерживала наш дух, призывала нас держаться, сравнивая нас с «доблестными солдатами». Другие учителя, бедняги, думали о том, как бы самим поскорее дойти, не то, что подбадривать нас.

Как же мы мечтали в такие часы о свете и тепле камина! Но мы – по крайней мере, самые маленькие – были лишены этой возможности, потому что оба камина в классе сразу облепляли в два ряда старшие школьницы, а младшие сбивались в кучки за их спинами, кутая замерзшие руки в передники.

Легким утешением было для нас воскресное время чая. В этот день мы получали двойную порцию хлеба – целый ломоть вместо половинки – да еще с вкусным добавлением в виде тонкого слоя сливочного масла. Об этой радости мы мечтали от воскресенья к воскресенью. Мне, как правило, удавалось сохранить для себя половину этого роскошества, остальным приходилось делиться.

Воскресный вечер отводился под повторение пройденного. Мы читали наизусть церковный катехизис, пятую, шестую и седьмую главы из Святого Матфея, слушали долгую проповедь, которую читала мисс Миллер, к этому времени уже здорово устававшая, о чем свидетельствовали ее частые позевывания. Часто однообразие этих проповедей нарушалось

тем, что несколько девочек из младших классов разыгрывали роль Евтиха. (с греч. счастливый, благополучный) (Деян. XX, 9) – имя одного юноши в г. Трояде, который во время продолжительной беседы ап. Павла, сидя на окне, погрузился в глубокий сон и, пошатнувшись, сонный упал вниз с третьего жилья и поднят мертвым; впрочем, апостол Павел чудесным образом возвратил его к жизни). Не в силах бороться со сном, они падали, правда, не с третьего этажа, но выпадали из состава четвертого класса. Поднимали их полумертвыми, а из сонного состояния их выводили тем, что выпихивали в центр класса и заставляли стоять там до конца проповеди. Иногда они падали и там, и тогда старосты подпирали их высокими стульями.

Я ни разу не упомянула о посещении школы мистером Броклхерстом. Но этот джентльмен действительно не появлялся в школе в течение большей части первого месяца моего пребывания здесь. Видно, он продолжил пребывание в гостеприимных стенах своего друга архидиакона. Я радовалась его отсутствию. Нечего и говорить, что у меня были причины опасаться его приезда. Но он, в конце концов, все-таки приехал.

Однажды во второй половине дня (к этому времени прошло три недели моего пребывания в Ловуде) я сидела в классе, держа в руках доску для письма, и решала трудную задачу на деление. Невидящим взглядом я в задумчивости уставилась на окно, и вдруг мое внимание привлекла только что появившаяся там фигура. Я почти инстинктивно узнала этот тощий и вытянутый силуэт. И когда пару минут спустя все ученики и учителя встали как один, мне не нужно было поднимать голову и смотреть, чей приход они приветствовали. Вошедший длинными шагами измерил классную комнату и затем остановился возле мисс Темпл, которая тоже встала вместе со всеми. Это был тот же черный столп, который так угрожающе смотрел на меня в Гейтсхеде. Я теперь имела возможность со стороны посмотреть на это чудо архитектуры. Да, тот самый мистер Броклхерст, в застегнутом на все пуговицы верхнем платье и казавшийся в нем более высоким, худым и строгим.

Повторяю, что у меня были причины опасаться его приезда. Я слишком хорошо помнила предательские намеки миссис Рид насчет моего места в жизни в настоящем и будущем и прочие вещи. Слишком хорошо помнила я и обещание мистера Броклхерста поставить в известность мисс Темпл и учителей о моей испорченной натуре. И все это время я ожидала исполнения этого обещания, каждый день я ждала, что придет в школу этот человек, сведения которого о моей прошлой жизни навсегда заклеят меня как гадкого ребенка. И вот он, пожалуйста.

Он стоял рядом с мисс Темпл и что-то говорил ей на ухо. Я поначалу не сомневалась: он рассказывает ей всякие ужасы про меня. Затаив дыхание смотрела я на мисс Темпл, в любой момент ожидая, что она переведет на меня свои черные глаза и я прочту в них отвращение и презрение. Но поскольку я сидела близко, то постаралась прислушаться, и стала слышать большую часть сказанного. И на первое время у меня отлегло от сердца.

– Я полагаю, мисс Темпл, что нитки, которые я купил в Лоутоне, вполне устраивают. Что поразительно, они как раз подходят по качеству к коленкору. Иголки я отбирал соответствующие. Скажите мисс Смит, что я забыл записать насчет иголок для штопки. Но на неделе ей пришлют несколько пакетиков. Да, скажите ей, чтобы ни в коем случае не давала на руки за раз больше одной иголки. Если им давать больше, то это побудит в них склонность к небрежности, и они будут терять иголки. И еще, мадам, не забыть! Я хотел бы, чтобы тщательнее смотрели за шерстяными чулками. В последний раз я ходил на огород и посмотрел на белье, которое сушилось на веревках. Там было немало чулок в неважном состоянии, не штопанных. Из размера дыр я сделал вывод, что они чинятся нерегулярно.

Он сделал передышку.

– Ваши указания будут исполнены, сэр, – сказала мисс Темпл.

– И еще, мадам, одна вещь: прачка говорит, что некоторые девочки по два раза в неделю меняют воротнички. Это слишком, правилами это ограничивается одним разом.

– Я думаю, что смогу объяснить это обстоятельство, сэр. Дело в том, что Агнес и Кэтрин Джонстон в прошлый четверг были приглашены на чай к родственникам в Лоутон, и по такому случаю я им дала разрешение поменять воротнички.

Мистер Броклхерст кивнул.

– Хорошо, один раз – это еще ничего. Но, пожалуйста, сделайте так, чтобы такие обстоятельства не случались слишком часто. Есть еще одна вещь, которая удивила меня. Из отчетности экономки я увидел, что воспитанницам был выдан второй завтрак в виде хлеба с сыром. Что это такое? Я просмотрел наши правила и не нашел там никакого упоминания о втором завтраке. Кто ввел это новшество? И по какому праву?

– Я несу ответственность за этот случай, – ответила мисс Темпл. – Завтрак был настолько плохо приготовлен, что ученицы не могли его в рот взять. И я не решилась оставлять их без еды до обеда.

– Мадам, позвольте мне сказать вам кое-что по этому поводу. Вы знаете, что моя программа воспитания состоит в том, что девочки должны привыкать не к роскоши и обилию, а к трудностям, терпению и самоотречению. И если произошла случайная неприятность с едой – испортили, чего-то переложили или не доложили, – не следует спасать ситуацию, предлагая еду повкуснее. Этим самым вы потакаете плоти и отходите от целей нашего учреждения. Такие случаи необходимо использовать для духовного наставления воспитанниц, для поощрения в них проявления силы духа в условиях временных лишений. В таких случаях весьма своевременной была бы краткая назидательная речь, в которой опытный наставник не преминул бы напомнить о страданиях первых христиан, о пытках, выпавших на долю христианских мучеников, о призыве благословенного Господа нашего Иисуса Христа к своим ученикам взять свой крест и следовать за ним, о его предупреждении, что не хлебом единым жив человек, но каждым словом, исходящим из уст Божьих, о его божественном утешении. «Если вы жаждете или страждете во имя мое, благо вам будет». О, мадам, когда вы вместо подгоревшей каши вкладываете в детские уста хлеб с сыром, вы можете накормить их грешные тела, но при этом вы мало думаете, как заставляете страдать их бессмертные души!

Мистер Броклхерст, явно расчувствовавшийся, снова сделал передышку. Мисс Темпл при первых его словах опустила глаза, но теперь она смотрела прямо перед собой, и ее лицо, от природы бледное как мрамор, теперь приобрело еще и холодность и неподвижность этого материала, особенно ее губы, сжатые, словно так ее изобразил ваятель и только он может исправить положение. В каменной суровости застыли брови.

А мистер Броклхерст, стоя возле камина и заложив руки за спину, с величественным видом обводил глазами воспитанниц. Внезапно он заморгал, словно ему что-то попало в глаз. Он повернулся к мисс Темпл и быстрее, чем до сих пор, проговорил:

– Мисс Темпл, мисс Темпл, что я вижу? Что это за девочка с кудрями? Рыжая, мадам, и кудрявая, вся голова в кудрях? – И, подняв трость, он указал на предмет своего негодования, при этом рука его дрожала.

– Это Джулия Северн, – очень спокойным тоном ответила мисс Темпл.

– Ах, Джулия Северн, мадам! Она ли, кто другая – почему она носит курчавые волосы?! Почему вопреки всем правилам и принципам этого заведения она так открыто исповедует нравы, принятые за его стенами?! Здесь евангелическое благотворительное учреждение, а она носит копну кудрей!

– У Джулии волосы вьются от природы, – разъяснила ему мисс Темпл еще более спокойным тоном.

– От природы! Но мы не должны сообразовываться с природой! Я хочу, чтобы девочки были чадами милосердия Господня, а тут – такая копна! Я сколько раз повторял, что при-

ческа должна быть короткой, простой, скромной. Мисс Темпл, остригите эту девочку наголо, парикмахера я пришлю завтра. Да я вижу, и другие девочки носят слишком длинные волосы. Вон та, например, высокая. Велите ей встать и повернуться к нам затылком. Пусть весь первый класс встанет и повернется лицом к стене.

Мисс Темпл провела платком по губам, словно смахивая с них нечаянную улыбку, но отдала команду. Первый класс выполнил, что от него требовалось, а я отклонилась немного назад на своей скамейке и могла видеть, какими выразительными взглядами и гримасами сопровождали старшеклассницы свои действия. Надо было бы мистеру Броклхерсту посмотреть на их лица. Он тогда понял бы, что сколько он ни бейся над этими сосудами, он может добиться кое-каких поверхностных результатов, но его возможности влиять на их внутреннее содержание куда более ограничены, чем он думает.

Он внимательно изучал обратную сторону этих живых медалей минут пять, затем произнес слова, прозвучавшие, как смертный приговор:

– Все эти пучки – срезать.

Мисс Темпл, похоже, что-то возразила.

– Мадам, – продолжал гнуть свое мистер Броклхерст. – я служу Господу, царствие которого не от мира сего. Моя миссия – умерщвлять в этих девочках вожделения плоти, научить их, чтобы они считали украшением стыдливость и воздержание, а не заплетенные волосы и дорогие одежды. А каждая из этих юных особ носит косу, и заплетены они исключительно из тщеславия. Их, я повторяю, надо состричь. Подумайте о напрасно потраченном времени, о...

Здесь мистер Броклхерст был прерван: в класс вошли три леди. Им надо было бы прийти чуть пораньше, чтобы захватить его лекцию об одежде, ибо сами они были в шикарной одежде – бархат, шелк, меха. Две помоложе, красивые девушки шестнадцати и семнадцати лет, были в серых бобровых шляпах, тогда модных, со страусиными перьями, а из-под этих изящных головных уборов выглядывали тщательно завитые и заплетенные в косу светлые волосы. Старшая леди пришла закутанная в дорогую бархатную шаль, обшитую горностаем, а на лоб у нее свисали фальшивые французские завитки.

Этих леди с почтением приняла мисс Темпл, обращаясь к ним «миссис Броклхерст» и «мисс Броклхерст», и проводила их на почетные места. Видно, они приехали в одном экипаже с преподобным главой семьи и, пока он проверял экономку, допрашивал прачку и читал нотации директору, проводили дотошный осмотр комнат наверху. Теперь они сообщали свои замечания мисс Смит, которая отвечала за постельное белье и состояние спальных помещений, но у меня не нашлось времени послушать, так как другие вещи отвлекли мое внимание.

До сих пор, слушая, о чем говорят мистер Броклхерст и мисс Темпл, я не забывала о предосторожности и заботилась об обеспечении собственной безопасности. Я считала, что для этого достаточно, чтобы меня не заметил мистер Броклхерст. С этой целью я села на скамейке так, чтобы можно было прятаться за другими девочками и, изображая увлеченность арифметической задачей, держала доску прямо перед собой, закрыв тем самым лицо. Мне, возможно, удалось бы остаться незамеченной, не выскользни предательская доска у меня из рук и не упали с грохотом на пол. Все взгляды обратились в мою сторону. Я поняла, что все кончено, и, нагнувшись, чтобы подобрать два осколка доски, я внутренне собралась с силами, готовясь к худшему. И оно наступило.

– Какая неосторожная! – воскликнул мистер Броклхерст и тут же добавил: – А, это новенькая, как я понимаю. – Я не успела перевести дыхания, как он продолжил: – Я должен сказать несколько слов о ней. – Затем он громко приказал, и мне это показалось оглушительно громко: – Пусть девочка, которая только что разбила свою доску, выйдет сюда!

По своей воле я не могла и пошевелиться: меня парализовал страх. Но две большие девочки, сидевшая рядом со мной, поставили меня на ноги и подтолкнули в спину навстречу

грозному судье, а затем мисс Темпл помогла мне подойти поближе, и я услышала произнесенный шепотом ее совет:

– Не бойся, Джейн, я видела, что это случайно, никакого наказания за это не будет.

Этот ласковый шепот вошел в мое сердце, словно кинжал. «Еще минута, и она меня возненавидит как существо двуличное», – подумала я, и во мне закипел гнев против этих Ридов, Броклхерстов и компании. Я все-таки была не Хелен Бёрнз.

– Принесите этот стул, – приказал мистер Броклхерст, указывая на самый высокий в комнате. Сидевшая на нем староста тут же вскочила с него и принесла.

– Поставьте на него это дитя.

Меня подняли и поставили, не знаю даже кто: я уже была не в состоянии замечать подробности. Я только заметила, что меня подняли на высоту носа мистера Броклхерста, что он был в ярде от меня и что подо мною гуляют и переливаются волны оранжевого и пурпурного шелка, облачка серебристых перьев.

Мистер Броклхерст прокашлялся.

– Леди, – начал он и повернулся к своему семейству, – мисс Темпл, учителя и дети! Вы видите эту девочку? – Конечно, видели. Я чувствовала на себе их взгляды, они жгли мою кожу, словно десятки увеличительных стекол на солнце. – Вы видите, она еще совсем молодая, дитя как дитя. Бог милостиво дал ей такую же внешнюю форму, как всем нам. Внешне она не отмечена ничем, что выдавало бы ее отличие от нас. И кто бы мог подумать, что дьявол уже нашел в ее лице слугу себе и помощника? И, однако, с горечью должен сказать, что это так.

Наступила пауза, в течение которой я постаралась унять дрожь и внушила себе, что Рубикон перейден, суда не избежать и нужно твердо перенести его.

– Мои дорогие дети! – с пафосом продолжал чернораморный священник. – Случай досадный и печальный, но я должен предупредить вас, что эта девочка, которая могла бы быть одной из Божьих овецек, на самом деле маленькая отверженная. Она не является настоящим членом стада, оно ей чуждо. Будьте бдительны в отношении ее, остерегайтесь ее примера. Если необходимо – избегайте ее общества, исключите ее из своих игр и уходите от разговоров с нею. Учителя, вы должны наблюдать за нею, не спускать глаз со всех ее передвижений, взвешивать все ее слова, давать оценку всем ее действиям, наказывать ее плоть, чтобы спасти ее душу. Если только такое спасение возможно, ибо – язык отказывается подчиняться мне, когда я произношу это, – эта девочка, это дитя, рожденное на христианской земле, хуже любой маленькой язычницы, которая молится Брахме и преклоняет колени перед Джаггернаутом, потому что она – лгунья!

Затем последовала долгая пауза, в течение которой я, уже к этому времени овладевшая собой, обозревала женскую часть семейства Броклхерстов. Все трое извлекли носовые платочки и приложили их к глазам, при этом старшая леди покачивала головой туда-сюда, а обе молодых прошептали: «Какой ужас!»

Наконец мистер Броклхерст возобновил свою речь:

– И это я узнал от ее благодетельницы, леди, известной своим благочестием и благотворительностью, которая приняла ее к себе сиротой, выхолила ее, как свою собственную дочь, и за доброту и щедрость которой это злосчастное дитя отплатило ей столь черной, столь ужасной неблагодарностью, что, в конце концов, ее замечательная патронесса была вынуждена отлучить ее от своих детей из страха, как бы это порочное дитя не осквернило их чистоту. И прислали ее сюда, дабы излечить, как евреи прошлого посылали своих больных на излечение к возмущенным водам купальни Вифезда. И я прошу вас, учителя и директор, не давать водам вокруг нее успокаиваться.

Закончив на этой высокой ноте, мистер Броклхерст поправил верхнюю пуговицу на одежде и что-то тихо сказал жене и дочерям. Те встали, поклонились мисс Темпл, и затем вся честная компания степенно удалилась из комнаты. У двери мой судья обернулся и сказал:

– Пусть она еще полчаса постоит на этом стуле и пусть остаток дня с ней никто не разговаривает.

И я осталась на своем возвышении. Я, которая говорила, что не вынесу позора, если меня поставят посреди комнаты, теперь выставлена на всеобщее обозрение на пьедестале позора. Мои тогдашние чувства не поддаются никакому описанию. И вот в то самое время, когда от нахлынувших на меня чувств мне не хватало воздуха и сдавливало горло, ко мне подошла одна девочка и прошла дальше, но, проходя, подняла на меня глаза. Что за странный свет горел в них! Какое необычно ощущение сообщили мне его лучи! Какие новые чувства охватили меня! Было ощущение, будто мученик или герой прошел мимо раба или жертвы и передал ему часть своей силы. Я овладела собой, остановив подступавшую было истерику, и приняла прочную стойку. Хелен Бёрнз задала пустяковые вопросы мисс Смит, та выговорила ей за то, что она сама не может разобраться в такой ерунде, и Хелен пошла обратно и, снова пройдя мимо меня, улыбнулась. Да какой улыбкой! Я помню ее до сих пор, помню, что она излучала тонкий ум и истинную отвагу. Улыбка вдохнула свет в ее худенькое лицо, в потухшие было серые глаза, в ней было что-то ангельское. Надо же, она в это время носила на руке «знак неопрятности», а всего час назад я слышала, как мисс Скэтчерд ругала ее и пообещала посадить ее завтра на обед из хлеба и воды – за то, что Хелен, переписывая упражнение, поставила на него кляксу. Такова несовершенная природа человека: и на солнце есть пятна, а такие глаза, как у мисс Скэтчерд, могут отыскивать мелкие недостатки и не замечать всей яркости светила.

Глава VIII

Как только истекли мои полчаса, пробило пять. Уроки закончились, и все пошло на чай. Я рискнула спуститься со стула. В комнате было очень темно. Я забилась в угол и села на пол. Импульс, который я получила, и который до сих пор меня поддерживал, стал ослабевать. Наступила реакция, и скоро меня охватила такая горечь, что я в бессилии легла на пол лицом вниз. И заплакала. Хелен Бёрнз теперь не было рядом со мной, я не получала никакой поддержки. Оставленная с собой наедине, я раскисла. Слезы во всю лились на доски пола. Я хотела быть такой хорошей и сделать так много хорошего в Ловуде: завести много друзей, завоевать уважение и любовь. У меня уже появились очевидные успехи: сегодня утром я заняла первое место в классе, и мисс Миллер тепло похвалила меня. Мисс Темпл одобриительно мне улыбнулась и пообещала научить рисованию и еще разрешить мне заниматься французским, если я в течение двух месяцев буду заниматься так же успешно. И ученицы приняли меня хорошо, девочки моего возраста стали относиться ко мне как к равной, никто не обижал меня. И вот я лежу тут, разбитая, растоптанная. Смогу ли я когда-нибудь подняться?

«Никогда», – сказала я про себя, и так мне захотелось в этот миг умереть! Плача навзрыд и мечтая о смерти, я вдруг услышала, что кто-то подошел, и вздрогнула. В угасающем пламени камина я увидела идущую по пустой длинной комнате Хелен Бёрнз, она несла мне хлеб и кофе. Вновь Хелен Бёрнз оказалась рядом со мной.

– Успокойся, поешь немного, – сказала она, но я отодвинула от себя еду: мне казалось, что в таком состоянии я и крошкой хлеба подавлюсь.

Хелен смотрела на меня, по-моему, с удивлением. Я продолжала всхлипывать, мне все никак не удавалось успокоиться, хотя я старалась изо всех сил. Хелен опустилась на пол рядом со мной, села, обхватив колени и положив на них голову, и в таком положении молча замерла, как индийский йог. Первой заговорила я:

– Хелен, как ты можешь находиться рядом с девчонкой, которую все считают мерзкой лгуньей?

– Все, Джейн, считают? Только восемьдесят человек слышало, как тебя называли этим словом, а в мире сотни миллионов людей.

– Что мне эти миллионы? А восемьдесят человек меня презирают.

– Джейн, ты ошибаешься: скорее всего, ни один человек в школе тебя не презирает и не относится к тебе плохо, а многим, я уверена, жалко тебя.

– Как они могут жалеть меня, после того что сказал мистер Броклхерст?

– Мистер Броклхерст – не бог. И даже не такой человек, которого здесь обожают или уважают. Его тут недолюбливают, он мало что сделал, чтобы заставить любить себя. Вот если бы он относился к тебе как к своей любимице, ты нажила бы здесь массу врагов, тайных или явных. А так многие выразят тебе свое сочувствие, если не побоятся. День-два учителя и ученики, может, покосятся на тебя, но в душе будут дружески относиться к тебе. Если ты и дальше будешь хорошо вести себя, то их теплые чувства проявятся еще сильнее, потому что им пришлось их некоторое время сдерживать. К тому же, Джейн... – Хелен остановилась.

– Да, Хелен? – произнесла я, положив на ее руку свою. Она стала нежно потирать мне пальцы, желая согреть их, и снова заговорила:

– Даже если весь мир будет ненавидеть тебя и считать тебя испорченной, в то время как твоя совесть подсказывает тебе, что ты права, ты не останешься без друзей.

– Да, я понимаю, это важно – быть уверенной, что ты права. Но этого мало. Что толку, если окружающие тебя не любят? Да лучше умереть, Хелен, чем терпеть одиночество и презрение. Ты послушай: чтобы завоевать доброе отношение с твоей стороны, со стороны

мисс Темпл или другого, кого я люблю, – да я ради этого руку отдам, пусть меня бык на рога посадит или лошадь лягнет...

– Перестань, Джейн! Ты слишком много думаешь о людской любви. Ты очень легко зажигаешься, в тебе все бушует. Рука творца, создавшая твою оболочку и вложившая в нее жизнь, дала тебе и другим слабым существам источник силы куда больший, чем собственное «я». Помимо этой земли и человеческого рода существует невидимый мир – царство духов. Этот мир окружает нас, он везде. Эти духи смотрят на нас, потому что они поставлены охранять нас. И если мы умираем в муках позора и окруженные всеобщим презрением, ангелы видят наши муки и видят, что на нас нет вины – если ее нет, – и Бог только ждет, когда душа отделится от тела, чтобы воздать нам по заслугам. Насколько я понимаю, это обвинение в твой адрес мистер Броклхерст повторил со слов миссис Рид, а искренность твоей натуры мне видна по твоим горящим глазам, по твоему чистому лбу. Зачем все время отчаиваться? Ведь жизнь так быстротечна, и смерть введет нас в мир вечного счастья, на небеса?

Я не проронила ни слова. Хелен успокоила меня, но в этом успокоении сохранялся какой-то налет невыразимой печали. С горестью слушала я ее, но не могла объяснить себе, откуда взялась эта горесть. Закончив говорить, Хелен дышала учащенно, несколько раз у нее прорывался кашель, и я забыла о своих печалях, их вытеснило волнение за Хелен.

Я сидела, положив голову ей на плечо и обняв руками за талию, а Хелен прижала меня к себе. Так в молчании прошло какое-то недолгое время, а потом мы услышали шаги. В этот момент ветер прорвал окно в тучах, и в просвете показалась луна. Ее свет пролился на нас и выхватил из темноты приближающуюся фигуру, в которой мы сразу узнали мисс Темпл.

– Я специально пришла за тобой, Джейн Эйр, – сказала она. – Зайди ко мне. Раз Хелен Бёрнз с тобой, она тоже может прийти.

И мы пошли следом за директором. Путь пролегал по запутанным коридорам, лестницам, и вот мы, наконец, пришли. В комнате весело пылал камин. Мисс Темпл велела Хелен Бёрнз сесть в низкое кресло возле камина, сама села в другое, а меня подозвала к себе.

– Ну, всё? – спросила она меня, глядя в лицо. – Выплакала свое горе?

– Я боялась, что никогда не выплачу его.

– Почему?

– Потому что меня не за что обвинили. Теперь и вы, мадам, и все вокруг будут думать, что я вконец испорченная.

– Думать мы будем о тебе так, как ты себя покажешь, дитя мое. Продолжай быть хорошей девочкой, и ты нас вполне устроишь.

– Правда, мисс Темпл?

– Правда, – произнесла она, обнимая меня одной рукой. – А теперь расскажи мне, что это за леди, которую мистер Броклхерст назвал твоей благотворительницей.

– Миссис Рид, жена моего дяди. Дядя умер, и я осталась у нее на попечении.

– А приняла она тебя в свою семью, значит, не по собственному желанию?

– Нет, мадам, она очень не хотела делать этого. Но мой дядя, как я часто слышала об этом от прислуги в доме, перед смертью взял с нее слово, что она всегда будет заботиться обо мне.

– Так, Джейн. Ты знаешь, а если нет, то я говорю тебе, что, когда преступника обвиняют, ему дают возможность высказаться в свою собственную защиту. Тебя обвинили в лживости. Теперь защищайся, как можешь, и старайся. Расскажи мне все, как ты это помнишь, ничего не добавляя и не преувеличивая.

В глубине души я решила, что буду предельно умеренна и корректна. Я минуту – другую собиралась с мыслями, решая, что сказать, а потом рассказала ей всю печальную историю моего детства. Я была измучена переживаниями, и мой язык, был, на сей раз беднее, чем когда я раньше говорила на эту неприятную тему. К тому же я помнила о предупрежде-

нии Хелен не давать волю чувству озлобления, и вложила в свой рассказ гораздо меньше пыла и язвительности, чем обычно. Свободный от эмоций и упрощенный, мой рассказ прозвучал более правдоподобно, и я чувствовала в ходе его, что мисс Темпл мне полностью верит.

По ходу рассказа я упомянула мистера Ллойда как человека, пришедшего навестить меня после того приступа. Конечно, я рассказала об эпизоде с красной комнатой, потому что он никогда не выходил у меня из головы. При его описании эмоции, конечно, охватили меня больше, чем во время всего повествования, так как ничто не могло изгладить из моей памяти тот неопикуемый ужас, который я испытала, когда миссис Рид отвергла мои мольбы о прощении и вторично закрыла меня в темной и населенной призраками комнате.

Я закончила свой рассказ. Некоторое время мисс Темпл молча смотрела на меня, а затем произнесла:

– Я немного знаю мистера Ллойда. Напишу-ка ему. Если он ответит и письменно подтвердит сказанное тобой, то ты будешь прилюдно оправдана от всех обвинений. Что касается меня, Джейн, то в моих глазах ты чиста уже теперь.

Она поцеловала меня и, продолжая обнимать меня (какое блаженство испытывала я, стоя рядом с ней, во мне играла детская радость от созерцания ее лица, платья, скромных украшений, белого лба, завитков ее переливающихся волос, лучистых глаз), она обратилась к Хелен Бёрнс:

– Как ты себя сейчас чувствуешь? Днем ты много кашляла?

– По-моему, не так много, мадам.

– А как насчет боли в груди?

– Немного легче.

Мисс Темпл поднялась, убрала с моего плеча руку и проверила пульс у Хелен. Затем она вернулась к своему креслу, и, когда садилась, я услышала ее тихий вздох. На некоторое время она ушла в размышления, затем, стряхнув с себя задумчивость, она весело произнесла:

– Раз уж вы сегодня мои гости, надо вас и угостить. – И она позвонила в колокольчик.

– Барбара, – обратилась она к служанке, которая явилась на звонок, – у меня еще не было чая, так что, принесите мне поднос и поставьте на него две чашки для этих юных леди.

Барбара пришла с подносом без промедления. Как же красиво выглядели на маленьком круглом столике у камина фарфоровые чашки и яркий чайник! Какой замечательный аромат исходил от чая и как вкусно пахли жареные хлебцы! Но, к моему сожалению (я уже проголодалась), хлебцев было маловато. Мисс Темпл тоже обратила на это внимание.

– Барбара, – сказала она, – вы не могли бы принести нам еще хлеба и масла? Для троих здесь маловато.

Барбара ушла и тут же вернулась.

– Мадам, – сообщила она, – миссис Харден говорит, что она послала обычное количество.

Миссис Харден – так звали экономку. Она была весьма по душе мистеру Брокхерсту и отличалась своей непробиваемостью.

– Что ж, отлично! – воскликнула мисс Темпл. – Я думаю, это поправимо, Барбара. – И, когда девушка ушла, мисс Темпл добавила: – К счастью, это в моих силах – исправить положение.

Она пригласила нас с Хелен к столу, поставила перед каждой по чашке чая и положила по вкусному, но маленькому хлебцу, а сама встала, открыла шкафчик, достала бумажную упаковку, затем на наших глазах вскрыла ее, и перед нами предстал пирог.

– Я поначалу собиралась дам вам по куску с собой, – пояснила мисс Темпл, – но, поскольку здесь так мало хлеба, давайте есть сейчас. – И она стала нарезать щедрые куски.

В этот вечер мы были словно на празднике, где нас поили – кормили нектаром и амброзией. Не меньшее удовольствие мы получили от чудесной улыбки, с которой хозяйка смотрела, как мы уплетаем вкусный пирог, утоляя свой голод.

Чай закончился, поднос унесли, и мисс Темпл снова подозвала нас к поближе к огню. Мы сели по обеим сторонам от нее, и теперь разговор продолжился между нею и Хелен. Одно присутствие при такой беседе я и то сочла честью для себя.

У мисс Темпл всегда было какое-то спокойствие в манере держаться, величественность в облике, изысканность в языке, что исключало всякое проявление с ее стороны горячности, возбужденности, раздражительности, и эти качества заставляли других, кто смотрел на нее и слушал, сдерживать открытые проявления радости и лишь тихо благоговеть перед ней. То же самое ощущала теперь и я. Но Хелен Бёрнз меня совершенно поразила и удивила.

Приятное чаепитие, яркий огонь, доброта и само присутствие ее любимой наставницы или, может быть, нечто большее, чем все это, вызвали к жизни в Хелен Бёрнз новые силы. Они проснулись и заиграли. Вначале они проявили себя в порозовевших щеках, которые раньше я видела неизменно бледными и бескровными, потом влажно заблестели ее глаза, которые внезапно приобрели красоту более уникальную, чем у мисс Темпл, красоту, которая заключалась не в ярком цвете глаз, не в длинных ресницах, не в тонких, словно карандашная линия, бровях, а в выразительности, подвижности, лучистости. Потом пришли в движение ее одухотворенные уста и полились слова из какого-то неведомого мне источника. Как у девочки четырнадцати лет могло быть такое большое и такое сильное сердце, чтобы все время сдерживать бивший в ней чистый родник необыкновенного красноречия? Именно такое впечатление произвели на меня слова Хелен в тот памятный вечер. Ее дух, казалось, торопился пережить в короткий промежуток времени столь многое, на что другим требуются долгие годы.

Они говорили о вещах, о которых я и понятия не имела – о народах и минувших временах, о дальних странах, о тайнах природы, разгаданных или разгадываемых... Потом они заговорили о книгах. Как же много они прочли! Какой же запас знаний накопили! Оказалось, им знакомы многие французские имена и авторы. Но мое изумление достигло высшей точки, когда мисс Темпл спросила Хелен, находит ли та время вспомнить латынь, которой обучил ее отец, и, достав с полки книгу, попросила Хелен прочесть и пересказать ей страничку Вергилия, и Хелен выполнила ее просьбу. Мое преклонение перед Хелен, в тот момент, разрослось до немыслимых пределов. Не успела Хелен закончить, как зазвенел колокольчик, известивший, что пора спать. Никакие задержки не допускались, и мисс Темпл обняла нас обеих и, прижав к груди, промолвила:

– Господь вас благослови, дети мои.

Хелен она задержала в своих объятьях немного дольше, чем меня, и отпустила ее с большей неохотой. Именно Хелен провожала она взглядом до двери и из-за Хелен снова печально вздохнула, и из-за нее смахнула со щеки слезу.

Придя в спальню, мы слышали голос мисс Скэтчерд, которая проверяла наши личные ящички. Она только что выдвинула ящик Хелен Бёрнз, и, когда мы вошли в помещение, Хелен была встречена грозным выговором, и ей было сказано, что завтра ей приколуют на плечо все те вещи, которые она неряшливо сложила.

– У меня действительно был жуткий беспорядок, – шепотом сказала мне Хелен. – Я собралась навести порядок, да забыла.

Наутро мисс Скэтчерд крупными буквами написала на куске картона слово «неряха» и, словно церковную филактерию, повесила ей на лоб, на высокий, нежный, умный и добрый лоб Хелен. И Хелен носила картонку до вечера – безропотно, не возмущаясь, рассматривая это как заслуженное наказание. Как только мисс Скэтчерд ушла из школы, я подбежала к Хелен, сорвала картонку и швырнула ее в огонь, потому что, мной целый день владел гнев,

на который Хелен была неспособна. Он жег мне душу, и слезы, горячие и крупные, то и дело скатывались у меня по щекам. Зрелище того, с каким печальным смирением она носит эту надпись, доставляло мне невыносимую душевную боль.

Примерно неделю спустя после случая с мистером Броклхерстом мисс Темпл, которая действительно написала письмо мистеру Ллойд, получила от него ответ. Судя по всему, ответ был в мою пользу, потому что мисс Темпл собрала всю школу и сообщила, что по обвинениям против Джейн Эйр проведено расследование и что она весьма счастлива объявить о снятии с Джейн Эйр всех обвинений. После этого учителя трясли мне руку и целовали меня, а среди учеников прошел довольный шепот.

Освободившись таким образом от тяжелого груза, я, с этого часа, с новыми силами включилась в работу, полная решимости преодолеть любые трудности. Трудилась я упорно, соответственно усилиям оказались и успехи. Память у меня, от природы не особенно цепкая, но улучшалась от постоянной практики, занятия и упражнения делали мой ум более острым. Через несколько недель меня перевели в класс повыше, а менее чем через два месяца мне разрешили приступить к занятиям французским и рисованием. Я выучила два времени глагола *etre* и в тот же день нарисовала свой первый домик (стены которого местами так опасно наклонялись, что домик напоминал пизанскую башню). Тем же вечером, ложась спать, я даже забыла приготовить в воображении ужин из жареной картошки или подать себе мысленно хлеба с парным молоком – так я старалась обычно успокоить чувство голода. Зато я отличилась на выставке рисунка, которую видела в темноте спальни, и все выставленные работы были моими. Там были и дома с деревьями в карандаше, и живописные скалы и развалины, и пасущиеся коровы, как у голландца Кейпа, и милые картины с бабочками, порхающими над нераскрывшимися розами, и разные птицы, клюющие спелые вишни, и обвитые молодым плющом гнезда крапивника с отложенными там перламутровыми яйцами. Я мысленно рассмотрела возможность перевести в ближайшее время небольшой французский рассказ, который мадам Пьерро показывала мне сегодня. Но эта проблема не успела разрешиться к моему удовлетворению, потому что я заснула сладким сном.

Хорошо сказал Соломон: «Лучше блюдо зелени, и при нем любовь, нежели откормленный бык, и при нем ненависть».

Теперь, я уже не променяла бы Ловуд, со всеми его лишениями, на Гейтсхед с его роскошью.

Глава IX

Но лишения, или, скорее, трудности, ловудской жизни пошли на убыль. Весна брала свое, она фактически уже наступила: злые зимние морозы прекратились, снег повсеместно растаял, не стало пронизывающих ветров. Мои бедные ноги, которые опухали и трескались в январе, под благотворным воздействием апрельского тепла стали заживать. У нас уже не застывала кровь в жилах от ночного и утреннего холода. Час, отводимый на игры в саду, уже можно было спокойно выдержать, а в солнечный день и получить от него удовольствие. На бурых клумбах в саду появилась зелень, она становилась ярче изо дня в день, а это позволяло предполагать, что по ночам эти места посещала сама Надежда, оставляя к утру все более яркие следы своих шагов. Сквозь жухлую листву к свету пробивались цветы – подснежники, крокусы, пурпурные аврикулы и анютины глазки. По четвергам, когда занятия кончались пораньше, устраивались прогулки, и мы вдоль дороги и у заборов собирали еще более красивые цветы.

Я открыла для себя, что еще большее удовольствие, радость, ограничиваемая только горизонтом, находится за пределами нашего высокого забора с металлическими шипами наверху. Эта радость заключалась в любовании благородной линией гор, окаймлявшей широкую неровную долину с ее пестрой игрой зелени и теней, сверкающей речушкой, резвящейся среди камней. Как же отличалась эта картина от той, которую я видела зимой, когда небо затягивали свинцовые облака, все было сковано морозом и засыпано снегом! Тогда восточный ветер пригонял из-за фиолетовых гор промозглые туманы, и они спускались в долину и смешивались с морозной мглой, клубившейся над речушкой. Тогда речка вела себя бурно, своенравно, она неудержимо рвалась через лес, наполняя шумом воздух, зачастую перемешанный с дождем или снегом, а за ее бурным бегом наблюдали с берега голые деревья.

Апрель перешел в май, яркий и тихий, с целыми днями голубого неба, спокойного солнечного сияния и нежным западным или восточным ветерком. Бурно пошли в рост деревья, кусты и травы, Ловуд словно встряхнулся после зимней спячки и стал одеваться в зелень, наряжаться цветами. В лесу голые остовы ясеней, вязов и дубов вновь обретали свой величественный убор, лесные травы и цветы проклюнулись сквозь жухлые листья и торопливо потянулись к свету, несчетные виды мхов покрыли ямы и углубления, а ранние примулы странно напоминали лучики света, излучаемые земной поверхностью. В тенистых местах их бледно-золотистое сияние делало их похожими на раскиданные по земле мелкие пятнышки света. Мне часто выпадала радость наблюдать это великолепие – вдоволь, свободно, без постороннего глаза, почти всегда в одиночку. Откуда взялись эти радости, эта необыкновенная свобода, я сейчас и расскажу.

Я рассказала о Ловуде как приятном месте для проживания, спрятанном среди гор и лесов, над бурной речкой. Действительно приятном. Но, вот здоровым, или нет, – это другой вопрос.

Лесистая долина, где расположилась школа, была очагом туманов и поветрий, порожденных туманами. И вот теперь, с бурным приходом весны, оживились и болезни: в наш сиротский приют, в его переполненные помещения, заполз тиф, и не успел наступить май, как школа превратилась в больницу.

Полуголодное существование и не вылеченные простуды привели к тому, что большинство учениц подхватило инфекцию: одновременно слегли сорок пять из восьмидесяти школьниц. Занятия прекратились, правила стали попроще. Тому меньшинству, которое было на ногах, была предоставлена почти неограниченная свобода, потому что врач настаивал на том, чтобы здоровые для их пользы больше времени проводили на открытом воздухе.

Но и не будь этих рекомендаций, ни у кого не нашлось бы времени присматривать за нами или ограничивать нашу свободу. Мисс Темпл все свое внимание и время отдавала больным. Она удалялась, чтобы перекусить да ночью поспать несколько часиков. Учителя были загружены сборами в дорогу тех школьниц, у кого, к счастью, оказались, друзья или родственники, имевшие возможность и желание забрать их на время из рассадника болезней. Однако многие, глубоко пораженные болезнью, уехали, чтобы там и умереть. Некоторые умерли в школе, их похоронили быстро и без церемоний, так как природа болезни не допускала проволочек.

И в то время, как болезнь становилась обитателем Ловуда, а смерть – частой гостьей, как в стенах школы витали горе и страх, как комнаты и коридоры пропитывались больничными запахами и никакие лекарства и ароматические средства не могли перебороть присутствие смерти, май сиял безоблачным небом над крутыми горами и красивыми лесами. Наш сад благоухал цветами: алтей розовый достигал высоты деревьев, расцвели лилии, благоухали тюльпаны и розы, розовые и ярко – красные маргаритки густо окаймляли клумбочки, утром и вечером издавал яблочно – пряный запах шиповник. Но все это буйство красок и ароматов оставалось без пользы для большей части обитательниц Ловуда, если не считать того, что мы время от времени возлагали эти цветы на гробы умерших.

Ну а я и остальные, в ком держалось здоровье, во всю получали удовольствие от окружающей нас красоты и весны. Как цыгане, бродили мы по лесу с утра до вечера, делали что хотели, ходили куда вздумается, и вообще жить стало лучше. Мистер Броклхерст с своим семейством в это время и близко не подъезжал к Ловуду, за ведением хозяйства не было прежнего въедливого надзора, потому что его прежняя противная экономка уехала, испугавшись инфекции, а ее наследницу, которая прежде управляла в Лоутоне благотворительной лечебницей, еще не успели приучить к нравам нового заведения, и она в своих действиях отличалась сравнительным либерализмом. Да и потребление еды стало другим – много ли надо больным. На завтрак наши миски выглядели поплотнее. Когда не хватало времени на приготовление обеда, что случалось часто, нам выдавали по большому куску пирога или толстый ломоть хлеба с сыром и мы отправлялись с этой едой в лес, а там каждая выбирала свой любимый уголок и с удовольствием расправлялась с едой.

Моим излюбленным местом стал белый камень посреди речки, высокий, широкий и гладкий, сверху сухой. Добраться до него можно было, только разувшись и пройдя по воде. Камень был настолько широк, что на нем мы свободно помещались вдвоем вместе с моей лучшей к тому времени подругой Мэри-Энн Уилсон – практичной и наблюдательной особой, общество которой доставляло мне настоящее удовольствие – отчасти потому, что она была остроумной и необычной, а отчасти потому, что в ее обществе мне было легко. На несколько лет старше меня, она знала больше о жизни и многое могла мне рассказать. Мне было интересно ее слушать, она умела удовлетворить мое ненасытное любопытство. Она прощала мои ошибки, никогда не навязывала мне своих суждений. У нее был дар повествовательный, а у меня – аналитический, она любила рассказывать, а я – задавать вопросы. Так что мы прекрасно ладили, нам было весело друг с другом, пусть даже особой пользы мы от этого не получали.

Вы спросите, где же в это время была Хелен Бёрнз? И почему я не проводила это приятное свободное время с нею? И не забыла ли я ее? И не была ли я такой пустышкой, что ее высоконравственное общество стало тяготить меня? Конечно, Мэри-Энн Уилсон была уровнем ниже моей первой знакомой, она лишь умела занимательно рассказать какую-нибудь историю, а я ей в ответ могла сообщить какой-нибудь пикантный слушок. Хелен же была способна дать тем, кто имел удовольствие общаться с ней, радость прикосновения к возвышенному.

Да, читатель, все это я знала и чувствовала. При всех моих крупных недостатках и вопреки незначительным достоинствам, я никогда не тяготилась обществом Хелен Бёрнз, никогда не прекращала испытывать к ней чувство привязанности – самое сильное, нежное и благоговейное, какое когда-либо охватывало мое сердце. Да и как могло быть иначе, если Хелен всегда, при любых обстоятельствах доказывала свою спокойную верную дружбу, ни единого раза не омраченную проявлением дурного настроения, раздражением? Но она теперь болела, и уже несколько недель я не имела возможности видеть ее, Хелен находилась где-то на втором этаже, я даже не знала, в какой комнате. Мне сказали, что она лежит отдельно от других больных, так как у нее не тиф, а чахотка. Чахотку я, по своему неведению, считала заболеванием несерьезным, которая со временем при нормальном уходе излечивается.

Укреплял меня в этой мысли и тот факт, что она пару раз, в теплые солнечные дни, спускалась вниз, мисс Темпл выводила ее в сад, но мне не разрешали подходить к ней и разговаривать. Я лишь видела ее из школьного окна, да и то плохо, потому что Хелен была сильно закутана и сидела на веранде, достаточно далеко от меня.

Однажды в июне мы загулялись с Мэри-Энн в лесу допоздна. Как обычно, мы откололись от общей группы и забрели так далеко, что даже заблудились, и нам пришлось зайти спросить дорогу в одинокий домик, где жили мужчина и женщина, они пасли стадо полудиких свиней, которые сами себе искали пропитание в лесу. Вернулись мы поздно и в свете луны увидели низкорослую лошадку врача, привязанную у садовых ворот. Мэри-Энн по этому поводу заметила, что, мол, кому-то очень плохо, раз за мистером Бейтсом послали в такой поздний час. Мэри-Энн ушла в дом, а я осталась, чтобы посадить на своей клумбе несколько растений, которые с корнем выкопала в лесу: я боялась, что они засохнут, если я их оставлю до утра. Выпала роса, и в саду стоял такой сладкий аромат цветов, что, закончив дело, я не торопилась уходить с улицы. Вечер действительно выдался замечательный – тихий, теплый. Небо на закате обещало и на завтра ясный день, луна величаво сияла в темном восточном углу неба. С детской непосредственностью радовалась я чудной картине вечернего неба, как вдруг мне пришла в голову мысль, поразившая меня, словно я никогда об этом не думала:

«Как же это жутко – лежать больной и бояться, вдруг умрешь. Мир так прекрасен, и это ужасно, что тебя забирают из него, и ты идешь, да еще неизвестно куда».

И впервые я попыталась всерьез разобраться, что же в мою голову вложено под понятиямирая и ада. И впервые внутренне отшатнулась, озадаченная. Я увидела вокруг себя бездну – впереди, позади, по сторонам, – среди которой есть только одна прочная опора – настоящее, все же остальное представилось мне бесформенным облаком и пустой бездной. И я внутренне содрогнулась при мысли, что бреду на ощупь среди хаоса и в хаос погружаюсь. Из задумчивости меня вывел звук открывающейся двери: это выходил мистер Бейтс в сопровождении одной из нянь. Она дождалась, когда мистер Бейтс сядет на лошадь и уедет, и готова была уже захлопнуть дверь, но тут я подошла и спросила:

- Скажите, как там Хелен Бёрнз?
- Очень плохо, – было мне ответом.
- Это к ней приезжал мистер Бейтс?
- Да, к ней.
- И что он говорит?
- Говорит, что ей здесь недолго осталось.

Скажи она эту фразу вчера, я истолковала бы ее так, что вроде Хелен собирается в свой Нортумберленд, и не иначе. Мне и в голову не пришло бы, что имеется в виду другое: Хелен умирает. Но сейчас я это вдруг поняла! До моего сознания ясно дошло, что Хелен Бёрнз отсчитывает последние дни на этом свете и что ее собираются забрать в царство духов, если

такое существует. Меня охватил ужас, потом я почувствовала необыкновенный приступ горечи, потом – острое желание, просто необходимость увидеть ее. И я спросила, в какой она комнате лежит.

– Она в комнате мисс Темпл, – ответила няня.

– А можно мне подняться туда и поговорить с нею?

– Нет, детка, не думаю. Ты зашла бы в дом, а то сейчас роса, можешь заболеть.

Няня закрыла главный вход, а я прошла через боковой вход, который вел в классную комнату. Я пришла вовремя, мисс Миллер как раз проверяла перед сном, все ли пришли.

Около одиннадцати часов, после примерно двух часов безуспешных попыток заснуть, когда, судя по тишине в помещении, все спали глубоким сном, я потихоньку встала, надела поверх ночной рубашки платье, без ботинок вышла из спальни и отправилась в поход к комнате мисс Темпл. Комната находилась чуть ли не в другом конце здания, но я хорошо знала дорогу, а лунный свет, проникавший сквозь коридорные окна, помог мне без труда выйти на комнату. Запахи камфоры и древесного уксуса предупредили меня, что я прохожу мимо комнаты с тифозными больными, и возле этой двери я ускорила шаг, опасаясь, как бы сестра, которая дежурила там всю ночь, ненароком не наткнулась на меня. Я очень боялась, что меня увидят и завернут в спальню. Мне необходимо было увидеть Хелен, я должна была успеть обнять ее перед смертью, должна была в последний раз поцеловать ее, сказать ей последние слова и услышать от нее последнее слово.

Я спустилась по лестнице, прошла этажом ниже, удачно – то есть бесшумно – сумев открыть и закрыть пару дверей. И, наконец, достигла другой лестничной клетки. Здесь я поднялась, и передо мной как раз оказалась комната мисс Темпл. В замочной скважине и под дверью был виден свет, стояла полная тишина. Подойдя поближе, я обнаружила, что дверь слегка приоткрыта – возможно, для того, чтобы в комнату больной попадал свежий воздух. Полная нетерпения, не в силах ждать – все во мне трепетало, – я потянула дверь на себя и заглянула в комнату. Мои глаза искали Хелен – и боялись наткнуться на мертвое тело.

Рядом с кроватью мисс Темпл и полузакрытая ее белым пологом, стояла маленькая кровать. Под одеялом угадывались очертания тела, но лицо было закрыто пологом. Сестра, с которой я разговаривала в саду, сидела в легком кресле и спала, на столе тускло горела оплывшая свеча. Мисс Темпл в комнате не было: как я узнала позже, ее вызвали к бредившей тифозной больной. Я двинулась вперед и у маленькой кровати остановилась. Взявшись за полог, я, тем не менее, не стала его отдергивать, а решила вначале подать голос: я все еще боялась, что увижу мертвое тело.

– Хелен, – нежно прошептала я, – ты не спишь?

Хелен зашевелилась и отвела полог, и я увидела ее лицо – бледное, изможденное, но вполне спокойное. Она столь мало изменилась, что все мои страхи сразу же рассеялись.

– Джейн, неужели ты? – промолвила она своим ласковым голосом.

«Да ничего она не умирает, – подумала я, – они все ошибаются, иначе она не выглядела бы и не говорила так спокойно».

Я села к ней на кровать и поцеловала ее. Лоб ее был холоден, щеки – холодны и впалы, то же самое – руки, но улыбка осталась прежней.

– Зачем ты пришла, Джейн? Уже половина двенадцатого, я слышала несколько минут назад удары часов.

– Пришла повидать тебя, Хелен. Я слышала, что ты очень больна, и я не могла уснуть, прежде чем не поговорю с тобой.

– Значит, ты пришла попрощаться со мной. Вероятно, ты пришла вовремя.

– Ты куда-то уходишь от нас, Хелен? Домой?

– Да, в мой вечный дом, последнее пристанище.

– Нет, нет, Хелен! – в отчаянии воскликнула я.

Пока я старалась подавить слезы, Хелен охватил приступ кашля. Однако это не разбудило няню. После того как приступ прошел, Хелен несколько минут лежала обессиленная, потом прошептала:

– Джейн, милая, да ты босиком. Ляг ко мне и накройся одеялом.

Я так и сделала. Хелен положила на меня руку, и я прижалась к ней. После длительного молчания она снова прошептала:

– Я очень счастливая, Джейн. Когда ты услышишь, что я умерла, то не горюй, не о чем горевать. Все мы должны когда-нибудь умереть, а болезнь, от которой я умираю, не мучительная, она протекала медленно и постепенно. Душа моя спокойна. Обо мне некому печалиться. Я оставляю только отца, но он недавно женился и не будет сильно горевать по мне. Умирая молодой, я избегаю больших страданий. У меня нет способностей и талантов, чтобы пробить себе дорогу в этом мире. Я все время всё делала, кажется, не так.

– А куда ты уходишь, Хелен? Ты знаешь?

– Я верю. Раз во мне есть вера, то я иду к Богу.

– А где Бог? И что такое Бог?

– Это мой и твой создатель, который никогда не разрушит то, что сам создал. Я безоговорочно полагаюсь на его силу и полностью вручаю себя ему. Я считаю часы до события, когда предстану перед ним, а он откроет мне себя.

– Ты уверена, Хелен, что есть такое место, как рай, и что наши души попадут туда, когда мы умрем?

– Я верю в то, что этой жизнью все не кончается. Я верю, что Бог добр, и без колебаний отдаю ему свою бессмертную часть. Бог – мой отец, Бог – мой друг. Я люблю его и верю, что он любит меня.

– А мы увидимся с тобой снова, Хелен, когда я умру?

– Ты придешь в то же царствие счастья, и да примет тебя всемогущий, всеобщий родитель, дорогая Джейн.

Я снова задала ей вопрос, но на сей раз про себя: «А где это царствие? Оно существует?» Я крепко обняла Хелен, она мне была сейчас дорога, как никогда. Мне хотелось сделать все, чтобы она не уходила. Я прижалась лицом к ее щеке, а Хелен нежнейшим тоном промолвила:

– Как мне сейчас хорошо! Недавний приступ кашля немного утомил меня, а сейчас мне кажется, что я смогу заснуть. Но ты, Джейн, не уходи, мне так хорошо с тобой.

– Я останусь с тобой, моя дорогая Хелен, никто не заберет меня у тебя.

– Тебе тепло, дорогая?

– Да.

– Спокойной ночи, Джейн.

– Спокойной ночи, Хелен.

Она поцеловала меня, и я ее, и скоро мы обе заснули.

Когда я проснулась, за окном был день. Меня разбудило необычное движение. Оказывается, меня несли на руках. Это няня переселяла меня обратно в нашу спальню. Никто мне не сделал замечания за то, что я ушла из спальни, люди все поняли. Поначалу мне ничего не ответили на мои многочисленные вопросы, но день – другой спустя я узнала, что мисс Темпл, возвратившись под утро в свою комнату, увидела меня в кровати Хелен, уткнувшейся лицом в ее плечо и обнимавшей ее за шею. Я спала, а Хелен была мертва.

Ее могила находится на кладбище в Броклбридже. В течение пятнадцати лет над могилой был только холмик, поросший травой. Но теперь там лежит мраморная плита с высеченными на ней ее именем и фамилией и латинским словом «Resurgam» – «Я воскресну».

Глава X

До сих пор я подробно рассказывала о событиях моего самого малозначительного прошлого – первых десяти годах жизни, на которые я отпустила почти столько же глав. Но эта книга – отнюдь не автобиография, я извлекаю из памяти только те страницы жизни, которые представляют интерес. Поэтому последующие восемь лет я почти обхожу молчанием и отпускаю на них буквально строки, лишь бы сохранить связующую нить повествования.

После того как эпидемия тифа завершила свою опустошающую миссию в Ловуде, болезнь постепенно отступила, но прежде своим размахом и числом жертв она привлекла общественное внимание к нашей школе. Стали проводить расследование причин появления этого бича, и капля по капле стали всплывать различные факты, которые вызвали бурю возмущения в общественном мнении. Нездоровая местность, плачевная ситуация с количеством и качеством еды, солоноватая, с запахом вода, использовавшаяся для приготовления пищи, скверная одежда школьников и условия проживания – все это вышло наружу, и результаты расследования нанесли сильный удар по репутации мистера Броклхерста, но пошли на пользу учреждению.

Несколько богатых благотворителей графства дали деньги на постройку более удобного здания в более подходящей местности. Разработали новые правила, улучшили питание, ввели одежду получше, школьные финансы были доверены комитету управляющих. Без мистера Броклхерста, при его деньгах и связях, не обошлось, его оставили на посту казначея, но для исполнения его обязанностей к нему приставили одного джентльмена гораздо более широких взглядов. И свои инспекторские обязанности мистер Броклхерст также вынужден был делить с людьми, которые сочетали умение экономить с умением разумно тратить, строгость с состраданием. После всех улучшений школа стала действительно полезным и благородным заведением. После полной реконструкции школы я провела в ее стенах еще восемь лет: шесть в качестве ученицы и два – учителем. И в обоих качествах свидетельствую в пользу ее ценности и важности.

В течение этих восьми лет моя жизнь не отличалась разнообразием, но несчастной точно не была, потому что я жила эти годы весьма деятельно. Мне предоставилась возможность для получения отличного образования, все у меня было под рукой. Любовь к некоторым предметам и сильное желание преуспеть во всем плюс огромная радость, которую я получала, когда своими знаниями и умением доставляла удовольствие учителям, особенно тем, кого я любила, – все это воодушевляло меня, и я не упускала ни малейшей возможности из предоставленных мне. Со временем я стала первой ученицей первого класса, потом мне доверили работу учителя. Я с жаром отдалась этой работе, и так прошло два года, но в конце этого срока во мне произошла перемена.

В течение всех преобразований и после них мисс Темпл оставалась директором, и ей я обязана всеми своими знаниями. Ее дружба и общение с ней служили мне неизменным источником радости и утешения. Она была мне и матерью, и наставницей, и, наконец, подругой. В этот период она вышла замуж – за священника, человека прекрасного, весьма достойного такой жены, – и уехала вместе с мужем в отдаленное графство, и, следовательно, оказалась потерянной для меня.

После ее отъезда я уже не была прежней Джейн Эйр, с ее отъездом я утратила чувство устроенности и все такое, что делало Ловуд в какой-то степени моим домом. Я переняла у нее кое-что от характера и из привычек – более гармоничный образ мыслей, лучшее владение своими чувствами. Во мне появилась приверженность долгу и порядку, я стала спокойной и считала, что всем довольна; в глазах других, и даже своих собственных, я была дисциплинированной, покладистой.

Но судьба в образе преподобного мистера Нэсмита встала между мной и мисс Темпл. Я видела, как она вскоре после брачной церемонии, одетая в дорожное платье, садится в почтовый экипаж, следила глазами за экипажем, пока он не скрылся за пригорком. После этого я ушла в свою комнату и провела там большую часть этого выходного дня, сделанного таковым по случаю события в жизни мисс Темпл.

Я ходила и ходила по комнате и думала только о том, как мне пережить эту потерю и чем ее возместить. В размышлениях прошел день, надвинулся глубокий вечер, и тут я сделала одно открытие: оказывается, в течение сегодняшнего дня во мне произошла перемена – мой ум отверг все, что я переняла у мисс Темпл, – или, скорее всего, она увезла с собой ту атмосферу спокойствия, которой я дышала рядом с ней, – и что я осталась со своими врожденными качествами, и теперь вот чувствую, как во мне зашевелились старые эмоции. И дело было не в том, что убрали подпорки, а просто исчез мотив: мне не то чтобы сил не хватало поддерживать в себе спокойствие, но просто в этом не стало смысла. В течение нескольких лет Ловуд был моим миром, весь мой опыт ограничивался его правилами и системой, а теперь я вспомнила, что мир на самом деле шире, и что там есть другие надежды и страхи, чувства и волнения, и они поджидают тех, кто осмеливается выйти в него, кто пытается обрести реальное знание жизни среди ее опасностей.

Я подошла к окну, открыла его и выглянула наружу. Из окна были видны два крыла здания, сад, окраина Ловуда, окаймленный горами горизонт. Мой взгляд, обойдя все предметы, остановился на самых дальних – на синих пиках гор. Вот туда, за горы, мне и нужно, а то, что в их границах, – как тюрьма, как ссыльная зона. Я понаблюдала за светлой дорогой, петлявшей у подножья одной из гор и исчезающей в ущелье. Как мне хотелось самой проследить ее дальнейший путь! Я вспомнила время, когда приехала сюда этой же дорогой, как в сумерках дилижанс спускался в долину. Мне казалось, что целый век прошел с того дня, а я за это время ни разу не выбиралась из Ловуда. Каникулы я проводила в школе, миссис Рид ни разу не присылала за мной, чтобы меня забрали погостить в Гейтсхеде. Ни она, ни кто-либо из ее семьи не приезжали проведать меня. Не было у меня и никакой письменной связи с внешним миром. Всё лишь школьные правила, школьные обязанности, школьные привычки и обычаи, школьные голоса, лица, фразы, одежды, привязанности и антипатии – вот мир, который я знала. А теперь почувствовала, что этого недостаточно. Восемилетняя рутина вдруг надоела мне за несколько часов. Мне захотелось свободы, страстно захотелось свободы. Я помолилась, чтобы мне была послана свобода. Но, казалось, слабое дуновение ветра развеяло мою мольбу. Тогда я смиренно попросила, чтобы мне была ниспослана какая-нибудь перемена как стимул к дальнейшей жизни. Но и это обращение, показалось мне, растворилось в мутном пространстве. «Тогда, – воскликнула я в полуотчаянии, – даруй мне хотя бы новое место работы!»

И тут колокольчик, возвестивший об ужине, позвал меня вниз.

До самого сна те же мысли не покидали меня, даже когда учительница, жившая со мной в комнате, то и дело пыталась отвлечь меня от раздумий своей болтовней. Я так мечтала, чтобы ее поскорее успокоил сон. Мне казалось, что стоит дать мне вернуться к той идее, которая возникла у открытого окна, как, к моему облегчению, отыщется верный выход из положения.

Наконец-то мисс Грайс захрапела. Носовые рулады этой пышнотелой уроженки Уэльса обычно не вызывали у меня приятных эмоций, а сегодня я радостно приветствовала первые громкие ноты. Наконец-то меня никто не будет перебивать. И мои уже полустертые мысли стали восстанавливаться.

«Новая работа! В этом что-то есть, – говорила я (не вслух, мысленно, конечно). – Точно, что-то есть, по звучанию догадываюсь. Это звучит не то что «свобода», «восторг», «удовольствие». Нет той сладости, как в этих словах; впрочем, для меня они не более чем звуки,

пустые, ничего не значащие, так что нечего зря к ним прислушиваться, это напрасная трата времени. Но работа, новая работа! Это не пустой звук, это факт – должен быть факт. Я отдала этой школе восемь лет, теперь надо попробовать себя в другом месте. Неужели я не смогу сама этого добиться? Неужели это недостижимо? Достижимо, это не такая уж и трудная цель, нужно лишь мозгами пошевелить как следует, найти путь к ее достижению.

Я села в кровати, чтобы легче было шевелить упомянутыми мозгами. Ночью было прохладно, и я накинула на плечи шаль, после чего изо всех сил стала думать.

«Чего я хочу? Нового места, нового дома, новых лиц, новых условий. И я хочу этого потому, что бесполезно хотеть чего-то лучшего. Что делают люди, чтобы найти новое место работы? Обращаются к друзьям, я полагаю. Но у меня нет друзей и подруг. Так ведь у многих нет друзей, и им приходится самим о себе думать, быть самими себе помощниками. Где же они-то ищут?»

Я не знала, и ответ на ум не приходил. Тогда я приказала своему уму дать ответ, и побыстрее. И он заработал на полную мощность, я даже почувствовала, как стучит в висках. Но примерно целый час в его работе не было порядка, и все его усилия оказывались тщетны. Моя голова перегрелась от тщетной работы, и я решила встать. Я подошла к окну, отодвинула занавеску, взглянула на звезды, поежилась от холода и снова забралась в постель.

Какая-то добрая фея во время моего отсутствия подбросила искомый ответ на мою подушку, потому что как только я легла, он тут же пришел в голову, просто и естественно: «Те, кто ищет работу, дают объявления. Ты должна дать объявление в местную «Геральд». – «А как? Я же ничего не знаю про эти объявления».

Ответ не замедлил себя ждать: «Нужно положить объявление и деньги за него в конверт и направить директору газеты. Сделай это при первой же возможности на лоутонской почте. Ответ пусть присылают на почту для Дж. Э. Через неделю пойдешь и спросишь, не пришло ли чего, а там действуй по обстоятельствам».

Я мысленно прошлась по этой схеме пару-тройку раз, пока она не улеглась у меня в голове. Наконец, я почувствовала удовлетворение и тут же заснула.

Я встала пораньше, до колокольчика, написала объявление, положила в конверт, написала адрес. Объявление гласило:

«Молодая леди с опытом преподавания и воспитания (а что, разве я не работала два года учителем?) горит желанием облегчить проблемы в семье, где есть дети до четырнадцати лет (я подумала, что, поскольку мне едва исполнилось восемнадцать, лучше не брать детей старше указанного возраста). Имеет квалификацию для преподавания общепринятых в Англии предметов, а также французского языка, рисования и музыки (в те дни, читатель, такой перечень, который теперь сочли бы куцым, считался вполне солидным). Пишите по адресу: Дж. Э., почтовое отделение, Лоутон, графство ...шир».

Этот документ лежал в моем ящичке весь день. После чая я испросила у новой директрисы разрешения сходить в Лоутон по личным делам и выполнить заодно пару просьб других учителей. Мне без разговоров разрешили пойти, и я тут же ушла. Дороги было две мили, вечера стояли влажные, но светлый день тянулся в это время долго. Я зашла в два-три магазина, опустила на почте письмо и пошла домой. Обратный путь проходил под проливным дождем. Я промокла до нитки, но на сердце было легко.

Неделя после этого тянулась очень долго, но, как и все под луной, она закончилась, и в погожий осенний день я снова направила свои стопы в Лоутон. Кстати, дорога пролегла по весьма живописной местности. Она шла по берегу той самой речки, следуя плавным изгибам ее русла, но в тот день меня больше занимали мысли о письмах, которые, возможно, ждут меня – а может и нет – в маленьком городке, куда я держала путь, а не прелести лугов и вод.

На сей раз официальной причиной для похода в город была примерка обуви. Вначале я по-быстрому разделалась с этой задачей, а затем от мастерской сапожника по чистенькой и

тихой улочке прошла до почты. Заведовала почтой пожилая дама в роговых очках и черных перчатках без пальцев.

– Скажите, нет ли писем для Дж. Э.? – спросила я.

Дама внимательно посмотрела на меня поверх очков, затем открыла ящик стола и так долго копалась в его содержимом, что я стала терять надежду. Наконец она достала конверт и несколько минут подержала его перед очками, затем положила на барьер, сопровождая это действие пристальным и недоверчивым взглядом. Да, было письмо для Дж. Э.

– Только одно? – удивилась я.

– Больше нет, – ответила она, после чего я сунула письмо в карман и направилась домой: сразу я не могла вскрыть и прочитать письмо, так как правила распорядка обязывали меня быть в школе к восьми, а была уже половина восьмого.

По прибытии меня ожидали разные дела: вначале надо было посидеть с девочками во время приготовления ими самостоятельных заданий, потом был мой черед читать молитвы, далее укладывать детей спать, а затем я ужинала с остальными учителями. Даже после ужина, когда мы, наконец, отправились спать, я не могла сразу прочесть письмо, потому что мне пришлось терпеть общество мисс Грайс. У нас в комнате оставался короткий огарок свечи в подсвечнике, и я с ужасом подумала, что мне придется слушать ее разговор, пока не догорит свеча. Но, к счастью, обильный ужин, который она себе позволила, произвел на нее усыпляющее воздействие: не успела я раздеться, как услышала храпение. Оставалось еще с дюйм свечи, и я достала письмо. На печати была буква «Ф». Я вскрыла конверт. Письмо оказалось кратким:

«Если Дж. Э., которая дала объявление в «Геральде» за прошлый четверг, обладает упомянутыми там качествами, и если она может представить удовлетворительные рекомендации о своем характере и профессиональных навыках, то ей может быть предложено место, где есть только один ученик – маленькая девочка девяти лет и где жалованье составляет тридцать фунтов в год. Просьба к Дж. Э. направить рекомендации, имя и фамилию, адрес и прочие сведения по адресу: миссис Фейрфакс, Торнфилд, под Милкотом, графство ...шир».

Я долго рассматривала письмо: старомодный почерк, рука несколько неуверенная, так пишут пожилые леди. Что ж, этот факт меня удовлетворял. Ведь в глубине души я очень боялась, что, действуя исключительно по собственному усмотрению и на свой страх и риск, я могу попасть в какую-нибудь неприятную ситуацию. Я очень хотела, чтобы в конечном итоге все вышло чинно, достойно, как положено. Мне подумалось, что пожилая леди в деле, которым я собиралась заняться, – это неплохо. Миссис Фейрфакс! Я представила ее в черном облачении и вдовьем чепце. Холодная, возможно, но приличных манер, этакий образец старой доброй английской респектабельности. Торнфилд! Это, безусловно, название ее дома, наверняка старого, ухоженного, но вот составить ясную картину владений я не могла. Милкот...шир. Я представила себе карту Англии. Так, вижу, и графство, и город. Графство на семьдесят миль ближе к Лондону, чем мое нынешнее захолустье, и это была солидная рекомендация графству передо мной. Меня тянуло туда, где заметна жизнь и движение, а Милкот был крупным промышленным городом на берегу реки А... – что и говорить, место оживленное. И очень хорошо: тем значительнее будет перемена. Потом мои мысли переключились на высокие заводские трубы и клубы дыма. «Ничего, – возразила я себе, – Торнфилд наверняка находится на приличном удалении от города».

И тут догорела свеча.

На следующий день нужно было предпринимать новые шаги. Время одиночных действий прошло, пора было ради успеха предприятия подключать к делу других. Во время дневного перерыва я попросилась на прием к директору, и она меня приняла. Я рассказала ей о перспективе получить новое место с жалованьем в два раза больше (в Ловуде я получала только пятнадцать фунтов в год) и попросила ее обговорить мое дело с мистером Бро-

клеркостом или кем-то из комитета, чтобы заручиться их разрешением быть упомянутыми в качестве моих рекомендателей. Она любезно согласилась стать посредницей в моем деле. На следующий день она изложила мой вопрос перед мистером Броккхерстом, и тот сказал, что нужно письменно обратиться к миссис Рид, поскольку она является моей опекуной. Этой леди послали соответствующее письмо, и она ответила, что, мол, я могу поступать, как мне нравится: она давно отказалась от какого бы то ни было вмешательства в мои дела. Письмо обошло членов комитета, и спустя некоторое время – оно мне казалось ненужной проволочкой – я, наконец, получила официальное разрешение перейти на другую работу, если я считаю, что она меня больше устраивает. Было добавлено, что, поскольку я показала себя в Ловуде с хорошей стороны и как ученица, и как преподавательница, мне будет выдана рекомендация относительно моих личных качеств и профессиональных достоинств, подписанная инспекторами учреждения.

Такой документ я получила примерно через месяц и один экземпляр направила миссис Фейрфакс. Леди ответила мне, что удовлетворена и ожидает, что ровно через две недели я займу место гувернантки в ее доме.

И я вовсю занялась приготовлениями к отъезду. Две недели прошли быстро. Гардероб мой был невелик, но он удовлетворял моим потребностям. Последнего дня вполне хватило, чтобы уложить дорожный сундучок – тот самый, с которым я приехала восемь лет назад из Гейтсхеда.

Сундучок перевязали веревками, прибили бирку. Через полчаса должен был прийти человек и забрать его в Лоутон, а мне предстояло отправиться туда рано утром и там сесть в дилижанс. Я почистила щеткой свое черное дорожное платье, поправила шляпку, подготовила перчатки и муфту, затем прошлась по всем своим ящикам – не оставила ли чего. На этом мои дела закончились, и я присела отдохнуть. Но мне не сиделось от перевозбуждения, хотя я провела целый день на ногах. Ведь сегодня вечером кончалась первая фаза моей жизни, а завтра утром начиналась вторая. Как же можно было спать в этом промежутке? Надо было напряженно наблюдать, как произойдет эта перемена.

– Мисс, – обратилась ко мне работница школы, встретившаяся мне в коридоре, где я бродила, как неприкаянный дух, – там внизу вас ждут.

«Это за вещами пришли», – подумала я и, не задавая новых вопросов, побежала вниз. Я проходила мимо учительской комнаты, дверь в которую была полуоткрыта, и собиралась пройти через кухню, как из учительской кто-то выбежал и схватил меня за руку, остановив мое стремительное движение.

– Это она, она! Я б узнала ее хоть где! – воскликнула подбежавшая ко мне женщина.

Я взглянула на нее. Женщина была одета, как одевается прислуга в хорошем доме, она была полненькая, но еще молодая. Она приятно выглядела: черные волосы, черные глаза, живое лицо.

– Ну, кто это? – спросила она, и ее голос и улыбка показались мне знакомыми. – Я думаю, вы же не окончательно забыли меня, мисс Джейн?

Мгновение спустя я уже бурно обнимала и целовала ее.

– Бесси! Бесси! Бесси! – только и могла я произнести, а она смеялась и плакала.

Мы пошли в учительскую. Там у камина стоял мальчик лет трех в курточке и брюках из клетчатой ткани.

– Это мой, – не дожидаясь вопросов, сказала Бесси.

– Значит, вы вышли замуж, Бесси?

– Да, пять лет уж как, за Роберта Ливена, кучера. Кроме Бобби у меня есть и девочка, я назвала ее Джейн.

– А вы не живете теперь в Гейтсхеде?

– Я живу в домике привратника: старый-то ушел.

– Ну и как там дела? Расскажите мне о всех, Бесси. Но вначале сядьте. А ты, Бобби, иди ко мне на колени, пойдешь? – Однако Бобби предпочел прижаться к матери.

– Вы не сильно подросли, мисс Джейн, и не то чтобы прибавили в теле, – продолжала миссис Ливен. – Смею сказать, что они вас тут в школе не слишком баловали. Вот мисс Элиза Рид и выше вас на голову, и в плечах будет пошире. И Джорджиана в ширину будет раза в два шире вас.

– Джорджиана, наверно, красивая, Бесси?

– Очень. Прошлой зимой поехала с мамой в Лондон, так вызвала там такой фурор, а один молодой лорд даже влюбился в нее. Но его родные были против. И что ж вы думаете? Они с мисс Джорджианой сбежали. Но их нашли и вернули по домам. И нашла их мисс Элиза. Я думаю, она это из зависти. Теперь сестры – как кошка с собакой, то и дело ругаются.

– Так. Ну а как Джон Рид?

– Совсем не так, как этого хотела бы мама. Пошел в колледж, но там – провалился, так, что ли, они говорят? Дядья его хотят, чтобы он стал адвокатом, изучал законы. Но он такой распутный молодой человек, ничего они из него не сделают, я думаю.

– А как он выглядит?

– Очень высокий. Некоторые считают, что он симпатичный. Но у него такие толстые губы.

– А что миссис Рид?

– Миссис Рид полная и с лица вполне хорошая. Вот только душа у нее вечно неспокойна: от поведения мистера Джона ей мало радости, он тратит уйму денег.

– Это она прислала вас сюда, Бесси?

– Нет. Правда, нет. Мне так давно хотелось увидеть вас, и, когда я услышала, что письмо от вас и что вы собираетесь переезжать в другое место, я решила, что надо поехать глянуть на вас, а то потом вас не отыщешь.

– Я боюсь, что разочаровала вас, Бесси, – смеясь, сказала я: я заметила, что взгляд Бесси, хотя и выражает уважение, но отнюдь не восхищение.

– Нет, мисс Джейн, это не так. У вас очень благородный вид, вы как настоящая леди, и в общем такая, как я и ожидала: вы и в детстве не блистали красотой.

Я улыбнулась откровенному ответу Бесси. По-моему, она была права, но, признаюсь, мне было не все равно, красива я или некрасива: в восемнадцать лет большинству девушек и молодых людей хочется нравиться, и убеждение, что твоя внешность не способствует этому, вызывает какие угодно чувства, но только не удовлетворение.

– Я бы сказала, вы зато умная, – добавила Бесси в порядке утешения. – А что вы умеете делать? Вы умеете играть на пианино?

– Немного.

В комнате стояло пианино. Бесси подошла к нему, открыла и попросила меня сыграть что-нибудь. Я сыграла пару вальсов, и Бесси была очарована.

– Никакая из мисс Рид так не может! – воскликнула Бесси. – Я всегда говорила, что вы превзойдете их в учении! А рисовать можете?

– Вон одна из моих работ, над камином.

Это был акварельный пейзаж, я подарила его директору в знак признательности за ее любезное посредничество перед комитетом, а она вставила картину в рамку.

– Как красиво! Мисс Джейн, это так же красиво, как у художников, которые учат рисованию наших мисс Рид. А про самих леди я и не говорю, они и близко к этому не могут! А французский вы выучили?

– Да, Бесси, я умею и читать, и говорить.

– А вышивать на ситце и холсте?

– Да.

– Ой, да вы настоящая леди, мисс Джейн! А я знала, что вы будете. Вы пробьетесь, помогут вам родственники или нет. Да, я кое-что хотела спросить вас. Вы когда-нибудь слышали что-нибудь о ваших родственниках со стороны отца, из Эйров?

– В жизни не слышала.

– Знаете, миссис все время говорит, что они бедные, презренные и так далее. Может, они и бедные, но не менее благородные, чем Риды. Однажды, лет семь назад, в Гейтсхед приезжал один мистер Эйр, он хотел видеть вас. Миссис сказала ему, что вы в школе, в пятидесяти милях от Гейтсхеда. Он очень расстроился, потому что не мог больше задерживаться. Ему надо было ехать куда-то за границу, а через день то ли два из Лондона отходило его судно. Но выглядел он вполне джентльменом, и я думаю, что это был брат вашего отца.

– А куда он уезжал?

– На какой-то остров в тысячах миль отсюда. Там делают вино... Мне наш лакей говорил...

– На Мадейру? – предположила я.

– Вот, точно! Именно вот это слово!

– И, значит, он уехал?

– Да. Он лишней минуты не стал задерживаться в доме. Миссис держалась с ним свысока. Она потом все называла его «жалкий торгаш». Мой Роберт считает, что он купец, занимается торговлей вином.

– Очень может быть, – предположила я. – Или служащий, агент при купце.

Мы с Бесси еще целый час говорили о старых временах, пока не настало ее время уезжать. На следующее утро я вновь увидела ее в Лоутоне, когда ждала дилижанса, но лишь на несколько минут. Мы расстались с ней у дверей местного отеля «Герб Броклхерстов», и каждая из нас направилась своей дорогой. Она пошла вверх, на лоутонский подъем, чтобы там дожидаться okazji до Гейтсхеда, а я села в дилижанс, который должен был повезти меня навстречу новым обязанностям и новой жизни в неведомых окрестностях Милкота.

Глава XI

Новая глава в романе – это несколько похоже на новое действие в спектакле. И вот я в очередной раз поднимаю занавес, и представьте себе, читатель, номер в милкотской гостинице «Георг», обои в крупный рисунок, какой встретишь только в гостинице, соответствующие ковер, мебель, узор каминной решетки, эстампы, включая портрет Георга Третьего, еще один – принца Уэльского и третий эстамп – гибель генерала Вулфа. Представьте, что все это вы видите в свете масляной лампы, висящей на потолке, и отличного света камина, возле которого сижу я в своей накидке и шляпке. Мои муфта и зонтик лежат на столе, а я отогреваю себя от ооченения, приобретенного за шестнадцать часов нахождения на октябрьском холоде. Из Лоутона я выехала в четыре утра, а городские часы Милкота только что пробили восемь вечера.

Читатель, хотя внешне кажется, что я устроилась с комфортом, на душе у меня было неспокойно. Я полагала, что, когда экипаж остановится перед гостиницей, меня кто-нибудь встретит, и, спускаясь из дилижанса по ступенькам деревянной лестницы, которую служитель гостиницы любезно подставил мне, я крутила головой во все стороны, надеясь услышать свое имя и увидеть какой-нибудь экипаж, дожидаящийся меня, чтобы тут же повезти в Торнфилд. Ничуть не бывало. А когда я спросила у служащего, не спрашивал ли кто-нибудь насчет мисс Эйр, то получила отрицательный ответ. Так что мне не оставалось другого выхода, кроме как попросить номер. И вот я сижу и жду, а меня одолевают всевозможные сомнения и тревоги.

Странное это ощущение для молодой неопытной девушки – чувствовать себя одинокой в мире, отрезанной от всех и вся, не уверенной, можно ли достигнуть порта, в который идет твое судно, и лишенной возможности вернуться к тому, от чего отказалась. Очарование приключения несколько смягчает остроту неприятного ощущения, а гордость за себя греет душу. Но потом все перебарывает страх. Вот и во мне страх победил все остальные чувства, после того как прошло полчаса, а я по-прежнему была одна. И я решила позвонить в колокольчик.

Явился служащий.

– Скажите, есть тут поблизости место под названием Торнфилд? – спросила я его.

– Торнфилд? Не знаю, мадам. Спрошу в буфете.

Он исчез, но тут же вновь явился.

– Ваша фамилия Эйр, мисс?

– Да.

– Тут вас ждут.

Я моментально вскочила, схватила муфту и зонтик и выбежала в коридор. У открытой двери на улицу стоял мужчина, а в свете уличных фонарей я увидела одноконный экипаж.

– Это, наверно, ваше добро? – несколько резко спросил он, указывая на мой сундучок в коридоре.

– Да.

Мужчина отнес сундучок в крытую повозку, затем поднялась туда и я. Прежде чем он успел закрыть дверцу, я спросила, далеко ли до Торнфилда.

– Миль шесть будет.

– И как долго ехать туда?

– Да часа полтора обычно.

Он закрыл и запер дверцу, забрался на свое место снаружи, и мы тронулись в путь. Ехали мы не торопясь, и у меня было вволю времени для раздумий. Я была довольна, что мое

путешествие, наконец, близится к завершению. Я откинулась на спинку сиденья и предалась размышлениям.

«Полагаю, – думала я, – если судить по простоте слуги и повозки, что миссис Фейрфакс не слишком богата. Тем лучше. Я лишь раз жила среди богатых, и была несчастна. Интересно, она одна живет, не считая девочки? Если это так и если она хоть немного дружелюбная женщина, то я полажу с ней. Я буду стараться. Жаль только, что старания не всегда находят соответствующий отклик. В Ловуде, правда, я решилась, держала своего и добилась успеха, понравилась. А с миссис Рид сколько ни старалась, все мне выходило боком. Молю Господа, чтобы миссис Фейрфакс не стала второй миссис Рид. А если да, то я вовсе не обязана оставаться там. Будь что будет, но я снова дам объявление! Интересно, сколько мы проехали?»

Я опустила окно этой удобной, хотя и не элегантной кабины, и выглянула. Милкот виднелся позади нас. Судя по огонькам, это город довольно большой, никакого сравнения с Лоутоном. Сейчас мы ехали, несколько я могла судить, не по частной земле, но повсюду были раскиданы дома. Мне показалось, что это непохожий на Ловуд район, более населенный, менее живописный, более суетливый и менее романтичный.

Дорога была нелегкой, вечер туманным. Мой возница не торопил лошадь, она шла все время шагом, и полтора часа растянулись на все два. Наконец он повернулся ко мне и объявил:

– Уже недалеко от Торнфилда.

Я снова огляделась вокруг. Мы проезжали мимо церкви. Я увидела широкую низкую башню на фоне неба – колокольня. И как раз колокол на ней отбил четверть часа. На склоне холма я увидела узкое скопление огней – значит, городок или деревенька. Минут через десять кучер спустился с повозки и открыл створы ворот. Мы проехали, и ворота с шумом захлопнулись. Медленно проехав по дорожке, мы оказались перед длинным фасадом дома. В одном окне за занавесками горел свет, остальные были темными. Экипаж остановился у парадной двери, ее открыла служанка. Я покинула повозку и вошла в дом.

– Не угодно ли пройти сюда, мадам? – сказала женщина, и я последовала за ней. Мы миновали квадратный холл с высокими дверями и оказались в комнате, двойной свет которой – от свечи и камина – поначалу ослепил меня, после того как мои глаза два часа привыкали к темноте, а когда я привыкла к свету, то моему взору предстала весьма приятная картина.

Я увидела маленькую уютную комнатку, круглый столик у веселого камина, кресло с высокой спинкой, в котором сидела невообразимо аккуратненькая сухонькая пожилая леди во вдовьем чепце, черном шелковом платье и белоснежном переднике из муслина. Именно так я и представляла себе миссис Фейрфакс, только мне она виделась менее чопорной по виду и с более мягкими чертами лица. Она была занята вязанием, а у ее ног удобно устроилась большая кошка – идеальная картина домашнего уюта, ни прибавить ни отнять. Более обнадеживающего начала для новой гувернантки нарочно не придумаешь. Не было здесь ни давящего на психику великолепия, ни угнетающей официальности. К тому же, как только я вошла, пожилая леди любезно встала и довольно живо сделала несколько шагов мне навстречу.

– Как вы себя чувствуете, моя дорогая? Боюсь, у вас было скучное путешествие. Джон ездит так медленно. Вы, наверно, замерзли, подходите к огню.

– Полагаю, вы миссис Фейрфакс?

– Да, совершенно верно. Садитесь.

Она подвела меня к своему собственному креслу и стала снимать с меня шаль и развязывать тесемки на шляпе. Я попросила, чтобы она не беспокоилась обо мне.

– Ну что вы, какое беспокойство? Я вижу, у вас руки не слушаются от холода. Ли, принесите глинтвейна и парочку сэндвичей. Вот ключи от кладовой.

И миссис Фейрфакс извлекла из кармана связку ключей и передала их служанке.

– Так, пододвигайтесь поближе к огню, – снова обратилась она ко мне. – У вас есть вещи, дорогая?

– Да, мадам.

– Сейчас я распоряжусь, чтобы их отнесли в вашу комнату, – сказала она и поспешно вышла.

«Она относится ко мне, как к гостье, – подумала я. – Я мало ожидала такого приема, предполагала одну холодность и чопорность. Не слыхала, чтобы так относились к гувернанткам. Но пока еще рано радоваться».

Она вернулась, сама убрала со столика вязальные принадлежности и пару книг, чтобы освободить место для подноса, который быстро принесла Ли, и сама же стала ухаживать за мной. Меня смутило, что я стала предметом такого внимания, доселе мне незнакомо, к тому же оказываемого мне хозяйкой, работодательницей. Но по ней не казалось, что она делает нечто несвойственное ей, и я предпочла спокойнее воспринимать ее любезное обхождение.

– Могу я иметь удовольствие видеть сегодня же мисс Фейрфакс? – спросила я ее, после того как отведала угощения.

– Что вы сказали, дорогая? Я немного глуховата, – сказала эта милая леди, наклоня ко мне ухо.

Я повторила вопрос более отчетливо.

– Мисс Фейрфакс? А-а, вы имеете в виду мисс Варан? Варан – это ваша будущая ученица.

– Да? Значит, это не ваша дочь?

– Нет. У меня нет семьи.

Я хотела было продолжить расспросы и выяснить, кем ей приходится мисс Варан, но потом подумала, что невежливо задавать так много вопросов. К тому же я была уверена, что со временем все узнаю.

– Я так рада, – продолжала она, сев напротив меня и взяв кошку на колени, – так рада, что вы приехали. Теперь у меня будет компания, здесь станет приятнее жить. Говоря по правде, здесь приятно и без того: Торнфилд – чудный старый дом, только вот разве в последние годы до него руки не доходят. Но вы ведь понимаете, в зимнее время и в самом хорошем доме тоскливо. Я говорю – одной... Знаете, по правде говоря, Ли – очень хорошая женщина, и Джон со своей женой – тоже очень приятные люди, но все-таки, видите ли, они прислуга, и с ними нельзя беседовать на равных, их нужно держать на определенном расстоянии, иначе потеряешь влияние на них. Прошлой зимой, – а она была холодная, если помните, – то снег, то дождь с ветром, – сюда ни одна живая душа не заглядывала, кроме мясника да почтальона. И это с ноября по февраль! И по вечерам места себе не находишь от скуки. Я просила Ли, чтобы она мне читала, но бедняге, По-моему, не очень нравилась эта нагрузка. Весной и летом здесь повеселее: солнце, длинные дни вносят разнообразие, а потом еще в начале осени эта малышка, Адель Варанс, приехала со своей няней. А дети сразу так оживляют дом. А теперь еще и вы здесь – тут вообще весело будет.

Я сразу расположилась к этой милой леди, слушая ее речь. Подвинувшись поближе к ней, я заверила ее, что ее не разочарует мое общество.

– Но я не буду долго задерживать вас сегодня, – сказала она. – И так уже почти двенадцать, а вы целый день провели в дороге, устали, наверное. Если у вас согрелись ноги, то пойдете, я покажу вам вашу спальню. Я выбрала вам комнату рядом с моей. Она маленькая, но, я думаю, она вам понравится больше, чем любая из тех, что с фасадной стороны. Правда, те попросторнее, в них и мебель получше, но там так тоскливо и одиноко. Я и сама-то там ни разу не спала.

Я поблагодарила ее за заботливый подход к выбору спальни и выразила желание отдохнуть, так как с ног уже падала от усталости после долгой дороги. Она взяла свечу и повела меня за собой. Вначале мы проверили, крепко ли заперта парадная дверь. Она вытаскала ключи из замка, и мы стали подниматься по лестнице. Ступеньки и перила были дубовые, окна над лестницей – высокие и решетчатые; и лестница, и длинная галерея, куда выходила спальня, скорее могли принадлежать бы церкви, нежели жилому дому. На лестнице и в галерее гулял холодный воздух, навеивая невеселые мысли об отрезанности и одиночестве, и я обрадовалась, когда, наконец добралась до своей комнаты – маленькой, обставленной обычной мебелью в современном стиле.

После того как миссис Фейрфакс ласково пожелала мне спокойной ночи и я заперла дверь, можно было спокойно оглядеться. Приятный вид моей комнаты в определенной степени сгладил мрачноватое впечатление, которое на меня произвели широкий холл, темная просторная лестница и длинная холодная галерея. После целого дня физических нагрузок и душевного напряжения я, наконец почувствовала себя в спокойной гавани. Меня охватил порыв горячей благодарности, я опустила на колени возле кровати и вознесла благодарение тому, кого надлежало благодарить. При этом я не забыла, прежде чем подняться с колен, попросить о помощи на моем дальнейшем пути и силы быть достойной той доброты, которую мне с такой искренностью оказали сегодня и которую я еще не заслужила. В эту ночь я спала на ложе без шипов, а мою уединенную комнату не населяли страхи. Усталая и довольная, я заснула сразу и крепко. Когда я проснулась, за окном было светлым-светло.

В солнечном свете, проникавшем сквозь веселенькие голубые ситцевые занавески, комната выглядела очень мило. Приятные обои, ковер на полу – все это было так непохоже на испачканную штукатурку стен и голые доски пола в Ловуде, что мое настроение повышалось на глазах. Для молодежи внешний эффект – вещь немаловажная. Я сразу стала думать, что для меня начинается период жизни лучший, чем прежний, такой, в котором будут свои розы и шипы, свои удовольствия и тяготы. Новое место приложения сил, новый спектр надежд, казалось, вдохнули в меня новые способности. И эти способности рвались проявить себя – если не сегодня или в этом месяце, то когда-то в будущем.

Я встала, тщательно оделась. Хотя и вынужденная носить простую одежду – потому что у меня вся одежда была пошита с предельной простотой, – я по натуре была склонной одеваться изящно. Не в моих правилах было не обращать внимания на собственную внешность или быть равнодушной к тому, какое внешнее впечатление я произвожу, напротив, я всегда стремилась выглядеть как можно лучше и производить максимально хорошее впечатление, насколько мне это позволяло отсутствие красивой внешности. Иногда я переживала, что не уродилась покрасивее. Иногда мне хотелось иметь розовые щеки, прямой нос и ротик-вишенку. Хотелось иметь точеную фигурку, быть высокой и стройненькой. Я очень переживала, что я такая маленькая, бледнолицая, что я не обладаю правильными чертами лица. Отчего у меня были такие мечты и такие сожаления? Трудно сказать, я и сама себе не могла тогда этого объяснить. Но объяснение этому, конечно, было – и логическое, и естественное. Однако, когда я гладко зачесала волосы, одела черное платье, – хоть и квакерское с виду, но с претензией на изящество, – и пришила чистый белый воротничок, я, как мне показалось, приобрела вполне respectable вид, чтобы предстать перед миссис Фейрфакс и чтобы от меня по крайней мере не отшатнулась в ужасе моя новая ученица. Открыв окно и осмотрев, все ли у меня в порядке на туалетном столике, я вышла.

Пройдя длинную галерею, застеленную ковриками, я по скользким дубовым ступенькам спустилась вниз и прошла в холл. Там я остановилась на минутку, осмотрела картины (на одной, я помню, был изображен мрачный мужчина в кирасе, на другой – леди в парике и с жемчужным ожерельем), бронзовую лампу на потолке, большие часы в дубовом футляре с причудливой резьбой, поцарапанном и почерневшем от времени. Все это мне казалось

величественным и впечатляющим, но тогда я ничего и не видела по – настоящему величественного. Парадная дверь, наполовину застекленная, была приоткрыта. Я переступила порог. Стояло отличное осеннее утро. Утреннее солнце спокойно лило свет на желтеющую листву и по-прежнему зеленую траву. Подняв голову, я осмотрела фасад. Дом был трехэтажный, не огромный, но внушительный, не графский дворец, но поместье состоятельного джентльмена. Зубчатый верх придавал ему довольно живописный вид. Серый цвет фасада удачно выделялся на фоне обширного грачевника, чьи шумные обитатели пронеслись над лужайкой и парком при доме и садились на большое поле, отделенное от усадьбы покосившейся оградой, вдоль которой росли старые деревья – широкие, как дубы, мощные, узловатые, усеянные колючками. Тут-то я и поняла, почему поместье носит такое название – Торнфилд. (Первая часть названия означает «колючка», «шип»). Вдали виднелись горы, но они были пониже, чем вокруг Ловуда, более покатые и не походили на разделительный барьер, закрывающий доступ к остальному миру. Но эти тихие и пустынные горы, охватывавшие Торнфилд, создавали поместью уединение, несколько неожиданное близ такого оживленного города, как Милкот. По склону одной из гор вверх карабкалась деревенька, крыши домов которой сливались с деревьями. Местная церковь находилась неподалеку: ее глава виднелась из-за пригорка, расположенного между домом и въездом в усадьбу.

Я любовалась спокойным пейзажем, жадно вдыхала свежий утренний воздух и даже с удовольствием слушала грачиный гвалт, разглядывала фасад этого старинного дома и думала, что он великоват для одинокой миссис Фейрфакс – когда эта леди появилась в двери.

– Как! Уже на улице? – воскликнула она. – Я вижу, вы ранняя птичка.

Я подошла к ней, она поцеловала меня и приветливо пожала мне руку.

– Как вам нравится Торнфилд? – спросила она, на что я ответила, что очень.

– Да, – сказала она, – очаровательное место. Но боюсь, что здесь все захиреет, если мистер Рочестер не решит приехать сюда и жить здесь постоянно или хотя бы наезжать почаще: большие дома и ухоженные сады требуют постоянного присутствия владельца.

– Мистер Рочестер?! – воскликнула я. – А кто это?

– Это владелец Торнфилда, – спокойным голосом ответила она. – А вы разве не знаете, что его зовут Рочестер?

Конечно, нет. Я никогда не слышала о нем, но пожилой леди казалось, что существование мистера Рочестера – это такой факт, о котором все знают или должны знать инстинктивно.

– А я думала, – сказала я, – что Торнфилд принадлежит вам.

– Мне? Господь с вами, детка. Ну и ну! Мне! Я всего-навсего здесь домоправительница, управляющая. По правде говоря, мы в дальнем родстве с мистером Рочестером, по линии его матери. По крайней мере, мой муж был. Мой муж был священником прихода в который входила деревня Хэй – та, что вон там под горой, а эта церковь, что недалеко от ворот – как раз его была. Мать мистера Рочестера – из Фейрфаксов, она была троюродной сестрой моего мужа. Но я никогда не пользуюсь родством – зачем мне это? Я считаю себя обычной домоправительницей. Мой работодатель всегда корректен со мной, а большего мне и не надо.

– А девочка, моя ученица?

– Мистер Рочестер – ее опекун. И он поручил мне найти ей гувернантку. Он хотел, я полагаю, чтобы она воспитывалась здесь. А вон и она, со своей бонной, как она называет няню.

Вот и разгадка: эта приветливая и добрая вдовушка – никакая не знатная дама, а такая же наемная служащая, как и я. Но от этого она отнюдь не меньше стала мне нравится, напротив – я очень обрадовалась этому факту. Выходило, что мы действительно равны, а не то чтобы она снисходила до меня. Тем лучше, я буду чувствовать себя свободнее.

Я стояла и раздумывала над своим открытием, а тем временем к нам бегом направлялась девчушка, а за ней следовала ее няня. Я посмотрела на свою ученицу, которая поначалу, как мне показалось, не обратила на меня внимания. Это был совсем ребенок, лет, пожалуй, семи-восьми, хрупкого сложения, с бледным маленьким личиком и пышными кудрявыми волосами, достигавшими пояса.

– Доброе утро, мисс Адель, – поприветствовала девочку миссис Фейрфакс. – Подойдите и поговорите с леди, которая будет учить вас и сделает из вас в один прекрасный день умную женщину.

Девочка подошла.

– C'est la ma gouvernante? – спросила девочка, показывая на меня пальцем и обращаясь при этом к няне, которая ответила:

– Mais oui, certainement.¹

– Они иностранки? – с удивлением спросила я, услышав французскую речь.

– Няня – иностранка, а Адель – она родилась на континенте и приехала оттуда максимум полгода назад. Когда она впервые появилась здесь, то вообще не умела говорить по-английски. Теперь переходит понемножку, только я ее не понимаю, у нее столько намешано французского. Но вы-то, думаю, хорошо поймете ее.

Мне повезло, что меня учила французскому языку француженка, и я использовала каждую возможность, чтобы поговорить с мадам Пьерро, да к тому же последние семь лет каждый день учила что-нибудь наизусть по-французски, билась над постановкой правильного произношения, стараясь подражать произношению преподавательницы, так что я добилась хорошего знания языка, научилась правильно говорить на нем и надеялась не ударить в грязь лицом перед мадмуазель Адель. Когда Адель услышала, что я ее гувернантка, то подошла ко мне, и мы поздоровались за руку. Я повела ее завтракать и по дороге сказала ей несколько фраз на ее языке. Вначале она отвечала коротко, но, когда мы сели за стол, она, посверлив меня минут десять своими огромными светло-карими глазами, вдруг затараторила по-французски:

– О, вы хорошо говорите на моем языке. Как мистер Рочестер. С вами можно говорить, как с ним. И с Софи. Софи будет рада: ее здесь никто не понимает. Мадам Фейрфакс говорит только по-английски. Софи – это моя няня. Мы вместе с ней приехали. Мы плыли по морю, на большом таком корабле с трубой. А из трубы шел дым, да какой! Мне стало плохо от качки, Софи – тоже, и мистеру Рочестеру тоже. Мистер Рочестер все лежал в хорошей такой комнате, называется каюта, а у нас с Софи были маленькие кроватки в другом месте. Я чуть не упала со своей. Она была, как полка. А мадмуазель... как вас зовут?

– Эйр. Джейн Эйр.

– Эр? Ой, я не выговорю. Так вот, наш корабль пришел утром, еще день не наступил, пришел в большой город. Там такие темные дома и много дыма. Не такой красивый и чистый город, как из которого я приехала. И мистер Рочестер снес меня на руках по сходне на берег, а потом сошла Софи, и мы все сели в карету, а карета отвезла нас в огромный и красивый дом, больше этого и красивее, он называется отель. И мы там жили примерно неделю. Там рядом есть такое место, называется парк, большой такой и зеленый, и много деревьев, так мы с Софи каждый день там гуляли. Там было много детей. А еще там есть пруд, и в нем красивые птицы, я их кормила крошками.

– Неужели вы понимаете, когда она вот так тараторит? – спросила миссис Фейрфакс.

Я ее очень хорошо понимала, я привыкла к быстрой речи мадам Пьерро.

– А вы не могли бы, – продолжала добрая леди, – задать ей парочку вопросов насчет родителей – помнит она их или не помнит?

¹ – Это моя гувернантка? – Да, конечно.

– Адель, – спросила я, – а с кем вы жили в том красивом и чистом городе, про который вы говорили?

– Давно – жила с мамой. Но мама ушла к святой деве. Мама учила меня танцевать и петь, читать стихи. К маме приходило много людей, и я показывала им, как умею танцевать. Или садилась к ним на колени и пела. Мне так нравилось! Хотите, я спою вам сейчас?

Она закончила завтрак, и я разрешила ей продемонстрировать свои способности. Она слезла со стула, подошла ко мне и села мне на колени. Затем она скромно сложила руки, встряхнула головой, забросив назад кудри, потом подняла глаза к потолку и запела канцонетту из какой-то оперы. В ней женщина вначале оплакивает измену любимого, а затем, призвав на помощь всю свою гордость, велит служанке принести все лучшие украшения и самые яркие наряды, которые она наденет на бал, где встретит обманщика и своим весельем покажет ему, что его бегство мало трогает ее.

Странноватый выбор темы для столь юной певицы! Я полагаю, продиктован он был желанием потешить публику тем, как такая кроха поет о любви и ревности, и еще дурным вкусом – я, по крайней мере, так думала.

Адель довольно-таки хорошо держала мелодию и исполнила свой номер с наивностью, характерной для ее возраста. Закончив, она соскочила с коленей и объявила мне:

– А теперь, мадмуазель, я почитаю вам стихи.

И, приняв позу, она стала читать басню Лафонтена «Союз крыс». Она прочла басню, соблюдая необходимые остановки и паузы, с правильной интонацией, удачно жестикулируя. Все это было весьма необычным для такой девчушки и говорило о том, что она прошла неплохую школу.

– Вас мама научила читать эту басню? – поинтересовалась я.

– Да. Она обычно говорила мне вот так: «Что с вами? – спросила одна из этих крыс – Говорите!» И заставляла меня поднимать руку – вот так, – и еще говорила мне, чтобы я не забывала на вопросе поднимать интонацию. А теперь хотите, я вам потанцую?

– Нет, этого достаточно. А после того как ваша мама, как вы сказали, ушла к святой деве, с кем вы жили?

– С мадам Фредерик и ее мужем. Она взяла на себя заботу обо мне, но я ей не родственница. Я думаю, она бедная, потому что дом у нее не такой, как у мамы был. Но я там недолго пробыла. Мистер Рочестер спросил меня, не хочу ли я поехать с ним и жить в Англии, и я сказала «да». Потому что я знала мистера Рочестера раньше мадам Фредерик и он всегда был добр ко мне, дарил мне красивые платья и игрушки. Только, знаете, он не сдержал слова, потому что привез меня, а сам уехал, и я его никогда не вижу.

После завтрака мы с Адель пошли в библиотеку. Это помещение, судя по всему, мистер Рочестер определил как место занятий. Книги стояли в застекленных шкафах, большинство были закрыты, но один шкаф – открыт, и в нем находились книги, среди которых было все необходимое для наших занятий на первом этапе, а также несколько томиков развлекательной литературы, стихов, биографий великих людей, несколько романов и прочее. Думаю, он посчитал, что этой литературы гувернантке вполне хватит, чтобы почитать на досуге. И действительно, поначалу она меня вполне устраивала. По сравнению с бедным подбором литературы в Ловудской школе, здесь у меня был богатый выбор книг для души и для ума. Здесь же стояло небольшое пианино, весьма новое и прекрасного звучания, а также мольберт и пара глобусов.

Адель оказалась довольно понятливой ученицей, но рассеянной. Она явно не привыкла к усидчивым регулярным занятиям, какого бы то ни было рода. Я посчитала неразумным сразу же брать ее в ежовые рукавицы, поэтому, позанимавшись с нею как следует, я поближе к полудню отпустила Адель к няне, а сама решила сделать несколько карандашных набросков, которые потом пригодятся для занятий с Адель.

Когда я шла наверх, чтобы взять папку и карандаши, меня увидела миссис Фейрфакс. Она находилась в комнате, створчатая дверь которой была приоткрыта.

– Я полагаю, ваши утренние занятия закончились, – сказала она, тем самым как бы приглашая меня зайти. Я зашла в комнату. Это было большое и солидное помещение с пурпурными креслами и занавесками, турецким ковром, отделанными под орех стенами, одним, но огромным окном с цветными стеклами, высоким потолком с богатой лепниной. Миссис Фейрфакс протирала вазы из пурпурного шпата.

– Как здесь прекрасно! – обведя глазами комнату, воскликнула я, не видевшая ничего даже наполовину похожего на это великолепие.

– Да. Это столовая. Я только что открыла тут окна, чтобы впустить сюда немного солнца и свежего воздуха. Вы знаете, в помещениях, где никто не живет, вечно такая сырость! Здесь рядом гостиная, так там – прямо как в подвале.

И она показала на широкую арку в стиле окна и с такими же занавесками. Сейчас они не свисали, а были подобраны кверху. Поднявшись по двум широким ступеням, я заглянула в гостиную, и моему неопытному глазу показалось, что я вступила в яркий сказочный мир, хотя это была просто-напросто гостиная с будуаром, где на полу лежали белые ковры, устланные, казалось, красивыми цветочными гирляндами. Потолки были украшены лепными виноградными гроздьями, и с ними контрастировали ярко – красные кушетки и оттоманки. Камин был выполнен из бледного паросского мрамора с орнаментом из рубинового богемского стекла. Между окон стояли огромные зеркала, повторявшие смешение снега и огня в этом зале.

– Ах, в каком порядке вы содержите эти комнаты, миссис Фейрфакс! – восхитилась я. – Никаких чехлов! Разве что прохладно тут, а так вполне можно подумать, что здесь каждый день бывают люди.

– Что вы, мисс Эйр! Хотя мистер Рочестер наезжает сюда редко, но всякий раз неожиданно, и, как я заметила, его раздражает, когда он видит все в чехлах или когда при нем начинают срочно приводить дом в жилой вид. Поэтому я сочла за лучшее держать комнаты в постоянной готовности.

– А мистер Рочестер – придирчивый, привередливый?

– Не то чтобы да, но это джентльмен, у него соответствующие вкусы и привычки, и он хочет, чтобы и дом содержали в соответствии с ними.

– Он вам нравится? Вообще его любят?

– Да-да! Их семейство всегда уважали в этих местах. Здесь куда ни посмотришь – почти вся земля с незапамятных времен принадлежала Рочестерам.

– А если оставить в стороне его землю, то сам по себе он вам нравится? Как человек, он может нравиться?

– У меня нет причин не любить его. Он землевладелец, но арендаторы считают его человеком справедливым и либеральным в отношениях с ними. Но он никогда долго и не жил среди них.

– А есть у него какие-то особенности? Какой у него, вкратце, характер?

– О, характер у него, По-моему, безукоризненный. Он человек несколько необычный: все-таки по миру поездил много, много повидал, я думаю. Смеею сказать, это человек умный, хотя я никогда подолгу не разговаривала с ним.

– А в чем его необычность?

– Не знаю, трудно сказать... В глаза ничто не бросается, но это чувствуется, когда он говорит с вами. Невозможно сказать точно, шутит он или всерьез, доволен или наоборот. Его нельзя до конца понять. Я, по крайней мере, не понимаю. Но это обходится для меня безо всяких последствий. Нет, хозяин он хороший.

Это все, что я услышала от миссис Фейрфакс о нашем работодателе. Есть люди, которые неспособны определить в нескольких словах характер, схватить отличительные черты человека, предмета, явления. Эта добрая леди, очевидно, принадлежала к такому сорту людей. Мои вопросы озадачивали ее, но оставались безответными. В ее глазах мистер Рочестер был мистер Рочестер – и достаточно. Джентльмен, землевладелец – и ничего больше. Дальше ее ничто не интересовало, она и не пыталась узнавать и выяснять, и, очевидно, ее удивляло, что мне нужна была какая-то еще информация о ее хозяине.

После того как мы покинули гостиную, миссис Фейрфакс предложила мне осмотреть весь дом. Я ходила за ней вверх и вниз, и все время восхищалась красотой дома и порядком в нем. Большие комнаты со стороны фасада были особенно великолепны. Комнаты третьего этажа, хотя и низковатые и темные, были интересны налетом старины. Видно было, что мебель, когда-то стоявшая на нижних этажах, постепенно перемещалась сюда с изменением моды, так что слабый свет, проникавший сквозь узкие окна, освещал не застеленные остовы кроватей столетней давности, сундуки из дуба или орехового дерева, своими резными изображениями пальмовых листьев и голов херувимов напоминающие те, в которых евреи держат в синагогах свою Тору, ряды старинных стульев, узких, с высокими спинками, еще более старые стулья, на подушках которых была едва заметная вышивка, сделанная пальцами, два поколения назад превратившимися в прах. Все эти реликвии придавали третьему этажу дома вид хранилища прошлого, раки воспоминаний. Днем эта тишина, мрак, причудливость обстановки могли нравиться, но я ни за что не рискнула бы провести здесь хотя бы ночь – на этих широких и тяжелых кроватях. Некоторые стояли в альковах с дубовыми дверями, другие были занавешены старыми английскими тяжелыми гардинами с изображениями непонятных цветов и непонятных птиц, и непонятных человеческих существ, которые все вместе будут выглядеть совсем мрачно в бледном свете луны.

– А прислуга здесь спит? – спросила я.

– Нет. Живут они все в задней части дома, спать здесь никто не спал. Можно сказать, что если в Торнфилд-холле есть призрак, то он живет здесь.

– Значит, здесь нет призрака?

– Нет. По крайней мере, я о таком не слышала, – с улыбкой ответила миссис Фейрфакс.

– А есть какие-нибудь легенды про духов, связанные с домом?

– Думаю, что нет. Но поговаривают, что Рочестеры были в свое время скорее буйным семейством, чем спокойным. Может, поэтому они теперь так мирно покоятся в своих могилах.

– Да, *«после жизни огневой их крепок сон»*, – пробурчала я про себя. – А сейчас куда вы путь держите, миссис Фейрфакс? – спросила я, видя, что она уходит.

– На крышу. Не хотите ли посмотреть вид с крыши?

Я последовала за ней по очень узкой лестнице на чердак, а оттуда по приставной лестнице и через маленькую дверцу – на крышу. Теперь я очутилась на одном уровне с колонией грачей. Я оперлась на зубчатую ограду крыши и стала рассматривать окрестности. Парк при доме предстал предо мной, словно карта. Вот яркая бархатная трава, окружающая серый дом. Вон поляна такой же ширины, как и парк, по наружной границе отмеченная пунктиром из старых колючих деревьев. А вон сквозь гущу деревьев протоптана дорожка, покрытая мхом, который зеленее листвы деревьев. Дальше – церковь за воротами, дорога, спокойные холмы, и все это мирно отдыхает под солнцем пригожего осеннего дня. Еще дальше – горизонт, смыкающийся с ласковым лазурным небом, местами покрытым мраморно-жемчужными облаками. Ничего в этом пейзаже не было необычного, но все радовало глаз.

Я повернулась и стала спускаться с крыши на чердак, но глаза ничего не видели, и я ногой нащупывала ступеньки приставной лестницы. На чердаке казалось черным-черно

после долгого и приятного созерцания залитых солнечным светом зеленых холмов, рощ и лугов, посреди которых расположился Торнфилд-холл.

Миссис Фейрфакс немного задержалась, поскольку заперла дверцу на крышу, а я почти на ощупь нашла выход с чердака и стала спускаться по узкой лестнице и снова оказалась в длинном коридоре, отделявшем комнаты третьего этажа, что выходило окнами на фасад, от комнат задней части дома. Коридор был узкий, низкий, темный, с единственным окном в дальнем конце и выглядел со своими двумя рядами черных низких дверей, которые все до единой были заперты, как коридор в каком-нибудь замке Синея Бороды.

И в то время как я медленно продвигалась по коридору, я услышала звук, какой меньше всего ожидала услышать в этом тихом месте. Это был смех, резанувший ухо. Смех странный – внятный, но неестественный и не от веселья. Я замерла на месте. Смех затих, но лишь на мгновение, и тут же возобновился, еще громче: вначале это был хоть и хорошо слышимый, но низкий и тихий, а затем перешел в громкий и высокий, да такой, который, казалось, проник и отдался эхом в каждом уголке этих необитаемых комнат.

– Миссис Фейрфакс! – крикнула я, услышав как раз, что она спускается по лестнице в коридор. – Вы слышали этот громкий смех? Кто это?

– Кто-то из прислуги, скорее всего, – ответила она. – Грейс Пул, наверно.

– А вы слышали? – снова спросила я.

– Да, хорошо слышала. Я ее часто слышу: она шьет в одной из этих комнат. Иногда к ней приходит Ли, и тогда, бывает, шуму хоть отбавляй.

Смех повторился, низкий и отрывистый, затем перешел в странное бормотание.

– Грейс! – крикнула миссис Фейрфакс.

По правде говоря, я и не ожидала, что какая-то Грейс откликнется. Такого ужасного, сверхъестественного смеха я никогда не слышала. Хорошо, что был ясный полдень, что эти взрывы жутковатого смеха не сопровождались больше никакими сверхъестественными явлениями, что обстановка не располагала к страхам, иначе меня точно охватил бы суеверный страх. Однако это событие показало мне, что я оказалась слишком легкомысленной, не ожидая от этого дома никаких хотя бы сюрпризов.

Дверь рядом со мной отворилась, и в ней показалась женщина лет от тридцати до сорока – крепкая, невысокая, с угловатой фигурой, рыжая, с грубыми чертами лица – внешность менее романтическую и более похожую на привидение трудно было бы придумать.

– Слишком много шума, Грейс – выговорила ей миссис Фейрфакс. – Помните, что вам говорили!

Грейс сделала книксен и исчезла за дверью.

– Мы наняли ее шить и помогать Ли по дому, – пояснила миссис Фейрфакс. – Она не безукоризненна, но свою работу делает вполне хорошо. Кстати, как у вас прошли утренние занятия?

Таким образом разговор перешел на Адель и продолжался до того самого момента, когда мы спустились ниже и оказались в более светлой и приятной обстановке. В холле к нам подбежала Адель.

– Мадам! – воскликнула она, обращаясь к нам обеим. – Обед уже подан. И я очень проголодалась.

Действительно, в комнате миссис Фейрфакс уже был накрыт для нас стол.

Глава XII

Первые дни моей жизни в Торнфилде обещали мне здесь безоблачную жизнь и работу, и более продолжительное знакомство с Торнфилдом и его обитателями не развеяло этих надежд. Миссис Фейрфакс оставалась такой же, какой она предстала передо мной с самого начала – уравновешенной, доброй, вполне образованной и умной женщиной. Моя ученица оказалась живым ребенком, довольно-таки избалованным, а потому несколько капризным, но поскольку она была всецело поручена моим заботам, и никто не мешал мне и никак не вмешивался в мои дела, то девочка скоро оставила свои капризы и стала послушной, и заниматься с нею было одно удовольствие. Она не отличалась особыми талантами, исключительными достоинствами нрава, своеобразием в проявлении чувств или вкуса, что ставило бы ее над обычными детьми, но не было у нее и серьезных недостатков, которые опускали бы ее ниже их уровня. Она заметно прибавляла в учебе, испытывала ко мне теплые, хотя, возможно, не очень глубокие чувства. И ее простота, живость и желание угодить мне вдохновляли меня на ответную привязанность, так что мы были весьма довольны друг другом.

Те, отмечу в скобках, кто с самым серьезным видом исповедует теории насчет ангельской природы детей и считают долгом наставника относиться к ребенку с пылом идолопоклонника, сочтут мой язык здесь холодноватым. Но я пишу не для того, чтобы пощекотать родительский эгоизм, вторить ханжам или поддерживать всякий вздор – я просто говорю правду. Я все душой заботилась о благе и успехах Адель и питала тихую любовь к этому маленькому существу, так же как испытывала горячую благодарность к миссис Фейрфакс за ее доброту, за удовольствие находиться в ее обществе, за ее тихое уважение ко мне, за ее открытую душу и ровный нрав.

Пусть ругают меня, кто хочет, а я добавлю, что временами, когда я одна гуляла по парку или подходила к воротам и смотрела на дорогу, или, если Адель играла с няней, а миссис Фейрфакс возилась с вареньем в кладовой, поднималась на три лестничных пролета, дальше по приставной лестнице на крышу и смотрела вдаль, поверх пустынных полей и холмов, на туманный горизонт, – то в такие моменты я мечтала о способности видеть дальше зрительной границы, взглядом достигать других миров, городов и мест, которые живут активной жизнью и о которых я слышала, но никогда их не видела, или желала получить больше практического опыта, чем тот, которым я обладала, и иметь общение с такими, как я, с другим множеством разных людей и характеров, отличных от тех, что были рядом со мной. Я высоко ценила все то хорошее, что было в миссис Фейрфакс и Адель, но верила в существование другой, более деятельной доброты. И то, во что я верила, я и хотела увидеть.

Кто же ругает меня? Многие, несомненно. Будут говорить, что на меня не угодишь. И ничего не смогу возразить. Неугомонность – часть моей натуры, иногда я не находила себе места из-за нее. И тогда я находила облегчение в том, что шла в коридор третьего этажа и ходила там взад-вперед, в тишине и одиночестве давая волю воображению, которое рисовало яркие и заманчивые картины, и сердце мое взволнованно колотилось, наполненное неясной тревогой и жаждой новой жизни, или внутренним слухом я внимала бесконечной повести, рожденной моим воображением и обильно уснащенная всякого рода драматическими событиями и чувствами, о которых я только мечтала, но в жизни была обойдена ими.

Зря говорят, что спокойная жизнь должна радовать человека. Нет, ему нужна деятельность, а если он не сможет найти себе поле деятельности, то он создаст его сам. Миллионы людей обречены на куда более тихую жизнь, чем моя, и миллионы людей тихо восстают против такой жизни. Никто не знает, сколько таких бунтов против обыденности жизни – о политических бунтах мы не говорим – зреют в толще жизни. Женщины считаются существами в общем спокойными. Но у них есть такие же чувства, как у мужчин. Им требуется

деятельность для развития их способностей и поле деятельности, как и их собратьям – мужчинам. Они страдают от жестких ограничений и косности точно так же, как мужчины. Это лишь самые узколобые из привилегированного пола утверждают, что удел женщины – печь пудинги да вязать чулки, играть на пианино да вышивать сумочки. Глупо осуждать женщин или смеяться над ними, если они стараются сделать или познать больше, чем установлено для их пола давними традициями и привычками...

Будучи одна в коридоре, я нередко слышала смех Грейс Пул, и звонкий, и низкий, и размеренные «ха-ха-ха», тот смех, который так поразил меня, когда я его услышала в первый раз. Слышала я и ее нервное бормотание, оно показалось мне еще более странным, чем смех. Бывали дни, когда ее вообще не было слышно, но бывали и другие, когда я вообще затруднялась понять характер звуков. Иногда она попадалась мне на глаза – то она выносила из комнаты таз, то тарелки, то поднос, быстро спускалась в кухню и тут же возвращалась, и, как правило (пусть читатель-романтик простит мне эту голую правду), с кружкой портера. Ее внешность – грубые черты вечно мрачного лица, не на чем остановить взгляд, – сразу гасила всякое любопытство, взбудораженное во мне ее голосовыми упражнениями. Я пробовала вовлечь ее в беседу, но она оказалась не из разговорчивых: ее односложные ответы пресекали все мои попытки разговаривать с ней.

Другие обитатели дома, а именно: Джон и его жена, горничная Ли и няня-француженка Софи – были приятными людьми, но ничем не примечательными. С Софи я порой разговаривала на французском языке, иногда задавала вопросы о ее родине, но она была лишена описательного и повествовательного дара и, как правило, давала такие куцые и путанные ответы, что отбивала всякую охоту к расспросам.

Миновали октябрь, ноябрь и декабрь. Как-то в январе миссис Фейрфакс попросила меня дать Адель отдохнуть от уроков во второй половине дня, так как девочка простудилась. Адель с таким жаром поддержала ее просьбу, что я сразу вспомнила, какую радость доставляли мне в моем детстве неожиданные выходные. Я согласилась, сочтя за добро проявить сговорчивость. День выдался ясный, тихий, хотя и очень морозный. Я устала от долгого сидения в библиотеке, где провела все утро, к тому же миссис Фейрфакс написала письмо, и его нужно было отправить, так что я надела шляпку и накидку и вызвалась сходить на почту в Хэй. Плохо ли – пройти в погожий зимний день пару миль. Адель удобно устроилась у камина комнаты миссис Фейрфакс в своем маленьком кресле, я дала ей ее лучшую восковую куклу, которую я хранила в шкафу завернутой в серебряную бумагу, и книжку для разнообразия и ушла, ответив поцелуем на ее «Скорее возвращайтесь, моя добрая и дорогая мадмуазель Жанет».

Земля затвердела от мороза, воздух был неподвижен, дорога пустынна. Вначале я двигалась быстро, но потом мне стало жарко, и я замедлила ход. Я не торопясь шла и радовалась хорошему дню и природе. Когда я проходила мимо церкви, колокол как раз отбил на колокольне три часа. Близилась сумерки, и в их приближении, в низко скользящем вдоль горизонта бледном солнце заключалась особая прелесть этого часа. Торнфилд остался в миле от меня, я шла по аллее, которая летом была хороша своим шиповником по обеим ее сторонам, осенью – орехами и ежевикой, и даже сейчас кое-где проглядывали коралловые сокровища в виде ягод шиповника и барбариса. Но главная ее зимняя прелесть состояла в пустынности и не нарушаемой даже шелестом деревьев тишине. Легкий ветерок не производил здесь никакого шума, так как голые кусты боярышника или орешника оставались безмолвны, как белые истертые камни, которыми была вымощена середина тропы. Ни впереди, ни по сторонам, где простирались поля, не было видно ни людей, ни пасущегося скота, а маленькие коричневые птички, суевившиеся на ветках, напоминали одинокие побуревшие листочки, забывшие опасность.

Дорога в Хэй все время шла в гору. Дойдя до середины, я присела на ступеньку перехода через забор. Поплотнее закутавшись в накидку и спрятав руки в муфту, я не ощущала холода, хотя мороз стоял крепкий. Об этом говорил и лед на дороге: несколько дней назад случилась быстрая оттепель и через дорогу перехлестнула вода, которая теперь замерзла. С моего места мне был виден в долине Торнфилд – деревья и черный грачевник, но прежде всего в глаза бросался серый дом с зубчатой крышей. Я сидела и смотрела, пока, солнце, красное и чистое, не спряталось за деревья. Затем я повернула голову на восток.

Прямо на горке, куда мне предстояло подниматься, сидела восходящая луна. Она еще была бледна, но набирала яркость. Луна осматривала сверху Хэй, наполовину спрятавшийся в деревьях и из немногих своих труб посылавший в небо серые облачка дыма. До деревни было с милую, но в тишине я явственно различала звуки жизни в поселке. Моего уха достигало и журчание воды. Я не могла сказать, из какой долины и с какого расстояния, но вокруг поселка было множество холмов и, несомненно, достаточно речушек и ручьев проторили себе дорогу между ними, а в такой тихий вечер до слуха доносилось как журчание ближайших, так и шум отдаленных потоков.

И вдруг в эти далекие и чистые звуки ворвался, заглушив их, грубый шум тяжелого топота и лязга металла. Вот так на картине массивная скала или ствол и сучья мощного дуба, написанные темными красками на переднем плане, застыт дальние лазурные горы, солнечный горизонт и разноцветные облака.

Шум шел с дороги. Я поняла, что это лошадь. Ее еще не было видно, но она точно приближалась. Я уже вставала со ступеньки, но, поскольку тропа была неширокой, снова села, чтобы дать дорогу лошади. В те дни я была молода, и среди прочего хлама в голове у меня хранилась куча всяких историй и сказок, услышанных в детской комнате, и, когда они вновь всплывали в памяти, юность придавала им живость и выразительность, которые не могло дать детство. И пока эта лошадь приближалась, а я ждала, что она вот – вот покажется в сумеречном свете, мне вспомнились некоторые сказки Бесси, где говорилось о живущем в Северной Англии духе по имени Гитраш. В виде лошади, мула или огромной собаки он появлялся на пустынных дорогах, и иногда на него наталкивались запоздалые путники – как вот я сейчас на эту лошадь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.